

САМИТ АЛИЕВ
ВСЕЙ СОДРАННОЙ КОЖЕЙ

Повесть

...самая большая опасность – это не глобализация, не экономический кризис, не массовые эпидемии, и даже не война. Самое опасное – это превращение народа в толпу мамедов, джонов или иванов, что родства не помнят и знать не хотят. Поэтому что родства не помнящему быть-таки биту, драну и сзади пользовану...

Правила Коммунального Общежития для Стран с Населением Менее Пятнадцати Миллионов... Отличия от Правил для Стран с Населением Более Пятнадцати Миллионов совершенно не носят принципиального характера...

ВСТУПЛЕНИЕ, КОТОРОЕ МОЖЕТ ЛЕГКО СОЙТИ И ЗА ОБРАЩЕНИЕ
К УВАЖАЕМОМУ ЧИТАТЕЛЮ, ДА И ЗАЧЕМ МНЕ ОТСТУПАТЬ ОТ ТРАДИЦИЙ?
НЕ МНОЮ ЗАЛОЖЕНО, НЕ МНОЙ И ЗАКОНЧЕНО БУДЕТ... А НАЧНУ Я ТОЧЬ-В-ТОЧЬ
КАК ПРЕДКИ, ЗАДОЛГО ДО МЕНЯ НА ЗЕМЛЕ МОЕЙ ЖИВШИЕ, ЛЮБОЕ СВОЁ ДЕЛО
НАЧИНАЛИ... А ИМЕННО – ОБРАЩЕНИЕМ КО ВСЕВЫШНЕМУ.
ИТАК...

BİSMİLLAH İR-RƏHMAN İR-RƏNİM...

Во имя Аллаха Всемилоостивого и Милосердного

Это перевод, если кто не понял...

...и слышно страшное в судьбах наших поэтов. Н.В.Гоголь.

...садись поудобнее, разлюбезный читатель, устраивайся, не стесняйся, я поделюсь с тобой соображениями, мыслями, последними и не очень новостями, ощущениями, чаяниями, надеждами да предчувствиями. Чай у меня, дорогой друг, горячий, скорость ветра пять метров в секунду, совершенно не ветер по бакинским меркам получается, так, бриз легчайший, не более того, время на часах близится к рассвету, а за окном целый 1417 год... в Баварии как раз закончилась эпоха правления королевы Изабеллы, в Бухаре открылось медресе Улугбека, начался исход цыган из Византийской Империи (точнее, из того, что от неё, от империи, то есть, осталось), в Европе правят целых три Римских Папы, Русь выкашивает эпидемия чумы, занесенная купцами из прикаспийских степей, а Василий Первый в договоре, подписанном с Ливонским Орденом, назван «императором Русским»... но это всё в Бавариях, Бухарах и Россиях, тем временем же в Халебе... в далеком Халебе, что ныне, на территории Сирии находясь, Алеппо называется, казнен Имадеддин Насими... казнен жестоко, с громогласным зачитыванием приговора, объяснением причин, и вообще, при большом скоплении народа... вот сразу же после зачитания, подведя солидную юридическую базу, помолились и приступили... к снятию кожи... заживо, без какой-либо анестезии, асфиксии или предварительного главы усечения... голова была отделена от туловища чуть позже... чуть позже, самую малость подождали, а как только ободрали начисто, так и отсекали, да послали куда надо, во устрашение...

во устрашение, во имя торжества закона и чтобы последователям неповадно было, знайте, мол, и не держайте более казненного... не только, наверное, для устрашения, и не только, наверное, последователей... всё, по-моему, было гораздо прозаичнее, а еретические высказывания, стихи горячительные, да голова с мыслями, что ногам покоя не давали, были всего лишь поводом... Короче, убедительная просьба к господам профессиональным историкам, равно как и к лицам, мнящим себя таковыми: не надо брызгать слюной, не надо выискивать несоответствия общепринятым историческим теориям, трудам и летописям, и совершенно не надо шарить в гуглях и рамблерах на предмет «доискаться до правды и вывести брехунишку на чистую воду», каюсь, повесть полна неточностей, выдумок, анахронизмов и передергиваний, потому что всё это – всего лишь версия... которая тоже имеет право на существование, хотите вы этого или нет, и, клянусь Аллахом, она ничем не хуже прилизанно-официальной или кинематографической... хотя, безусловно, образ Насими, созданный на экране великолепным Расимом Балаевым, во-первых, не мог не оказать влияния на мою работу, а во-вторых... а во-вторых, Расим-муаллим просто гениален... знаешь, читатель, я ведь тоже на самом деле очень старался... не проводя никаких параллелей, честно, никаких параллелей... клянусь могилой собственного деда... а если где и приврал или передернул, то... то вы уж простите порой не совсем трезвому человеку его совершенно трезвую слабость... да и вообще, очень может быть, что это вовсе не про того Насими, не про канонического, а про его однофамильца, такое иногда тоже случается...

Искренне Ваш **Самит Алиев**

Да, и напоследок, перед тем, как окончательно (хе-хе) начать, хочу обратиться к читателю, который по тем или иным причинам ничего не понимает ни на одном из тюркских наречий (за исключением матюгов, привнесенных в российский быт трудолюбивыми торговцами земными плодами)... прочитайте эти строчки вслух, несколько раз... а их перевод я дам вам чуть позже...

Mənə sıǵar (пауза)

İki cahən (пауза)

Mən bu cahana (пауза чуть покороче)

Sıǵmaram...

...и еще, в порядке ликбеза и расширения, что называется, кругозора: слушайте-внимайте, народы разные, и не говорите потом, что нигде не читали и ни от кого никогда не слышали: у моего народа был поэт уровня Насими в те незапамятные времена, когда многие прочие письменности вообще не имели, а о существовании книжек или там свитков с написанным вообще ни разу не подозревали... никакого национализма, дорогой-уважаемый... просто... понимаешь, друг, мои ни разу твоих не хуже...

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ГЛАВА МАЛЕНЬКАЯ

РЕКОМЕНДОВАННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ – «ПИНОККИО»,

ГРУППА «КРЕМАТОРИЙ» (длительность 4 минуты 20 секунд).

ЕСЛИ ПРОСЛУШИВАНИЕ ФАЙЛА ЗАЙМЕТ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ, НЕЖЕЛИ ПРОЧТЕНИЕ ГЛАВЫ, НЕ ПОЛЕНИСЬ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ, И НАЧНИ ЕЁ, ГЛАВУ, ТО ЕСТЬ, СНОВА, ДО ПОЛНОГО, ТАК СКАЗАТЬ, СОВПАДЕНИЯ...
(СОВЕТ, КАСАЮЩИЙСЯ ВСЕХ ГЛАВ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ)

...в ходе строительства не имеющей аналогов в мире подземной автостоянки, полностью соответствующей самым высоким мировым стандартам, памятник выдающемуся поэту Средневековья Имадеддину Насими был демонтирован и увезен в неизвестном направлении. Хочется надеяться, что по завершении строительства его вернут на прежнее место, куда он когда-то был поставлен проклятой Советской Властью...

Новейшая история Азербайджана.

Продолжение следует...

а вот и оно, продолжение, то есть, воспоследовало: вопреки моим ожиданиям и отвратительным предчувствиям, как то: переплавка, продажа на сторону, забвение на каком-нибудь складе, потеря документов, идеологическая диверсия, распилили, сломали, пропили, украли, нету, не было, больше не будет, больше не нужен, усушка, утруска, реорганизация или историческое постановление очередного съезда насчет его, Насими, вредности, чуждости и несоответствия – памятник был водружен на прежнее место. Да прости Ты, Господи, злоязычие моё и пессимизм, годами взращенный, напраслину на людей возвел, всякое худое подумал, доброго не допустил, в пакости заподозрил...

(высовывая всклокоченную и раскалывающуюся после вчерашнего голову из-под подушки, оглядывая царящий в комнате беспорядок, на лице – целая гамма чувств: от желания снова заснуть до полного понимания необходимости окончательно проснуться).

– И чего ты там с утра пораньше шумишь?

– (слегка обиженно) Я мурлыкаю.

– (чуть извиняющимся тоном только что проснувшегося человека, ПОКА ЕЩЕ способного на компромисс) Понял, умолкаю на время. А все же, что это?

– По-моему, «Бэла, не ломайся».

– А на какой фразе я проснулся?

– Не помню, я ж не следила.

– Тебе лень снова пропеть?

– По-моему, «Бэла, не ломайся» и было...

– Нет, я проснулся оттого, что там было что-то, связанное с котами...

– Ааа, это «Пижоны поправляют свой кис-кис».

– Свой чего поправляют????

– Кис-кис.

– Это как так «кис-кис поправляют»? (остатки сна как рукой сняло, а слипшиеся глаза округлились, раскрывшись до пределов, возможных дождливым утром, когда спешить никуда не хочется, да и некуда, по большому счету.)

– Галстук-бабочка – такой, на резинке... не знал?

– Не-а... ни за что не подумал бы... знаешь, когда при мне говорят «поправляют свой кис-кис», галстук-бабочка есть самое последнее, что может прийти мне в голову...

– Ты всё равно хороший...

– Я знаю... еще бы... всё ещё начинающий и никак не перестающий быть перспективным. Холостой потому что, наверное...

– Дурак ты...

– Очень может быть... а в тридцать три распяли, как говорится, но несильно (а это, кстати, идея... для одной из следующих глав).

– Красиво... в тридцать три распяли, но не сильно... чьё это?

– (борюсь с искушением сказать – моё, мол, сам придумал, но выдаю чистую правду) Дядя один... в восьмидесятом году умер...

– Меня тогда даже не было...

– Еще бы... если б ты тогда уже была, я б придушил тебя прямо тут, подушкой, за то, что Высоцкого не знаешь.

– Так это Высоцкий (слегка протяжно и чуть разочарованно. Ну, самую малость разочарованно... вот так примерно: «Высооооцкий»)

– Прощаю на этот раз. Как-нибудь подарю тебе книжку, будешь, лежа на диване, просвещаться...

– Лежа не получится.

– А если я на память подарю?

– В день, когда я от тебя уйду?

– С полуслова понимаешь... так я и расставаться раздумаю...

– А если подушкой по морде?

– Нет, не надо подушкой и не надо по морде, я только проснулся, и рефлекс у меня слегка заторможены...

– И не только рефлекс, видимо.

– Да? А только что я был хорошим.

– А теперь плохой... злой потому что...

– А если я обниму? Только целовать сейчас не буду, потому что у меня зубы нечищенные. Это только пока, попозже я обещаю даже умыться.

– А потом ты расскажешь мне что-нибудь?

– Например?

– Вчера ты начал рассказывать что-то про двух странников, а потом запутался, заврался, проговорился насчет того, где был позавчера, и тихо съехал на другую тему.

– Ну, прокололся, с кем не бывает. Но я же это... покался, и мы потом помирились. Правильно? (протягиваю руку с обгрызенными ногтями к... и вы снова меня правильно поняли)

– (наигранно отодвигаясь) Нет, я тебя еще до конца не простила.

– Тогда я не расскажу тебе продолжения.

– А ты и сам не помнишь. Ни того, о чем это было, ни того, на чем остановился...

– Помню... я всё и всегда помню, просто не всегда правильные выводы делаю и почти никогда уроков не извлекаю... Ладно, я в ванную, а потом... а потом будет тебе про странников...

– Знаешь, а я в детстве умела писать стоя....

– Фу, грязнуля... мерзкая и противная кошка... получается, что моча стекала тебе прям на пятки? Брррр, жуткое зрелище....

– Дурак ты... Женщины умеют раздвигать ноги широко-широко...

– Знаю, именно это мне в них и нравится....

– В некоторых же ты ценишь не только это...

– Это только в некоторых... ценю потому что... закрыли тему, короче...

– Ты гондон, придурок, красная скотина, и всё-таки ты лучшее, что было со мной... не предавай меня...

– Бедная девочка... если это лучшее, что с тобой было... воображаю себе твоё прошлое... галеры, рудники и каменоломни?

– Не понимаешь ты ничего...

– Верно... я иногда вообще ничего не понимаю... например, почему когда женщину берешь на руки и поднимаешь повыше, она так и норовит на голову нагадить...

– Я тебе на голову не гадила, вроде бы...

– Да я тебя как-то... над головой и не поднимал... ты уж извини...

- Ну, иди тогда к ней...
- Я бы пошел... я бы обязательно пошел... но есть объективные причины... да и время прошло...
- Ха... остаешься по причине гордой застенчивости?
- Ни за что бы не подумал, что ты помнишь «Золотого тельца»... не надо руками, а? Прости... знаешь... может, тебе лучше домой поехать? Я тебя на такси посажу...
- Я хочу остаться... не гони меня...
- Хорошо... оставайся... и прости меня за всё... еще раз прости, если можешь... я ведь только беру и почти ничего не даю тебе взамен...

ГЛАВА ВТОРАЯ, ИСТОРИКО-ИНФОРМАТИВНАЯ, ТОЖЕ МАЛЕНЬКАЯ,
УЖ НЕ ОБЕССУДЬТЕ. РЕКОМЕНДОВАННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ –
КОМПОЗИЦИЯ «ТОРПАГЫМ» В ИСПОЛНЕНИИ ХАН АЛТАЯ,
ТАКЖЕ ИЗВЕСТНОГО ПОД ИМЕНЕМ ДЖЕРИМ
(длительность – 4 минуты 22 секунды).
«ТОРПАГЫМ» С ДЕСЯТКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ПЕРЕВОДИТСЯ КАК «МОЯ ЗЕМЛЯ»...

*Пищит вода, гуляет Восток,
Ухмыляется Запад-Контрабандист.
ДДТ, «Беда»*

...так и жил Восток, тем и дышал Восток, там веками и стоял Восток, покупая и продавая, продавая и подкупая, травясь Европой и травя оную, глотки взрезал, свою при случае подставляя, кровью крестился, мечом обрезался, песок, под ногтями застрявший, зубами выковыривал, скалился юродиво и всех юродиво скалящихся уважал, сам веселился и всех окрест веселил, удивлял и дивился, душил и давился, образцом был и образом, когда молил, а когда и молился, где-то стирал, а где-то стирался, народы переселял и сам всё куда-то переселиться норовил... странное место, страшное место, завораживающее, манящее, отталкивающее... то степь, то сад, то горы, то песок, то земля плодородная, то испарения зловонные, то городишко препаршивый, Богом Всевышним напрочь забытый, а то и город огромный, людьми, Господом умудренными, на зависть всему миру и Ему же на славу строенный... и ходили по нему веками люди странные, люди ухмыляющиеся, то печальные, то веселые, то смеялись громко, то плакали тихо, ходили люди, дома-пристанища не имеющие, на день всякий лишь о нем и заботящиеся, припасов не делающие, одежду не латающие, ходили люди в колпаках войлочных, с бородами нечесаными да волосами ниспадающими... из города в город, из деревни в деревню, из селения в селение, изо дня в день, да из ночи в ночь, раскачивались мерно, молились некаждодневно, то пренебрегут, то возле костра забудут, но зикры-восхваления повторяли ритмично, ритмично повторяли, в одну точку уставясь. Дадут хлеба в селении – спаси Господь подавшего, а не дадут – и то беда невелика, ведь у странников живот вольный, а целый день без пищи, до самой до темной ночи, и за пост сойдет, и, очень может быть, что для мира иного во благо запишется...

«...и осадив Халев, он поклялся не проливать ни единой капли мусульманской крови, если жители сдадутся ему без боя. И слово своё сдержал, всех христиан и иудеев перерезал, а мусульман закопал в землю живьем, сатанинское отродье... жуткий у него взгляд, словно он не на тебя смотрит, а самое твоё естество глазами-углищами насквозь прожигает. Он рыжий и синеглазый, и ликом совсем не монгол, лицом он то ли из курдов, то ли из лазов будет, а может, и тюрок, кто ж тут разберет, сколько в человеке кровей намешано... Аллах его ведаёт... потому Чингизиды

его и не любят, хотя в нем намного больше от их Великого Предка (Великий предок – *Чингисхан*¹), нежели во всех них, вместе взятых. А титул у него – всего лишь «великий эмир» при хане... он милостив до странствующих и иногда щедро оделяет тех, кто отличился при нем в религиозных спорах, серебром, Хромой почему-то не любит золота, совсем не думая о том, что вкусы святых странников могут отличаться от его собственных. Но да хранит Аллах голову того, кто его разгневает, мстителен Хромой: «обижали меня во время младости моей – исказню души и тела ваши в пору зрелости своей», – так шепотом ввали да выдумки друг другу два дервиша пересказывали... сидели двое возле костра да медленно черствые лепешки с курутом (курут – сушеный сыр) пережевывали. «Говорят, что когда умер его любимый сын, Джахангир, Хромой три дня не показывался на людях, молился в одиночестве, плакал, грыз хорасанские (Хорасан – область в Иране, в древности славилась коврами на весь Восток) ковры и жилы на собственной руке, а по истечении трех дней вышел из юрты, умыл лицо и погладил рыжую бороду, после чего поклялся при всем войске, что уморит Смерть голодом, не дав ей унести ни одну душу, взвалив эту заботу на свои плечи. Он не пишет по-арабски и почти не говорит на языке Благородного Свитка (Благородный Свиток – Коран), хотя знает его практически наизусть. За это его и ненавидят улемы (улем – мусульманские богословы и законоведы). Как только Хромой стал эмиром, с полдесятка длиннородых в чалмах отправились на плаху за то, что, побуждаемые корыстью и властолюбием, лгали людям, выдавая собственные измышления за слова Аллаха и Его пророка».

Говорить приходилось шепотом, потому что под любым камнем, за любой скалой и в любом караване мог оказаться джасус (джасус – шпион) эмира. Первый собеседник был чернявый, с быстрыми глазами цвета спелой вишни, второй дервиш – глазами посветлее, осанистый, с бородой, слегка подкрашенной хной. Одинаковые хурджины (хурджин – сумка), сшитые из старых ковриков, покрытые придорожной пылью лица и головы необнаженные, на одном – чалма старая, на другом – колпак войлочный, когда-то белый, а теперь... а теперь... да какая разница... был цвета молока с сахаром, да вышел весь, сахар съели, а молоко выпили... Много их, бродяг, шлялось тогда по всему Востоку взад и вперед, некоторые доходили до королевства венгров, а один, говорят, добрался до самого Бремена, где его обязательно сожгли бы на костре за обрезанство, неарийство и вообще сарацинство, если б его чуть раньше не прикончила то ли простуда, то ли какая-то вирусная инфекция. Не стоит смотреть на историю Средних Веков как на арену постоянной войны между крестом и полумесяцем, воевали, конечно, но и торговали, шпионили, путешествовали и даже ездили друг к другу в гости, когда позволяла погода и относительное спокойствие на дорогах. Послы пользовались правом неприкосновенности («*This is Sparta*» и последующий пинок в живот, сначала было намного раньше, а потом намного позже, да и то только в Голливуде), которое иногда распространялось и на купцов. Впрочем, две эти ипостаси порой с легкостью совмещались одним и тем же человеком, который вместе с шелковыми тканями, мускусом и полудрагоценными камнями носил в заплечном мешке верительные грамоты «От Повелителя Востока Владыке Запада, написанному верить, с уважением, купец Мойша». Веротерпимость же мусульманских правителей не объяснялась их приверженностью гуманизму и общечеловеческим ценностям. Все было намного проще, перед лицом всекарающего кулака все морды были одинаково бесправны, и как ты молишься Господу-Вседержителю – дело твоё, только подати вовремя плати, а всякой харе в нужный момент оплеуха гарантирована. Налоги деньгами, женщин в гаремы и десятину кровью, в случае чего, если один Владыка Востока решил дать промеж глаз другому Владыке того же Востока, волюдеющему в непосредственной близости...

¹Здесь и далее примечания автора.

Дервиши шли в Диярбекир, но на дорогах было беспокойно, вот они и задержались здесь, в предгорьях. Путь неблизкий, и идти приходилось, опасаясь: Тимур начал войну с турками, и любого путника, идущего с Запада, запросто могли бы посадить на кол, с сомнением, не соглядатай ли. У Хромононого это быстро делалось: хоп – и сиди на смазанном гуйругом (гуйруг – бараний жир) острие, пока оно из горла не вылезет... не посмотрят ведь, что дервиш, духовная, в некотором роде, особа-физиономия, аркан на шею – и к кадию, на предмет проверки благонадежности. Когда на кольях вокруг трона так много задниц, что от их смрада приходится носы затыкать – это есть первейший знак, что вокруг все лица, и не только, одинаково плоды равноправия вкушают и тем наслаждаются. Одному кол, другому плаха. Чтoб, значитсЯ, никому за свое сиротство обидно не было. И власть Хромого никого своим вниманием не обделит и обязательно уважит, да хранит нас Всевышний от лютости её...

– А как зовут тебя, странник?

– Называй меня Имадеддин.

– Хм... Слышал я об одном Имадеддине... это имя у многих на устах... В свете последних событий... Сеид Али?

– Да. Сеид Али. И что же ты слышал? Всё больше ругали? Или награду обещали, если скажешь, где его в последний раз видел?

– Не, упаси Аллах... так, слышал о человеке... поэт, мол, безумно влюбленный... и быстро бежавший...

– Быстро бежавший... То-то я смотрю, как ты, караван заведев, спрятаться норовишь... то в овраг свернуть, то в барханах схорониться... А как твое имя?

– Называй меня Ходжа...

– Ходжа... Учитель... А не слишком... громко, что ли, а?

– Я наблюдал за тобой, поэт... просто случая поговорить не было...

– И?..

– Может, потом как-нибудь расскажу... а пока – Ходжа...

– Ну, научи, учитель... чему-нибудь... из того, чему людей учишь...

– Ты и без меня ученый... твои стихи весь Восток наизусть читает... я ведь тебя сразу узнал, ученик Фазлуллаха, разорванного конями... Поэт в колпаке белом, в колпаке войлочном... бежишь от Тимура?

– Нет... просто иду навстречу тому, что обязательно должно случиться... рано или поздно...

– На твоём месте да с твоей славой я бы от этого «должно случиться» держался б подальше...

– Я могу видеть будущее...

– А я могу его предсказывать... иногда, конечно... допиздишься ты, Насими из Ширвана (*Ширван – область Азербайджана, в 14-м веке являвшаяся независимым ханством*), ой, допиздишься... впрочем... таких, как ты, ценят... может, пристроишься при дворе какого-нибудь мелика или султана... из тех, что помельче, разумеется, потому что к тем, кто покрупнее, протолкнуться сложнее...

– Может быть...

– Противно не будет?

– Будет, наверное... но у каждого свой жребий...

– Но кидаем мы его сами... кости-то в наших руках...

– А чашечка?

– Да, чашечка... хорошая, кстати, вещь, эта чашечка... а где мой бурдюк? Вот ты где... иди сюда... спаси Аллах и прости грехи мои многие... будешь?

– Нет, спасибо, воздержусь...

– Ну, как знаешь... грехом больше, грехом меньше... мучений людских глоток вина не превысит...

– Страшные слова говоришь, ходжа... или все-таки Ходжа? С большой буквы? Так это имя или обращение?

– Отстань, сказано, о, пронизательнейший из наблюдательнейших... лучше на вот... хлебни... Ха, а говорил «воздержусь»... это же ширазское... настоящее ширазское вино...

– Терпкое...

– Да... говорят, мошенник Аветис подмешивает туда известь... да простит Аллах и его грехи, и наши грехи...

– Ты знаешь Аветиса?

– Винную лавку Аветиса знают все, кто хотя бы раз был в Ширазе...

– И за неимением денег расплачивался с ним шутками-прибаутками или колечком, подаренным гурией из гарема базарного надсмотрщика...

– Или получал палками по пяткам за неумеренное пьянство и нарушение ночного покоя жителей этого славного города... или дневного... стихами, например... или свитками, смуту сеющими...

– Меня не били палками в Ширазе...

– А в Исфахане?

– Что в Исфахане?

– Били палками по пяткам?

– Нет...

– Ну, у тебя всё впереди... целая вечность и весь Восток с Западом, а также Севером, для всех твоих мелких нужд и надобностей... впрочем, как и у всех поэтов...

– Сколько в тебе иронии... кажется, я догадываюсь, кто ты...

– Путник на дороге бедствующих и странствующих, Насими... просто путник... на этом и остановимся... не надо имен, во избежание...

– Тут ведь никого нет...

– Степной ветер поднимает наши слова вверх и передает птицам... а они могут напеть это шакалам, джасусам или стражникам... даже не знаю, кто страшнее...

– Ты боишься стражников?

– Нет, я больше опасаюсь шакалов...

– Ты был в *Ор-Капу* (с крымско-татарского «ворота в валу со рвом»)?

– Я был практически везде...

– А в Ор-Капу?

– Не поверишь, но я даже подвизался там в должности кадия. Недолго, правда, около двух месяцев, но меня потом искали и ловили по всему *Кырым*... около года...

– И как же я сразу не догадался...

– Я постарел... и многое из того, что молва мне приписывает – вымысел... или высказывания других весельчаков...

– Смеющихся во всё горло, когда их бьют палками...

– Или облагают непосильными налогами... занудный ты человек, Имадеддин... и как только тебе такие стихи удаются...

– Все от занудства... стихи его обратная сторона...

– Никогда бы не подумал... получается, что моё зубоскальство это обратная сторона моей же печали?

– Получается... обратная сторона твоей же печали... а еще у тебя белки глаз желтеют... ты бы пил поменьше...

– Тебя ведь тоже глаза выдают... затравленные какие-то... из города в город... и из ночи в день... слушай, поэт, а тебе никогда не кажется, что бóльшая часть рассказней о Тимуре – не более чем слухи?

– Не знаю... хотелось бы верить... но судьба Фазлуллаха – лучшее им подтверждение...

– Да, но его казнил сын Хромого... сам Хромой тут как бы и ни при чем...

- Разве кривые всходы вырастают на прямом дереве?
- Думаю, что хоть и всякая власть от Бога, но Он, отстраняясь, предоставляет шайтану возможность толковать Коран по своему злоехидному усмотрению...
- Смейся над рясой, смейся над чалмой, но не зубоскаль над Книгой... лучше поплачь над человеком...
- Я не зубоскалю, я просто думаю... а плакать... выплакал уже...
- Тогда чем сожалеть о выплаканном, придумал бы лучше, что нам сегодня пожрать, потому что сыр заканчивается, а день – еще нет...
- Где течет вода, там всегда живут люди... где живут люди, там всегда бродят воры...
- Абсолютная истина... поднимайся, поэт, пошли воров с водой искать, а если повезет, может, и сами чего упроемыслим... только сперва костер затоптать надо, а то долго ли до беды... Упаси Аллах тварей Божиих от пожара степного, пощады не ведающего...
- И от ушей чутких с языками доносящими... Упаси...
- Осторожен ты, поэт... осторожен... согнулся под тяжестью таланта... грудь полна, сам у всех на устах, душа об ребра птицей пойманной бьется, а покоя как не было, так и нет... ничего.. и тебя ломают...
- Не ломают, Ходжа... я не трубка камышовая...
- Не трубка... не камышовая... ладно, пошли, поротый-недобитый...

... а кот тем временем залез в приоткрытый шкаф и улегся прям на стопку свежевыглаженных маек... Эй, нахальное и пушисто-ушастое, разве их для вашего удобства туда положили? Нет и еще раз нет, в них хозяин по делам своим многочисленным ходить будет, а вы их лапками и пюзом мнете бессовестно, да еще потягиваетесь нагло, когда я вам выговариваю... а ну, брысь из шкафа, морда инопланетная, потому как опаздываю я... вы тоже, девушка, глазками не хлопайте, нас ждут, нас ждут хорошие люди, с которыми я тебя знакомить буду, такую честь понимать надо да чувствовать... хм... болваны, говоришь, алкоголики? Отчего же, это люди в некотором роде творческие, им полагается... самую малость, для красноречия, вдохновения и забвения реальности, воплощенной в необходимость зарабатывать и выслушивать упреки сварливых жен про пропитое и недостаточное... бузить начинают? Не спорю... но то ж крик души, чего вам, пусть даже с большой-пребольшой зарплатой и при дорогом телефоне, не понять... ваше счастье – в вашем молчании, и потому, когда начнутся сокращения штатов, вас выкинут на улицу последними... так что корпоративных бонусов за лояльность больше нашего скушаете, и пролетариям всех стран тут делать совершенно нечего... успокойся, я никогда не похмеляюсь, а сушняк с утра – так это со всяким случиться может, вот выпью пива или чего другого похолоднее – и мир перестанет быть черно-белым, весь и сразу... Да? Даже в апельсиновом соке, говоришь? Это сколько же его выпить надо... ладно, ладно, умная... только не особо мне тут рассуждай да умничай, а то тоже домой отправлю... у меня это быстро делается... не спорю насчет женщины, есть, есть вещи, которые делают женщину именно ею, женщиной то есть... право на то, чтоб перед ней открывали дверь, пододвигали стул, помогали снять пальто и даже сапоги... впрочем, последнее полагается исключительно любимой, как высшей форме её женского существования...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЕЩЕ НЕМНОГО ИСТОРИИ, САМАЯ МАЛОСТЬ ФИЛОСОФИИ, ПАРА-ТРОЙКА ФАКТОВ И ИМЕН, ЗАПОМНИВ КОТОРЫЕ, МОЖНО С ЛЕГКОСТЬЮ ПРОСЛЫТЬ, КАК МИНИМУМ, ЭРУДИТОМ, ИЛИ ВНАЧАЛЕ БЫЛИ БУКВЫ. РЕКОМЕНДОВАННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОТСУТСТВУЕТ, ХОТЯ ЛИЧНО Я СЛУШАЛ ЭЛЛИОТА ГОЛДЕНТАЛЯ, «ПОРТРЕТ ЛУПЕ»
(длительность – 3 минуты двадцать восемь секунд).

...всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение и направляться в первую очередь против официальной церкви.

Ф. Энгельс

...в 1385 году Великий Хромой вторгается на территорию современного Азербайджана... Правитель Ширвана Ибрагим Дербенди, понимая, что с вышколенной и закаленной в сражениях армией Тимура ему не справиться, решает отстоять хоть какую-то независимость... пусть номинальную, пусть эфемерную, на год, на три, выцарапать ногтями, вымолить на коленях, выцыганить дарами, выманить хитростью или цветастыми оборотами. Ему очень нужно время, самую малость, самую малость, ну, хотя бы десять лет... или даже лучше пятнадцать, потому что у Хромого и без того много врагов, его пытается свалить могучая коалиция, состоящая из мамлюков Египта, турков-османов, ханов Золотой Орды и, страшно подумать, самого повелителя правоверных, халифа Багдадского... Ибрагиму нужно время, ой как нужно время... И тогда он сам, собственной персоной, в составе посольства с богатыми дарами приходит в ставку Тимура и дарит Хромому девять ларцов с жемчугом, девять карабахских скакунов, девять тюков с шемахинским шелком и... восемь рабов... На вопрос Тимура, почему все дары числом по девяти, а рабов всего восемь, Ибрагим, преклонив правое колено, смиренно отвечает: «Твой девятый раб – это я, повелитель»... Тимур приказывает ему подняться и долго-долго всматривается в переносицу Дербенди, размышляя, верить или не верить, о-о-о-о-о, он прекрасно осведомлен о восточном лукавстве и многое знает о людях, о созданиях, которые способны лизать руку только потому, что в страхе перед сапогом, под копчик пинающим, не способны её, руку, то есть, сухожилиями хрустя, до кости прокусить... у Тимура свои замыслы, у Тимура свои желания и соображения, ведь он с малолетства ненавидит кривые улочки восточных городов, где в любой момент может начаться бунт или эпидемия черной оспы, и где один еретик, к стене прижавшись, может долго-долго отряду воинов сопротивляться, подходите, мол, по одному, потому что по два – ну никак не получится (особо не развернешься, какие там копья со щитами, взмахнешь раз саблей – а она, злодейка, так и норовит со стены ближайшей искру высечь)... один за другим под ударами тимуровых войск падают древние города Средней Азии и Кавказа, а на их месте руками рабов-пленников строятся новые... с широкими улицами, высокими минаретами, административными зданиями и странноприимными домами... ему очень нужны рабочие руки, чтобы рыть каналы, возделывать землю, тесать камни и плавить медь... а потому пленных не убивают... рассказы же о пирамидах из срубленных голов оставим на совести многочисленных академиков, что за сказки эти зарплату получают, да после животами любой стол отодвинуть, а то и целую трибуну пошатнуть способны ... бил, давил, резал, устрасал, было дело, казнил нещадно и сопротивляющихся не жалел ни разу, кто ж спорит, но рукам рабочим счет особый вел, и от жадности же великой, современным языком выражаясь, о ресурсах людских радея, строго-настрого своим воинам наказывал: «Пленного корми тем же, что сам ешь, приду – проверю, или пошлю – проверят, и да упаси тебя Аллах волю мою нарушить»... предметом особой заботы Тимура становится город Самарканд, город древний, город славный, повидавший и Искендера Двурогого (*Александр Македонский*), и воинов халифа, и железных солдат Чингисхана... Тимур утверждает величие Бога Единого, Бога Славного, своей кривой саблей и мастерком каменщика. Всё вокруг, пусть всё вокруг служит вящей славе Божьей и свидетельством могущества смиренного раба Его, амира Тимура... старая, полуразрушенная монголами часть города, что расположена на холме Афросиаб, снова оживает и начинает застраиваться.... Главным храмом города становится мечеть «Биби-ханым», построенная всего за пять лет руками ремесленников, свезенных в Самарканд со всех концов Востока, а её

купол, облицованный бирюзовыми изразцами, до сих пор называют «Повторением неба»... и никаких, слышите, никаких кривых улочек... с этого момента кривыми в империи Тимура будут только сабли... верные, острые, изнутри заточенные и пощады не знающие... шесть главных проспектов сойдутся в центре Самарканда, на площади Регистан, и прямо в её центре жена Тимура построит торговый центр... Чор-Суу... постройка – дай Боже каждому... вот они, жены, какими бывают... его мысли и желания обгоняли время, все, чего он хотел, так это разрушить старые города, вместилища беззакония, проказы и оспы, и дать людям новые, светлые, чтобы не было давящих потолков и сжигающих свет сводов, а одно только синее небо на много дней конного хода вперед, синее небо, мечта кочевника, да степь вокруг, где края не видно, а дойти до горизонта и коснуться его рукой – первейшее дело... а еще говорят, что очень и очень давно, задолго до Искендера, когда Самарканд был только заложен, с Зерафшанских гор спустился леопард. Пятнистый, усатый, любопытнорожий такой, с ушами округлыми и усами длиннющими. Обнюхал камни, посидел рядышком со строителями, облизнулся хитро, покивал одобрительно и обратно в горы прыснул... так, во всяком случае, уверяет Абу-Саид-Абдуль-Рахман-ибн-Мохаммед-Идрис, человек, в истории искушенный и авторитетный, такой врать ни за что не станет... хотя про уши, рожицу и усы – это я, положим, антиисторической отсебятины добавил, зато про леопарда не обманул ни разу... ну... ладно, не ворчи, не ворчи, читатель, я, в конце концов, имею полное право, потому что леопарды представляются мне именно такими... любопытная и благожелательная рожица, забавная такая, ушасто-усатая, в пятнышках... и хвостик гибкий... чтобы в полете им грациозно помахивая по мере надобности направление менять... брррр... в полете направление менять... в каком полете, какое направление... это я, прошу прощения, оговорился, устал, знаете ли... ну, начну по-новой, и снова о Самарканде... о Самарканде, который застраивался руками строителей, вывезенных со всего тогдашнего Востока... насильственное переселение не могло не вылиться в недовольство и сопротивление, в особенности если отлавливают и переселяют не крестьян и дехкан сиволапых, кроме мотыги ничего не ведающих, а людей деятельных, да с воображением... ремесленников рукастых... гончаров и каменотесов головастых, кузнецов суровых, сапожников, что на язык невоздержанны, портных, что усидчивы, да кожемяк, что молчаливы ... за такими всегда глаз да глаз нужен, потому как если руки у них делом не заняты, сразу в головы мысли разные, сталкиваясь, лезть начинают... креативные донельзя, и всегда почему-то против властей земных... чуть налогами поприжмешь – скалятся гнилозубо, тут уж сами додумывайте, что случится, если их плетью за море погнать попытаешься... о марксизме тогда слыхом не слыхивали, да и забастовки с шествиями устраивать не особо получалось. Вот и вылилось недовольство в целое движение, на философии да религии густо замешанное... хотя за всей философией, как, впрочем, всегда и везде, стояли обыкновенные экономические соображения плюс нежелание покидать землю предков... борьба... борьба бедных против богатых, голодных против сытых, да слабых против сильных... взрывоопасный социально-философский коктейль, куда для пряного вкуса была добавлена щепотка радикального шиизма, по мнению некоторых исследователей, уходил своими корнями в еврейскую *Каббалу*, в тайное мистическое учение, где каждая буква алфавита имела цифровое значение... хуруфиты же искали в причудливой арабской вязи черты человеческого лица, а тот, кто ищет, найдет обязательно, пусть даже для этого потребуется определенное время... сильная это штука, воображение... что захочешь – то и увидишь, чего желаешь – то и подсказано будет, куда уши востришь – то и услышишь обязательно... в особенности, если поэт, безусловно, если бежал и, разумеется, если влюблен, это, мол, ротик, а это уже носик, ну, и для ушек тоже что-нибудь дорисуем, или мы не каллиграфы? Хуруфиты называют Азербайджан «Сарзамин-э-рестахиз»... «Место Пробуждения»... тут-то он, хуруфизм, и развернулся во всем своем великолепии, в

полной своей мистике, когда одному слову два на десять значений придается да расшифровывается, где каждая буква от семи до двенадцати смыслов имеет и, со словами разными сочетаясь, противоположные вещи означать может, а началось всё с двадцати двух букв еврейского алфавита, где двадцать две основные буквы, три праматери, семь двойных и двенадцать простых. И три праматери: Алеф, Мем, Шин. Основа их – чаша заслуг и чаша преступлений, и язык весов закона, склоняющий в пользу одного из них. Три праматери: Мем молчащая, Шин свистящая, Алеф воздух, дух, склоняющийся между ними... и взял Господь наш двадцать две основные буквы; впечатал, вырубил, сочел их, взвесил и заменил, где счел нужным. И сформировал Он все созданное им, и все, что по милости Его ими сформировано будет. Основные же литеры установил колесом, как стену с воротами многими, колесо повторяется спереди и сзади. Знак разумеющему: нет в добре более высокого, чем наслаждение, нет во зле более низкого, чем проказа. И сформировал Он действительность и всё сущее, кроме Себя Самого из Пустоты, и то, чего не было – создал. И вырубил Он великие столбы из воздуха, уловить невозможно их. И тому знак: Алеф – со всеми и все – с Алеф наблюдает и замещает, и делает каждого сформированного и каждого произнесенного в имя одно. И знак тому – многие вещи в теле одном, где Алеф есть первая из букв, что дал Он сынам Адама...

...оплотом хуруфитов становится крепость Алинджа в Нахчыване, крепость высокогорная, а потому – орешек из нелегких, целых два раза войска Тимура вынуждены были, осаду сняв, подалее отойти... не поддавалась Алинджа, никак не поддавалась, два раза, целых два раза волны осадные от стен её прочь откатывались... но сила всякую солому ломит, и в 1401 году Алинджа все-таки пала, и в захваченной крепости были уничтожены практически все книги хуруфитов... кроме «Васиат-наме», да того, что Насими успел унести оттуда с собой... в памяти... главный же идеолог хуруфизма – Фазлуллах Наими, был казнен чуть раньше, в 1394 году... после неудачной попытки склонить сына Тимура, Миран-шаха, к своему учению, он будет разорван конями... Миран-шаха не зря ведь в народе прозвали «Маран-шах»... Шах-Змея... мелочный и мстительный сын Великого Завоевателя, он с самого детства до самого скрежета зубовного завидовал своему брату, любимому сыну Тимура, Джахангиру... патологически, беспричинно жесток, и что-то заставляет меня думать, что теорию Ломброзо Миран-шах подтверждал полностью и недвусмысленно... гопота, к словам равнодушная, к увещаниям оглохшая... портретов, правда, не сохранилось, ну ни одного, к сожалению, чтобы версию мою подтвердить... или я его, портрета или миниатюры, то есть, не нашел, не видел... а потому думать всё-таки я имею право всё, что угодно, как насчет шахов, так и насчет леопардов... попробуйте-ка опровергнуть, на том и стою, с того и стоит за портретов неимением... но вы не отчаивайтесь, если гобелен какой, версию мою опровергающий, найдете – сразу ко мне приходите, обсуждать будем, а потом спрячем его куда подальше, чтоб стройность моей теории не омрачать... Ну что вам, жалко, что ли? И про зверства с жестокостями я вам не наврал, правду, чистую правду говорю, ведь это Восток, ведь тут кругом Азия, и победитель получает всё, от жен побежденного на ложе, до детей его в услужение в лучшем случае, потому что истребить предпочтительней... и не обижается никто, понимает потому что, сегодня мне подфартило, а завтра, глядишь, тебе повезет... потому-то, завоевав чего, всякий здесь зверствует усердно, чтобы мстителей на развод не осталось... так что – сдохни ты сегодня, а я завтра, или еще когда мне Господь Бог предел положит... чем позже, разумеется, тем лучше, потому что у всякого человека и в этом мире дел предостаточно... вот так и жил Восток, покупая и продаваясь, продавая и подкупая, травясь Европой и травя оную, глотки взрезая, и свою при случае подставляя, кровью крестился, мечом обрезался, песок, под ногтями застрявший, зубами выковыривал, скалился юродиво и всех юродиво скалящихся уважал, сам веселился и всех окрест веселил, удивлял и

дивился, душил и давился, образцом был и образом, как молил, так и молился, где стирал, там и стирался, народы переселял и сам всё, куда-то сбежав, переселиться норовил... странное место, страшное место, завораживающее, манящее, отталкивающее, целая, целая часть Света, а может быть, вовсе и не часть его, а сам по себе целый мир, что пахнет розами и разит нечистотами... последняя фраза несколько проигрывает, потому что слово «разит» в соответствии с правилами русской орфографии так пишется через «а»... через «о» она выглядела бы... эстетичнее, что ли... хотя звучала бы точно так же, по-моему...

...и шли дервиши оборванные, дервиши нечесанные, в лохмотья одетые, по всему Востоку бродили, на одном месте днями вращались-дергались, бороденки жидкие к небу задирали, ногами босыми землю топтали, руки к небу синему вздирали и на разные голоса, от Герата до самого Магриба, переливисто, надрывно так, стихи Насими в ритме шесть восьмых выкрикивали (*рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам*)... и если бы только дервиши шляющиеся... от Дербента до Басры, от вод Инда до волн Босфора, на базарах, в чайханах, в домах питейных, в кибитках крытых и прямо под небом открытым распевал люд разношерстный стихи поэта в колпаке, что когда-то белым был, в такт словам пальцами прищелкивая, а которые побогаче, те, конечно, барабанщиков нанимали... и всё на один лад, и всё на ритм шесть восьмых, *рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам*, слова любовные, слова горячительные, по всей земле Божьей любовь земную и небесную утверждая, ритмом восточным, ритмом манящим, пальцами шелкающим да ногами перебирающим, шесть восьмых, шесть восьмых, шесть восьмых, *рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам*, и дышали они животом, а не грудью, шесть восьмых, шесть восьмых, шесть восьмых, шесть восьмых, *рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам*, и «Йагу-Йа-Хагг» повторяли ритмично; шесть восьмых, шесть восьмых, шесть восьмых, шесть восьмых, *рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам, рам-пара-рам-пам*, такое вот упражнение, такое вот уравнение, где «Йагу-Йа-Хагг» – есть одно из имен Божиих, а именно – Истина, Справедливость:.....

(распевается на ритм шесть восьмых, уже как неоднократно было указано выше, перевод стихов мой, но я вам его не покажу, уж больно коряво получилось, а потому незачем, пошлостей да банальностей, дорогой читатель, в этом мире и без моего перевода хватает, и да не умножу я зла в мире Божиим, да не войдет безобразие в мир сей с поддачи моей и участия... Правда, я на самом деле очень старался, губы кусал, волосы ерошил, поминутно с кресла вскакивая, комнату шагами мерил да, под нос бубня, рифму искал... ах да, еще в потолок пристальнейше всматривался, но ни одна рифма, кроме «гондон-телефон», в голову так и не пришла, как я её, голову, то есть, руками не сжимал, не обхватывал ... ну... ну... ну, не получается из меня поэта, не получается, хочешь – от злости лопайся, хочешь – влюбляйся безответно, а хочешь – литр вина красного в забегаловке дешевой вылакав, в толпе по базару или по микрорайону шляйся... может, и услышишь чего... или увидишь... чего-нибудь такое увидишь, что, за кадык схватив, на месте дыхание перекроет, а чуть погодя, изнутри легкие расширив, вдохновением по левому глазу стукнет. Да так стукнет, что из него аж искры посыпятся... но прозой писать всё равно стараюсь... стараюсь и надеюсь... да, Насими, и прими совет далекого-далекого, но, тем не менее, «старающегося соответствовать»: слушай, Насими, слушай внимательно и прости младшего за дерзость заранее, вот пойдешь к любимой, вот прольет она вино на своё новое платье, так ты, как тот Мюнхгаузен, сам себе рубашку вином облей, упрека или, еще хуже, оплеухи не дожидаясь... целее будешь, да и по совести как-то, по-честному, по справедливости, но... пусть её руки навсегда останутся тонкими, пусть она каждый вечер кладет их тебе на плечи, пусть ерошит пальцами твои волосы и тыкается носиком тебе в щеку,

пусть твой вдох совпадет с её выдохом, и пусть она уйдет, пусть она обязательно уйдет, везде оставив свой запах, везде-везде, от дивана до подъезда, после чего ты напишешь свою лучшую вещь и окончательно рассоришься с критиками... а потом.. а потом пусть они снимут с тебя кожу.. ты ведь уже согласен, Насими, не так ли? Верно, согласен, заранее согласен, на всю жизнь согласен, а потому – пусть снимают.... кому суждено быть ободренным, нечего сокрушаться насчет испорченной красным вином рубашки... и чего я тут перед тобой распинаюсь, спрашивается? Ты и сам, ты и сам всё лучше меня понимаешь... в противном случае это мне бы выпало родиться в четырнадцатом веке, а тебе – еще неизвестно как скончаться в двадцать первом...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, ПРЕИСПОЛНЕННАЯ РАЗНООБРАЗИЕМ,
ВСЕВОЗМОЖНОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО И ВСЯКОГО СОВРЕМЕННОГО БЕЗОБРАЗИЯ.
РЕКОМЕНДОВАННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ – «БАЯТЫ ШИРАЗ»,
(длительность – 6 минут пятнадцать секунд), ИСПОЛНЯЕТСЯ НА ТАРЕ. ПРЕДВИДЯ
ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ТРУДНОСТИ С ДОСТУПНОСТЬЮ УКАЗАННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВНЕ
АЗЕРБАЙДЖАНА И НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, В ЧАСТНОСТИ,
МОГУ ПОСОВЕТОВАТЬ ФИЛЬМ ТАРКОВСКОГО «СТАЛКЕР». ИМЕННО ЭТО ПРОИЗВЕ-
ДЕНИЕ БЫЛО ИСПОЛЬЗОВАНО В КАЧЕСТВЕ БЭКГРАУНДА ДЛЯ ТИТРОВ...
НУ, ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ, ЧЬЕ КИНО, ДА КТО ИГРАЕТ...

*У тебя есть всё,
Чтоб об этом Забыть.
Есть всё,
Чтоб об этом забыть...*

SunSay «У тебя есть всё, чтоб об этом забыть»

– Тоска и произвол – они не только славянскими бывают. И если ваша с тюркской схлестнутся, так то еще неизвестно, кто кого, заголосив-затосковав, перепоет-перевоеет. Отчего бунчук в Москву перекочевал? А?

– Ладно тебе... тоска... произвол... живой же... бабы опять же... одного не пойму, зачем тебе несколько сразу...

– Не знаю, не задумывался как-то...

– Я знаю... ты ими просто дрочишь...

– Хорошая мысль, оригинальная... дрочить живым человеком... четко определил... не возразишь... большего не скажешь... как ты ни старайся...

– Не осуждаю.

– Но читал...так, что ли?

– Так... а интересная у вас страна...

– На свою посмотри...

– Нагляделся уже... та же комсомолия у власти...

– На всех этажах и антресолях... Вороватая такая, вечно красноречиво-непереходящая... лапки липкие, глазки быстрые...

– Заплывшие, хитрозауженные...

– На одном заводе клепали, видимо...

– Точно. В одном цеху, по единым чертежам, под одним ОТК... знаешь, один мой знакомый, заказывая проститутку, требовал от них только орального секса.

– Тоже вариант. А чем объяснял?

– Сношение, мол, слишком интимная штука, чтобы заниматься им с проституткой.

– Забавная версия. И имеет право на существование.

- Полное право, никто и не спорит... безусловное. Интимное и личное...
- А пить почему перестал?
- Ну... Захотел и перестал. Так получилось...
- И не тянет?
- Нет, почему же, тянет иногда. Но чаще всё-таки не тянет.
- Закодировался, что ли?
- Нет, просто Богу пообещал...
- С какой такой радости-то?
- Было дело. Какая разница, по большому счету...
- А ты вообще замечал, что Он тебя любит?
- Знаешь, если честно, то замечал... даже если не любит, то относится как-то по-особенному. Сам посуди, не сжевали, не убили, не искалечили... хотя стараний в свое время было приложено достаточно. Более чем, по-моему.
- Любит, получается.
- Вот и мне так кажется... даже если все остальные, ну, многие, во всяком случае, считают полным засранцем...
- Я это слышал где-то. Или читал.
- Что именно?
- Ну, выражение это: «Бог тебя любит, даже если все вокруг считают засранцем».
- Значок такой был. Я долго с него смеялся, согласись, чувство юмора на уровне...
- Пошловато и несколько избито.
- Ну не знаю, мне, например, понравилось...

...познакомились мы с ней случайно, в магазине, киношное такое знакомство получилось, у неё сетка с мандаринами разорвалась, я и помог мячики зимние, солнышки раскатившиеся с полу подобрать... и никаких задних мыслей... просто оказалось, что она живет неподалеку, и всё получилось как-то... само собой, что ли... такие женщины бывают или абсолютно фригидны, и их не расшевелишь даже стимуляцией клитора, или же под ними еженощно простыня дымится, да царапины на спине остаются... она слегка удивила меня в первый же вечер, когда попросила кончить в неё, сказав, что всё равно бесплодна и беременность ей не светит... материнство, как следствие, тем более... такие вот ужимки современности, сравнительно молодая, но уже с тоненьким таким шрамом вдоль живота, чуть ли не от солнечного сплетения до самого лобка... я в детали не вдавался, неловко было как-то, да и неинтересно по большому счету, что мне до дня вчерашнего, что нам до дня завтрашнего, который мы не стремились разделить ни разу... хотя простыня под ней практически дымилась, зубы клацали, спина выгибалась, а голос на вопль оргазменный в ходе прикосновений так и срывался... правда, иногда мне казалось, что я тут совсем как бы и ни при чем, а всё происходит само по себе, я же просто наблюдаю за всем со стороны, сторонний такой, посторонний, фаллоимитатор, мужичок для здоровья, иллюзия избавления от одиночества не только для неё... Случайные свои на пару ночей, пожизненно чужие по их завершении, без последующих звонков и упреков, друг другом подрочили и разошлись, как будто ничего и не было, да и какие претензии к она-низму, в конце концов... ничего... ничего более, даже запахов друг другу не оставили, а воспоминания – да Бог его разберет, калейдоскоп этот, полово-человеческий, кроватно-скрипучий, простынескомканный, губокусанный, средьночи-смсный, в кафе лапанный, а чуть позже на диване оранжевом в щели многие ебаний... вечная гамма, ежевечерний соляк, сюита для вечернего голоса без утреннего оркестра: «до, ре, ми, фа, соль, ля... ля...ля... ляжжжжжковой, ухххх!!!!!!». Да и минет у нее совершенно недушевный получался, скорее, механический какой-то... а потому, наверное, и со-

жалений особых не было, когда в один прекрасный день она решила больше не возвращаться... Двадцать первый век на дворе, други и братие.. всё трахаемся, трахаемся, только вот жениться да детей завести никак не соберемся... высказывания же женские порой просто нокаутируют: «всё они бляди, кроме меня, запомни. А колбасу я не буду, её резать надо»... бляди? Хм... ну... не режь... ни по мертвому, ни по живому... все, говоришь, бляди, кроме тебя? Ну... у меня на этот счет, впрочем, как и всегда, особое мнение... и не надо лежать на полу, вставай, а то кот уже косится удивленно... как, как? Не осталось настоящих мужчин, готовых поднять женщину с пола, говоришь? Ну... допускаю, в принципе... только настоящие женщины тоже как-то по полу не валяются...не позволяют себе, знаете ли... так что все мы друг друга стоим, без обид и без претензий...

...и снова я оставляю без ответа её телефонный звонок... ну тебя, девочка, с твоими тонкими кокаиновыми ноздрями... лань трепещущая... слишком ты какая-то проблемная, что ли, а нервы у меня уже совершенно не те, чтобы все твои закидоны терпеть, прости, устал я, очень устал...

...цивилизация, дорогой товарищ, вообще представляет собой довольно сложный и длительный процесс утончения обычной дубинки до размеров скипетра. Все эти Винздоры, Гогенштауфены, Брауншвейги и прочая-прочая-прочая спервоначалу были (не говоря уже о Пехлеви и Бернадотах) простыми разбойниками... ну, может, не совсем и простыми, но те еще братцы-хватцы, в лесах и полях весьма авторитетные, и все послабее да попроще, что окрест жили, сильно их за таланты разные уважали. Издалека завидев, подальше схорониться норовили... на всякий случай, во избежание процесса отчуждения приглянувшейся собственности...

...для кочевых племен государственных границ не существовало чуть ли не до тридцатых годов двадцатого века... то тут они, то там, сегодня в Сирию отошли, со стадами и семьями, а завтра по Ирану кочуют. Везде они себя вольготно чувствовали, по краям всадники с копытами, а посередине – кибитки с женами, старухами, да детьми малыми... так и ходили по всему Востоку, сами себе хозяева... а как война – так тоже особо голов не ломали, кто больше заплатит – за того и ввяжутся... отступающих опять же побить-пограбить первые мастера, а как опасность – рассыпаются вольной конницей, заверещат гортанно, не догнать, не окружить... своим законом жили, своим укладом, шапку на бок, в случае чего, заломят, свистом зальются – и нет у них царя, нет границ, нет повелителя, один хан или шейх, восход за плечами, да Господь Всевышний наверху, где синь лоб заламывает, кружит мороком, а закрутив, на части рвет-разрывает... великим позором считалось гостя обидеть или страннику в чём нужном отказать, потому и обновлялась кровь постоянно, покрутится тип приبلудный, пооботрется, да и прилепится к деве из племени кочевого... и куда ты теперь от жениной родни денешься, раз уж детишки пошли? Вот – то же...

Ходжа и Насими шли, не прятались, не сгибаясь... степь здесь, и пока войско того или иного государя шагом мерным по ней не пропылит, нет здесь ни царей, ни шахов, ни мытарей, ни лиц прид-(т)-ворно-духовных, а один только Господь... на много дней пути... потому и опасаться особо некого... шагай себе с головой поднятой... а волки появятся – огонь разведешь, посохом отобьешься... если будет на то воля Божья... если будет на то воля Божья, обязательно отобьешься... шли не крадучись, за холмиками не прячась, но закон степной всё-таки нарушили... кто-кто... Ходжа и Насими, две стороны монетки одной, халата одного изнанка и сторона лицевая... подошли к кочевью и барашка унесли... с голодухи, ясное дело... а зачем чего поменьше не сперли? Ну, так не было там чего поменьше... ни кур, ни кроликов... а деревья плодоносящие в степи не растут, потому и яблочка не сорвать, чтобы насытиться... грех, грех без спросу чужое брать, кто спорит-то? Никто, никто даже не ду-

мает... но осуждать их не станем, хотя бы до тех пор, пока у нас в холодильнике есть чего закусить да выпить. А вот если, не дай Боже, не станет, и опустеют, упаси Аллах, «Мински» с «Электролюксами» – тогда и встанем в позу горделивую и, головой покачивая, осуждающе скажем: «А вот я бы, например – никогда... ни яблочка, ни барашка, ни курочки, ни вообще чужого, потому что с принципами с самого вот того сиськососущего возраста до самой седины на висках и ниже»... не судите, говорю, строго, у вас зарплаты, бонусы, карточки в развлекательный центр, да плюс что урвете, где начальство не заметит, а у Ходжи с Имадеддином – одна степь впереди да зинданы сырые с решетками, толщиной в ишакиный хвост в прошлом... а так, справедливости ради, замечу, что у Ходжи вообще, в отличие от уважаемого читателя, принципов особых не было, а если и были – то самую малость, чтобы ноги, говорю, с голодухи не протянуть... Насими, правда, побрыкался слегка, мол, просвещенному человеку не к лицу чужих баранов таскать, но Насреддин ткнул его разок под ребра, чтоб в чувство привести, чтоб не шумел, да барашков не беспокоил. Rrrrrраз – и цапнул агнца волоком, взвалил на плечи и, Насими впереди себя пинками да шипением подгоняя, за холмом скрылся, подальше от становища, чтоб никто, знаете ли, не спросил, не попалил, что это вы тут делаете, бродяги бездельные, и где барашка сплутовали... а как отошли, Ходжа повернул барашка в сторону Мекки, произнес «Бисмиллях» и заколол по обычаю, после чего к Насими обратился... понимаешь, мол, дорогой, я унес, я дотащил, я же и заколол, а вот свежевать вкусного тебе придется, раз уж к мясу приобщиться хочешь. Чтобы всё по-честному, по-справедливости, и делами рук своих человеку питаться положено... покряхтел Насими, как человек просвещенный, поворчал, попенял немного, глаза к небу воздев, но деваться некуда, если живот подвело, потому как на голодное брюхо никакой Платон на ухо не ложится... освежевал, требуху удалил, разрезал на части, всё, как полагается, всё по обычаю, потому как просвещение просвещением, а жрать все здоровы, что просвещенные, что не очень грамотные... но не успели они огонь развести, чтобы несправедливо добытое поджарить, как подхватили их под руки, навернули халаты на головы, да повели прям в шатер главного... в шатер главного в кочевье, хозяина племени, да и всех баранов окрест вообще... пояса сорвали, руки за спиной ими же и связали, на всякий случай, чтобы не рыпались перед главным или по дороге... пояс, он, знаете ли, очень смирение внушает... особенно если узел водой подсоленной смочен, да потом зубами затянут накрепко... весьма смиряет, мысли о бунте и неподчинении прочь гонит и, как ничто иное, бездну уважения вызывает... ну, или видимость оного... тоже неплохо в экстремальной ситуации, когда кого всей харей в ковер завалить надо, пусть хоть видимость создает, болезный... Насими, Насреддин, станут там разбираться... ноги шире, шире, сука, лицом к стене, черножопый... а то понаехали тут, понимаешь...

...оглядел шейх бродяг связанных и подал знак воинам, мол, поставьте их на колени, оборванцев эдаких, да так поставьте, чтоб глазами не меня, а ковры разглядывали... ткнули обоих под сгиб коленный, да на плечи сверху надавили, приказ шейха исполняя... а потом, за шкурки ухватив, носами к ковру придавили... так уж полагается, если попался... испокон веков не за то гнут-загибают, что барашков воровал, а за то, что, осторожности не проявив, вовремя удрать не получилось... терпи теперь, раз уж попался... в следующий раз умнее будешь... встал шейх над жуликами пытаясь, да так встал, что носки сапог с головами склоненными почти впритык были... и двинул речь краткую, мол, казнить вас не стану, не тот проступок, чтобы голову от туловища отделять... но слово моё помяните... «Тебя, – обратился он к Насими, – обдерут так же, как ты того барашка, а ты, – наклонившись к Ходже, – всю свою жизнь посмешищем будешь, как я чуть не стал для завистников и племен соседних»... приподнял обоих за волосы, поглядел в глаза с сожалением, с сожалением

неким, будто всю правду из них испил, все прошлое в них увидал, да в будущее заглянул, а после обратился к воинам своим: «Всыпьте им с десяток плетей каждому, потом накормите досыта, дайте запас еды и воды дня на три и гоните взащей из стана. Да не скажет никто, что род мой и племя с путниками вопреки закону степному обошлись»...

Жаловаться нечего, ведь если и выдрали, то ведь накормили потом (хотя Ходжа и намекал громогласно, что плети на сытый желудок легче переносятся, накормили бы, мол, для начала, а?). Накормили... да мало того, что накормили, так еще и с собой дали... на дорожку... не без пинков, правда, не без зуботычин, но хурджины получились вполне по совести... боков округлостями на ощупь приятны, узорами разноцветными так глаза и радуют, а края вообще эстетично весьма узелками завязаны... на десятки лет, если не на века деланы, куда там пижонским барсеткам с рюкзаками, ни одной ниточки неподобающе не вылезет, а расцветка еще владельца переживет... ну, почесались, закинули хурджины на плечи и пошли себе далее потихоньку, куда глаза глядят... сплевывали, правда, сквозь зубы, матерились вполголоса, не без этого... ну, кому ж после плетей приятно бывает? а вот барашков не воруй, нечего, глядишь, и не побьют, не выдерут... Хотя, по совести говоря, это совершенно не гарантия, неворующим, знаете ли... как-то даже больше достается... по спине, по плечам, да и по голове болезненно влетает... уууууууу как, в особенности, если по темечку... а глаза всё больше на ковыль глядели, потому что когда идти совершенно некуда, надо просто закрыть глаза, ноги тогда сами куда-нибудь обязательно да выведут... из всех степных правил это есть правило наипервейшее... поглядел на шарик ковыля, глаза прикрыл, потом к ветру, зажмурившись, приняхался, и с какой стороны Её запахом потянет – туда и направляйся... а сам не захочешь – так ноги у тебя и спрашивать не станут, нужен ты им при таких раскладах... но это не более, чем мое мнение, что именно Насими с Ходжой в воздухе унюхали – не знаю, со мной не поделились, или просто я во сне не расслышал... наверное, дальше пойти решили... Насими было нужно... ему очень нужно было попасть в Диярбекир... вообще человека, чувствующего и мятущегося, обшопать – пара пустяков, ты только скажи ему – «пошли с нами, дорогой, айда, мы и только мы, мол, за правду», так он, дурак эдакий, впереди тебя с криками побежит, флагом размахивая... Ты, главное, убеди его... обмани, если получится... это совсем не сложно, ведь пишущий да декламирующий доверчив донельзя, ему недельку-другую о любви поэзмэсь – сам с себя кожу тебе на перчатки снимет, самостоятельно и без понуканий, если, разумеется, на тему запал... нерв ведь, нерв обнаженный, нерв, что близко, совсем близко, на укол булавочный к верхнему слою кожи лежит, ни есть, ни пить особо не просит, одним, прости Господи, никотином пробавляется, и откуда только берется... живучий же гад, бить – били, а до смерти не убили, отверткой тыкали, а на шурупы не разобрали, не раз и не два задешево продавали, а вот цену сбить не сумели... потому – облизнитесь двуязыко, пишущий обязательно выкрутится, декламирующий наверняка выговорится, ищущий всегда докопается, заболевшему – выздоровление, немощному – лекарство, костыли – одноногому, презерватив – опасавшемуся. Так уж заведено, не нами писано, не нами и стерто будет, не по стреле груз, не по Ахмеду папаху, не по Сеньке шапка, и не по бабе квашня, как само собой разумеющееся... выкрутимся, не впервой, только вот головой об стенку прилюдно биться на потеху почтеннейшей и не очень публике – по любому не след... исцарапанному – излечение, укушенному – прививка, порезанному – повязка и первичное натяжение немного позже (медицинский термин, да)... не спятишь, так выползешь, не впервой, поди, а уж если спятишь – так тоже позитива не оберешься, поедешь себе тихонечко «Шизу» дописывать... серые стены, трехразовое питание, задушевные беседы с соседями по палате и одна сигарета на круг... не правда ли, весьма гауптвахту напоминает... кушали, знаем, правда, пока не психушку, чему и радуемся без меры...

...двигаясь на запад, армия Тимура вытеснила из Средней Азии кочевые племена Кара и Ак-Коюнлу. Без особой крови, разве что пара-тройка стычек на этапе вытеснения (ну, или отступления кочевого), не оказавших на историю региона сколь-либо особого влияния... на свою голову, как выяснилось впоследствии, потому как немного позже, в апреле 1408 года, именно битва при Сердруде положила конец владычеству тимуридов в Азербайджане. Голову Миран-шаха поднесли Кара-Юсуфу, и ему, Кара-Юсуфу, наверное, подумалось... да мало ли, что может подуматься победителю... не об этом речь... хотя... думалось, ему, наверное, всякое... может, государство от Средиземноморья или даже от самого Египта до берегов Каспия, а может, просто хмыкнул человек удовлетворенно, на голову врага поверженного поглядывая... у трупа врага всегда приятный запах, на какой бы стадии разложения он, труп, то есть, не находился бы... а кровь противника всегда очень приятна на вкус. Солоноватая, но почему-то со сладким таким запахом, что ноздри наизнанку выворачивает... выворачивает, а вот тошноты почему-то не вызывает... сплошь положительная, получается, эмоция, и амбре носовым рецепторам донельзя разлюбезное...

– Насквозь тебя вижу, будто стеклянный ты, а потому все мысли твои мне заранее ведомы. Глаз твой прозрачен, Насими, прозрачен, глаз прозрачен, а мысли туманны... одно хорошо – хоть слог и не всегда ясен, слова у тебя на все времена жгуче-понятны...

– Ты кто?

– Это неважно. Важно сейчас только то, что я тебе сказать должен. В сторону Коньи не ходи, а южнее неё подавно не суйся... пропадешь. Ты в любом случае сгинешь, просто если пойдешь в сторону Коньи, а оттуда южнее свернешь – это случится раньше.

– Откуда ты это знаешь?

– Это тоже неважно, важно только, чтобы ты выслушал меня до конца... Дойдя до Коньи, примешь участие в состязание ашиков (народный певец-поэт). И, может быть, одержишь победу. А победив, южнее свернешь с наградой полученной. Тут-то тебя судьба и настигнет... рано или поздно... за день не скажу, но случится это в Халебе, через пару часов после полудня... не знаю, на какой площади, не знаю, знал, но позабыл, ты уж извини... И тебе не суждено умереть легко, Насими, смерть твоя будет долгой и мучительной, кожа лоскутами слезет, печень брюшину продавит, волос вовнутрь вроснет, а средоточие дыхания ребра выломает... не суждено тебе легко умереть, Насими, никак не суждено... после смерти же ты проживешь еще не одну тысячу лет, стихи твои будут на разных языках разными голосами распеваться, и до скончания времен на устах человеческих останутся... свиткам же со стихами твоими не раз и не два суждено сожженными быть, разорванными да растоптанными... многих участь твоя за слова или восклицания, что с твоими схожи, постигнет, многие еще полягут, кто на плаху, кто от болезни сердечной, а всё за то, что стихи твои повторять будут, перепевать, подражать, вытанцовывать да переиначивать... по следам твоим, всё по следам твоим...

– Скажи мне, кто ты... я должен знать....

– Ты ничего и никому не должен, Насими, никому... забудь... перешли все долги твои ковылю катящемуся, солнцу заходящему, да луне ущербной... а я... я странник во времени и по земле Божьей, и с самого Дня Сотворения до Дня Взвешивания (День Взвешивания – Судный День) по земле бродить обречен... помощи от меня пусть никто не ждет, вреда, впрочем, тоже... я прячусь в ветках чинары, когда её обдувает ветер, я плачу в стволе кедра, когда его на корабли легкие рубят, я сгораю в сухой траве, когда её в степной костер подкладывают... а больше ничего не спрашивай, всё равно не отвечу, всего остального тебе знать незачем... просто незачем... время придет – сам на своей шкуре почувствуешь, в полном смысле слова этого, в полном смысле этого слова...

...рывком Насими поднялся, сел возле сумок с провизией, помотал головой, сна остатки с себя стряхивая, огляделся вокруг – никого... никого, даже ветер дуть перестал... сон ли, явь ли, не думал даже, губ не закусывал, лба не морщил... повел зябко плечами, поглядел на Ходжу храпящего, рукой по лицу провел, в себя приходя, какой уж тут сон, раз некий неизвестный со словами ужасными лезет-беспокоит... Ходжу, конечно, растолкать пришлось, от страха великого и недоумения:

– Ходжа... Ходжа... просыпайся.

– А? А?? Чего ты? А?

– Ничего... ты вокруг никого не видел?

– Кого я во сне видеть мог? Покоя от вас, от поэтов, не дожدهшься... на намаз пора, да?

– Нет, не на намаз... Я говорю, никого вокруг не видел?

– Да спал я, спал, откуда...

– А во сне?

– Совсем, ты, Насими, спятил... я и снов-то почти не вижу, разве что после встряски какой... Да чего ты трясешься, спрашиваю? Лихорадка у тебя, что ли... глаза выпученные, покрасневшие... испарина на лбу... что с тобой?

– Сон видел, сон, говорю, видел...

– Какой сон? Да не трясись ты так...

– Не могу... о смерти сон... О моей смерти...

– Блажь всё это, не бери в голову.

– Не взял бы, Аллахом клянусь, не взял бы, если б сон тот о тебе видел бы...

– Так, Насими, давай я тебе виски песочком чистым потру, потом вина глотнешь, укутаешься, полежишь возле костра, пропотеешь, а к утру, как в себя придешь, сходим мы к лекарю одному, к табибу... он как раз здесь, неподалеку живет... пару молитв сотворит, настойками напоит, дымом окурит, все страхи прогонит и сны очистит, или к женщине-ведунье, она всё не хуже сделает... ты только это... зубами не скрипи... ты куда... куда набок завалился... Оооой... что ж ты делаешь-то...

...нет, ну до чего ж интересная графика у арабского языка... и никуда ты от этих точек не денешься... а стоит точку, всего лишь точку над буквой изменить, как совершенно другое слово получится... не приглядишься – не догадаешься, не вдумываешься – не разберешься, не разобравшись – распрощайся с пониманием... ты читай... читай... читай, уважаемый, как Бог заповедовал... как Бог заповедовал, так и читай, читай и впитывай, глаза зашей, глаза заколи, чтобы сердцем видеть и чувствовать...

Наконец старики устали и запыхались.

Джузеппе сказал: – Давай помиримся, что ли...

Карло ответил: – Ну что ж, давай помиримся...

А. Толстой «Золотой Ключик или Приключения Буратино».

...Ходжа около получаса хлопотал над безжизненным телом Насими, подбородок ему тер, по щекам полотенцем влажным хлестал, губы вином промокал да, зубы разжимая, языку в глотку провалиться не давал... а как привел его в чувство, сел рядышком да, дух переведя, выговаривать начал: и что покоя, мол, от него нету, и что выдумывает всякое, а потом ни сам не спит, ни другим не дает, в обморок падает, в себя не приходит, дергается непристойно, декламирует, и откуда, он, такой вот, на его, Насреддинову голову взялся, не иначе, как в наказание за грехи тяжкие... но это, инш Аллах, ничего, он, Ходжа, человек терпеливый, вот сводит Насими к человеку, в болезнях сведущему, он тут, в деревне неподалеку живет, дня два ходу максимум, а потом пешком в Мекку пойдет, грехи замаливать, чтоб ему, Ходже, Аллах Всемилостивый больше таких испытаний ни в этой жизни, ни в следующей не ниспосы-

лал... и ну, на фиг такого Насими, да подальше, поэт он, видите ли, просвещенный он, знаете ли... монолога его Насими не прерывал, сидел тихо, даже отрешенно как-то, только вперед себя глядел глазами остекленевшими... но когда Ходжа, заговорившись, ругнул его трехэтажно, без пяти минут по матери, – вскочил пружинисто, да как ударит его ногой, сидящего, от души так пнул, поэтично, короче, в правое плечо. Больно попал, болезненно, ой, есть там место гадкое, где мышцы соединяются, не приведи Господь, как потом ноет. Ходжа был не раз бит публикой базарной в заведениях питейных, а потому и сдачи давать умел, и побои терпеливо сносил при случае, ну, вроде как ослик его, что не раз писателями до нас был в книжках воспет да в анекдотах описан. Упал Ходжа навзничь, перекувыркнулся через другое плечо, на ноги встал и зарядил левой поэту прям под глаз, чтоб не пинался, когда ему душу изливают да на судьбу жалуются. Ну, матюгнул и матюгнул, нервы не выдержали, который день в пути всё-таки... Вцепились они в бороды друг другу, повалились в пыль, пыхтят, катаются, бока об землю суровую обдирают, матерятся хрипло, то один сверху, то другой, а который сверху окажется, тот того, что снизу остался, кулаками и охаживает, по челюсти ему, внизу пыхтящему, в ухо, в глаз, да за волосы на висках ухватив, макушкой об камень, макушкой его об камень, врага-супротивника... люди восточные обычно перед дракой донельзя шумливы бывают, а эти – ну скажите, пожалуйста, без угроз, без ругани и прочего вокруг кружения сразу к делу приступили, да работают-то как, по-доброму, опытно машутся, ты погляди, читатель дорогой, профессиональные у меня герои, оказывается, ух, какие уклоны, нырки, броски да захваты... мастера, мастера слова, корифеи шутики, спецы тоски и воя на-пополам с делом, неутомимые борцы за столом с книжками и рюмками, а также куриными ножками... ну, ничего, дорогой, скоро им надоест, и они обязательно отдохнуть присядут... или прилягут... а потом помирятся... помирятся обязательно, ведь в степи по-другому нельзя... тут можно поссориться, тут можно разругаться, тут можно даже в кровь подраться и ребра друг другу с воплями ломать, только вот после драки ты зло на товарища держать не моги, потому что в дороге всякое случиться может, и ссора и рукоприкладство, и ругань и хулиганство, нервишки-то шалят, всё, как струна, натянуто, на пределе, бывает, и сорвешься на ближнем справа или слева, а дорога-то продолжается, не закончилась еще дорога-то, и тут уж по-любому лучше вместе держаться... главное – после помириться и зла не помнить... ну, что я тебе говорил, читатель? Надолго их не хватит, помахались минут с десять и прилегли рядышком, запыхавшиеся... пот утирают, кровь сплевывают, носами шмыгают, глаза, правда, злые пока, да слова матерные с языка срываются, но и это пройдет, как отдышатся... подожди, читатель дорогой, вот только кровь рукавами утрут, отсморкаются – отплюются, и всё будет в полном порядке...

Бывает, брат, это всё нервы, дорогой... а ведь на самом деле, что-то с тобой не так, Насими, что-то с тобой не так... совсем не так, Насими, совсем... жил бы ты в двадцатые, нет, не отнекивайся, головой не качай отрицательно, я ж тебя насквозь вижу, знаю, знаю и понимаю, так живи ты в двадцатые, ходил бы себе по Мугани (*историческая область в Азербайджане*), скалился б зубасто, в руке камча, плеточка, то есть, нос в кокаине, сам от спирта и солнца чернее камня речного на изломе, глаза бешеные, и наганом людей в светлое будущее загонял бы... или, наоборот, загоняющих, в горах спрятавшись, отстреливал бы... не сиделось бы тебе спокойно за столиком, не пахалось бы в колхозе, не кашлялось, я ж тебя насквозь вижу, даром, что тихонький сейчас, скромный, молчаливый, короче, как мышка полевая, что каждого шороха боится... не, не боишься, то порой после драки случается, кулаки дрожат, не от страха, напряжение нервное и всегда продолжить готовое... тебе, Насими, только шанс да волю дай, если своей кровушкой землю не напитаешь, так других на то обязательно сподвигнешь, а то и по самые плечи в неё, в землю, то есть, вгнишь...

Мушфиг (азербайджанский поэт) мне уже снился, Есенина я видел, теперь за тобой очередь, дорогой... ты приходи, если неумогу станет, заходи, когда припрет, пообщаемся... может, дьявол твой образ примет, а может, Бог смиростивится и тебя, настоящего, пошлет, чтобы всё без обмана и морока было...

– Я не ношу стрингов, мне всё время кажется, что у меня что-то в попе застряло, дискомфортно как-то.

– Еще бы... мы уже говорили о том, что тебе не нравится анальный секс. Увы, короче, к сожалению, так ты меня туда и не подпустила, а как я просил, как я просил.

– Ну разве ты не скотина после этого?

– Не знаю, не знаю... я ж не прошу, чтобы это было каждый день, честное слово, только иногда, изредка, котенок, раз в неделю, не больше...

– Скотина иногда?

– Нет, не скотина иногда, и в особенности по воскресениям... я об анальном сексе вообще-то. Для разнообразия, ну, чтобы к другим бабам за этим делом не бегать.

– Я сейчас положу трубку, мне не нравится весь этот разговор.

– Да ради Бога.

– Тебе всё равно?

– Догадливая.

...пятисекундное молчание в трубке, шипение на грани мата (не люблю, ну, на фиг, женская ругань звучит красиво исключительно в постели), затем отбойные гудки. Знакомая ситуация, не правда ли, читатель? Что это с ней, я, вроде б, не хамил... странная девушка... впрочем, без проблем, всё равно она на ночь не оставалась, а я очень уж привык к тому, что женщина засыпает под боком, и желательно под самое утро... да, и предпочтительнее на правой стороне кровати... не, ну если ей удобней на левой, ближе к табуретке с пепельницей и телефоном – то тоже можно... разрешаю, не жадный и вполне гостеприимный, потому что... отсосите у красного, короче, и на мозг мне капать не надо, которой не хочется – так ту и не приглашаем, ни зайти, ни, тем более, на ночь остаться... брысь, сказано, стану я тут время терять, как же... впрочем, женщин, которых я любил, я называл по-своему... каждую... у каждой было своё имя, свой эпитет, и я ни разу не повторялся... для всех прочих был стандартный набор кисок, заек, ласок и маленьких... потому что всё равно вначале было слово, что бы там ни говорили материалисты, а насими, есенины, мушфики и вийоны лучшее тому подтверждение... ну вот и Вийон на память пришел, очень кстати, весьма для эпитафии сгодится, знаете ли... тоже тот еще типчик был... ну разве место такому поцу в Союзе Писателей? Кстати, позапрошлым летом про меня ходили упорные слухи, что я то ли заболел туберкулезом, то ли умираю от рака, хотя я всего-навсего похудел, постригся налысо и не брился несколько недель, сваливая всё на проклятую жару проклятого города, способного высосать костный мозг через ноздри, опустевшие глазницы и отверстия в ушных раковинах... просто я умер, умер в один из тех самых дней, один летний, другой зимний, один раз на жаре, другой раз на холоде, два раза за один год, в декабре и в июне... по-моему, слишком, по-моему, это слишком, два раза, целых два раза в течение одного года... хорошо.. я немного умер, слегка, не совсем, наверное, не навсегда.. но случилось это целых два раза в ходе одного года... перебор, по-моему, увлекся да зарапортовался... как с жарой и холодом... с дождем и снегом в донельзя изменившихся климатических условиях, в мире, сошедшем с ума, среди женщин, которые не любят детей и просто не хотят их больше иметь, в мире котлов, не едящих колбасы, которую едят сюрвейера второго уровня, в мире, где на месте памятника герою моей повести строят автостоянку... или это со мной что-то не так... тоже, знаете ли, версия... я ем колбасу, от которой воротят нос

коты, пишу о героях, на месте памятников которым полагается быть автостоянке (ну, то, слава Богу, мимо пронесло), и вечно испытываю потребность иметь детей от женщин, которые не испытывают в этом такой же потребности.... в детях от меня, во всяком случае... а вообще, как-то и черт с ним, по большому счету, я же, не в пример многим, воскреснуть способен, вот отряхнусь, отлежусь немного и пойду себе далее...

– Если тебе хорошо со мной, зачем тебе другие?

– Знаешь... я и сам не знаю ответа на этот вопрос... реально, не знаю... не злись... в среду сходим с тобой в караоке... если хочешь, конечно. Или ну его вообще нахуй, караоке это...

ГЛАВА ПЯТАЯ, БОЛЬШАЯ, КОНФЛИКТНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ, СО СТИХАМИ БЕЗ ТАНЦЕВ,
С НОЖАМИ БЕЗ БАРАБАНОВ, С БРАСЛЕТАМИ, ПОЭТАМИ, ЗАГОВОРАМИ,
РАССУЖДЕНИЯМИ И СОСТЯЗАНИЯМИ. РЕКОМЕНДОВАННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ – «ANCIENT HERO» – ORIENT XP-RESS,
АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ГРУППА, КОТОРУЮ, КЛЯНУСЬ АЛЛАХОМ, НА САМОМ ВУДСТОКЕ,
ДРУЗЬЯМ НА РАДОСТЬ, ВРАГАМ НА ОГОРЧЕНИЕ, ПОКАЗАТЬ НЕ СТЫДНО
(длительность – 4 минуты, двенадцать секунд).

...тем временем по всему Востоку дешевила кровь, по всей золотопыльной Азии дорожало оружие и лязгали зубы, катились головы и выкатывались глаза, радовалась незамужняя и ликовала бесплодная, топот коней перебивал бой свадебных барабанов, потому что мало кто цеплялся за жизнь так же яростно и истерично, как изнеженные жители белостенных городов, и мало кто умирал с такой же легкостью, как загорелые дочерна крестьяне или обитатели пустынь... в который раз лопалась и рвалась в куски человеческая кожа, в который раз сотрясалась земля великим сотрясением, в который раз менялся мир, в который раз рушился старый уклад, и уже в который раз новое с сокрушительной силой стучалось практически в каждую дверь... Но не каждая дверь и не всякий живущий за нею были в состоянии этот стук вынести, кого и вперед ногами выносить приходилось, потому что так было, так есть и так быть, наверное, никогда не перестанет, ведь новый мир, всегда и во все времена в крови и муках рождаясь, далеко не всегда, а если по совести, то почти никогда лучше и уютней прежнего не становится... и взвоят трубы, взмахнут рукава, лязгнут сабли, кто-то, лежа навзничь в сухой пыли, закричит зайцем от ужаса, кто-то кровь, с потом смешанную, со лба утереть времени и желания не имея, так и будет рубиться, а кровь и пот тем временем, утирки не дожидаясь, сами высохнут, оставаясь на лице землистой коркой... Кого-то потащат на аркане, кого-то проткнут копьем, а он, пригвожденный к земле, так и станет подтягиваться на руках по нему вверх, пытаясь дотянуться до горла проткнувшего и хотя бы один раз, перед смертью, вцепиться ему в кадык... И всегда, во все времена война имела свой запах, в котором нет ничего особенного, но который, тем не менее, не спутать ни с чем. Это даже не запах, это, скорее, вонь. Вонь. Абсолютно отдельная от запаха бездымного пороха, горячего металла и выхлопа бронетехники... тяжелое такое амбре человеческой мочи, что низко стелется, быстро распространяется и имеет отвратительное свойство пропитывать окружающий тебя воздух, туман и даже солнечный свет... а еще война пахнет землей... вот упадешь, вожмешься в неё, и шепчешь горячечно: я – есть ты, и где-то ты – есть мы, из тебя вышел, в тебя и войду, хочу, хочу, хочу тебя, как же я хочу с тобой слиться... поди тут, пойми-разбери, что и с чем больше общего имеет, то ли война с женщиной, то ли женщина с землей...

Азия ты моя, Азия, живым не давайся и в живых не оставляй, вырастут – отомстят, сдашься – умучают... Так было, так есть, так будет, так и останется, потому что всё будет только так, как должно быть, и никак иначе...

*Господской пищей редко тешил плоть,
Ни разу не был кумом королю,
Ему случалось и ножом колоть,
И голову засовывать в петлю.*

Б.Брехт «Баллада о Франсуа Вийоне»

– Вот до города дойдем – обязательно зайду к оружейнику... За новым кинжалом...

– Зачем он тебе?

– На всякий случай... старый почти негодный... наверное... рукоятка расшаталась, да и заточить не мешало бы... тебе тоже обзавестись советую, дорога всё-таки... в пути всякое случиться может. Подберем что-нибудь в Диярбекире. Или в Конье... смотря, куда направимся... В Диярбекире фруктов сушеных – пропасть, от них сердцу человеческому большая польза бывает и для всякой жилы благо, в Конье – вода особенная и воздух благодатный.

– Меня кинжалы сейчас как-то больше интересуют, вдруг попадемся кому, говорю?

– Тихо себя вести будем да не высовываться... а как кинжал от всякого сыска прятать – этому я тебя быстро научу... воины шейха куда как усердными были, а вот не нашли ведь...

– Они просто ленивы, как всякие кочевники, что на одном месте больше четырех лун засиделись... им ведь только в конном налете равных нет, а как на землю осадут да торговать начнут – всё, потом их, растолстевших, пинками в седло не загонишь, приходи, кто приткий, владей, как захочется...

– Кинжал можно спрятать не только в складках одежды, но и внутри другой вещи...

– Например?

– Например, в посохе, поэт... в простом деревянном посохе... или если кромку браслета заточить, он тоже при случае оружием послужить может... аркан враз перерезает, или горло... нужная вещь, всегда пригодиться может... связали тебя, к примеру, а ты выждал немного, развернул кисти в направлении хода дневного светила – и снова свободен... да поможет Аллах убегающему, чтобы ноги побыстрее, а погоня помедленнее... уж больно время нынче плохое, кровь дешева, оружие дорого, дороги опасны, а женщины не ласковы, без динара и не суйся...

– Ну, денег, положим, хватит... не армию ж собираем... давай всё-таки в Конью...

– А что там? И чем Конья лучше, скажем, Диярбекира или, там, Эрзурума?

– Во-первых, туда все поэты сходятся, во-вторых, там похоронен сам Платон, и жил Джалаладдин Руми, а в-третьих, дорога к Конье лежит через Диярбекир.

– Идем туда, где сушеные фрукты?

– Они самые...

...снова ночь, снова время остановиться, время разжечь костер, пора посидеть возле него самую малость, над днем минувшим подумать, а подумав – спать, спать не мешкая, подниматься придется засветло, с первой ниткой рассвета на горизонте, но сидит Насими возле костра, щурится, все заснули давно, а ему нейдет, ему думается, ему пишется, не трогайте его за плечо, давайте просто понаблюдаем, со стороны, всё равно нам к тому костру никак не можно, мы так, издали посмотрим... сидит поэт, поэтище, влетает в свои мысли и ощущения жемчужную нить слóва, кривится, стирает, хмурится, зачеркивает и снова пишет, губы кусает, недовольный написанным, калам грызет, пишет и опять замазывает... думает Насими, злится, а рыжий месяц ему тем временем подмигивает, ехидно так, но по-приятельски; то гла-

зом в небе, то яблочком в луже... смотря, конечно, куда Насими взгляд направит... видит он или глазище в небе, или яблочко на земле... в луже, точнее... и без того, которое небо – никак, и без другого, того, что в луже сейчас – тоже никуда... не получается у поэта... не получается так, как хочется, жизни в строчках не чувствуется, нерва в написанном не видится, ни дрожь не берет, ни волосы не шевелятся... в отчаянии Насими готов разорвать написанное, но вдруг, по соизволению Божию, сильный ангел проведет крылом над самой его головой, и продолжает Насими, продолжает, пишет без помарок, с ошибками, времени у него нет на исправления, он уже и думать забыл о том, что минуту назад всё разорвать хотел, пишется ему, пишется, и пишет он так, что ничто его в эту минуту остановить не в силах, никак ему остановиться не можно, и так до тех пор, пока волосы, взмахом крыла ангельского взъерошенные, шевелиться не перестанут... а как перестанут, откинется, полюбуется, и первое, чего захочется – в бумагу впечатанное вслух прочесть... а после заката стихи всегда звучат несколько иначе, нежели днем или на рассвете... несмотря на то, что на рассвете это тоже в какой-то степени после заката... что бы там ни было, но ночь не только скрывает, но и меняет, сами судите, человек тот же, читает так же, и стихи те же самые, и интонации, и язык, и автор, и созвучия... но всё равно иначе звучат.. иначе, и все тут... что-то с воздухом, наверное... или с крыльями ангела, или с волосами шевелящимися... в общем, что-то происходит после заката, что-то, что никогда не случается днем или на рассвете... что же с тобой станется, Насими, если вдруг сердце успокоится? Да ничего не станется, просто Насими быть перестанешь... потому не успокаивайся, не успокаивайся ни в коем случае... так что ты и дальше дерись, шуми, обижайся, пей, волочись при случае за девочками, капризничай, не помни, где уснул, и не понимай, где проснулся, с тебя станется, может, Бог вашу братию по-другому судить станет, скидок, в смысле, поболее... и будет хохотать ветер над головой твоей, и разрыдается дождь над твоей одеждой, будет хлеб – поделишься, будет хорошо – отдашь улыбку, а если под плохое настроение кто попадет – так пусть на себя и обижается, не суйся под горячую руку, если четверостишие не получается... поэты – они такие, за слово и сами удавятся, и кого другого с радостью придавят... с ними всегда ухо остро держать надо, и много воли не давать, отобьются от рук – ни в жизнь обратно не приберешь...

...посох в пути – штука самонужнейшая... предмет, говорю, первой необходимости, важнее него, наверно, разве что, обувка попрочнее... мне не верите – сами посудите: при усталости на него опереться можно, возле костра сидя, угли перемешать, а случись в дороге какая неприятность с мордобоями и ограблениями – так без него совсем никуда, в особенности, если их больше, а бежать тебе или гордость не позволяет, или возможности нету... ты в дороге опора, ты в пути оружие, а если у тебя внутри кинжал запрятан – цены, цены тебе нет и не было... сам Ходжа Насреддин так считает, а он тебе дурного не посоветует, не одну и не две дороги исходил, весь Восток, весь Восток без малого... да и обещания он привык сдерживать, вот и привел Насими к сведущей женщине, что травами и камнями лечила, а по слухам, говорят, и колдовством не брезговала.. но за это, сами понимаете, плата другая была, и на том, и на этом свете... одному Богу известно, откуда Ходжа эту женщину знал, но в странствиях много всякого народа встречаешь, нет-нет, да и шепнет кто о специалистах в той или иной области, да и вести в пути как-то быстрее доходят... власти колдунов особо не гоняли, старались смотреть сквозь пальцы, пока последние в рамках держались, потому как ведовство что в европах, что в азиях в ту далекую пору рука об руку с медициной шагало, а она штука нужная, о ядах и искусстве отравления я уже и заикаться не смею, такой специалист всякой власти и во все времена сгодится, зачем его гонять, если он, повторяю, в рамках держится? Духовенство, правда, коsilось, и даже отплевывалось, но вот парадокс, самые именитые колдуны всегда вы-

ходили именно из их среды... «гара», или «черного моллу», люди опасались, старались не задеть да не разозлить ненароком, догадываясь, что он знает с нечистой силой и может прочесть суру «Аль-Фатиха» задом наперед, за что будет наказан только в День Взвешивания, опасались всяко, что он может накликать беду, а то и отвести её, хотя твердо веровали в то, что зло касается человека только с соизволения Всевышнего... самыми же страшными и могущественными из «черных молл» были те, чей род восходил или так или иначе роднился с родами «овсунлу», с людьми, которые каждый вечер на пороге дома оставляли плошку молока для окрестных змей, и змеи никогда, никогда не причиняли вреда никому из живущих в округе... считалось, что молитва «овсунлу» Богу слышнее, а если кого из этого рода обидишь – то лучше бы тебе на этот свет и не родиться... женщины «овсунлу» злопамятны, не связывайся, а мужчины коварны, не сумеешь сдружиться – отойди в сторонку, головы не снесешь... Род этот в колдовстве и врачевании сведущ, всякую весну со змеями знает, на холмах травы собирает да подолгу возле колодца сидит... Этим людям строго-настрого запрещено убивать или обижать змей. Мало того, при встрече со змеей они должны почтительно уступить ей дорогу и молчать до тех пор, пока она не скроется из виду, а вот с чего да с каких пор так заведено, почему и кем им так предписано – не знаю того, не ведаю.. Взгляд у них тяжелый, дыхание тихое, слух острый, а кости легкие... Зрение, правда, подкачало, они практически не видят в сумерках... Добру «овсунлу» особо не служат, но и ко злу стремления не выказывают, из них всегда отменные табибы, то есть, лекари получают... Но если в молодости «овсунлу» оступился и тяжело согрешил, одна ему дорога остается, а именно – навсегда в «черное священство», в «ночные» или «черные» моллы, и такой «овсунлу», согрешивший-оступившийся, обязательно станет «гара моллой», а потом за грехи свои да пакости тяжкие в День Суда понесет унизительное наказание... «Гара молла» может позвать джинна, может прогнать его, в колдовстве и наведении порчи искушен, в делах же своих руководствуется не совестью или словом Божьим, но стяжательством и внутренней потребностью сеять зло, которая с каждым днем проявляет себя всё ярче и ярче... качества «овсунлу» передаются и женщинам, их, как водится, в священники не берут, зато во врачеватели заывают.. вот к такой-то женщине и зашли, привел Ходжа, дай ему Бог здоровья и всяческих благ как в этом, так и в ином мире... по-здоровались, да вглубь дома зайти остереглись, невежливо потому что, пока не пригласили. Так, зашел, постоял, к стеночке прижавшись да в скромность играя, дело всем известное, как к чиновнику на приём, минуи Господи... Смуглая женщина средних лет, из тех, которым до старости еще далеко, но молодость уже миновала, по-приветствовала их кивком головы, потом, правда, после секундного раздумья всё-таки сказала «Алекум Салам», после чего вернулась к тому, чем занималась и от чего ее отвлекли гости. Уж званные или незванные – не скажу, бывают такие лица, по которым судить трудно, лицо – не лицо, а маска непроницаемая, ни улыбки, ни грусти, сразу и не поймешь, рады ли они разговору-встрече. Вернулась к столу с травами, и всё. Мол, пришедшие сами знают, зачем пришли, вот и спросят, если такая уж надобность, что совсем невтерпех. Первым не выдержал Насими, не снес молчания, пренебрег этикетом, такое случается, когда нужда или тоска поперек хватают, напрямую спросил, какая у вас, уважаемая, специализация, что делать умеете, да за каким, собственно, бесом-дьяволом, меня товарищ дорожный сюда приволок... Женщина и бровью не повела, пренебрегла, получается, Насими аж засопел от обиды, но счел за благо не связываться с женщиной, да еще и сведущей в колдовском искусстве, как вдруг... вдруг оказалось, что женщина уже говорит, говорит скороговоркой, а они оба слушают её довольно давно. Время как бы сжалось, и ее смуглое лицо проступало неясным пятном в клубах дыма, шедшего из курильницы:

– Что могу, спрашиваешь... Я многое могу. Могу приворот сделать, да такой, что вовек на него отворота не будет, могу отворот совершить, он даже полегче приво-

рота будет, могу порчу навести, удачу отвести, могу смерть призвать, но не сразу, не сразу, нет, быстрой смерти не призову, не за тем люди в этот мир идут, чтобы потом по-легкому уйти... грехи мои велики, всякий, волхованием да колдовством занимающийся – под гневом Бога находится, грех это, грех великий, а потому и плата за труд мой немаленькая, только за одно никогда не возьмусь – за зелье, чтобы зачавшая плод скинула, но вижу, вижу и знаю, что вы не за этим. Вы осмотритесь пока, я за это денег не беру и хлебом не взыщу. Но руками ничего не трогайте, а то беда будет, накликаете.

А посмотреть и потрогать, если приглядеться, разумеется, вокруг было чего. Да чего только не было в той хижине! Пучки душистых и не очень трав лежали вперемешку с кучками кошачьих когтей, волчий жир в горшочке соседствовал со связанными в пучки маленькими кусочками высушенной плоти (это были языки ласточек, как впоследствии разъяснила женщина, но об это чуть позже), рядом лежала горстка орлиных клювов, клочки шерсти непонятного зверя, несколько тоненьких разноцветных веревочек, завязанных узлами. По-видимому, в ход шло решительно всё, и совершенно ничего не пропадало даром.

– Знаю, зачем ты ко мне пришел, но всё равно приворот предложу. А?

– Нет. Я уж как-нибудь сам при случае приворожить сумею.

– Сумеешь, знаю. Знаю даже то, что всё у тебя не хуже, чем у меня получится. Но на всякий случай запомни: зажимаешь между пальцами правой ноги высушенный ласточкин язык (так вот что это за непонятные кусочки плоти в пучках возле горшочка с волчьим жиром лежали) и легонько наступаешь на ногу понравившейся тебе девушке (от автора: впоследствии я с удивлением узнал, что примерно такой же рецепт приворота существует в скандинавской колдовской традиции).

– Запомню на всякий случай, как ты и советовала, но надеюсь, что мне никогда не придется им воспользоваться.

– Ну, уж постарайся как-нибудь, а то какой же ты поэт, если собственным языком обойтись не в состоянии, – ввернул Ходжа.

– Язык Насими – это птичий язык, \ И понять его в силах \ Лишь царь Соломон.

(кстати, подлинные стихи Насими, без обмана, подвоха, подлога, всяких анахронизмов и выдумок. Согласно преданию, царь Соломон, он же пророк Сулейман, обладал даром понимать язык птиц и зверей).

– Далеко мне до Соломона, да и вам, уважаемые, до него стараться до мозолей. Ты хочешь знать, что с тобой будет завтра?

– Для начала скажи мне, что со мной было вчера, а потом я подумаю, стоит ли спрашивать о часе грядущем. Или даже минуте.

– Грубоватый ты. Неутонченный совсем. А как же поэзия, а как же премьственность? Твои собратья по дворцам посиживают, оды пишут в халатах расшитых.

– Да, динарами позвякивают, на серебре едят. Но не дай Аллах, шаху одой не угодят или под раздачу попадут.

– Так то и тебе светит. Если звезды в ряд выстроятся, а нога из него выбьется.

– Из ряда?

– Да. Изрядно из ряда. Ты не светись, ступай тише, осторожнее, пиши чаще, пиши понятнее.

– А если не могу понятнее, не хочу тише, и осторожнее не получается?

– Тишина не по душе?

– Не по душе, верно. Люблю иногда криком кричать. Крик поутру злых джиннов отгоняет, а к вечеру ангелов радует. Не так разве?

– У тебя на любое слово целых два за пазухой. И как? Много ли словами зарабатывать получается?

– Когда как. Не скрою, порой кражей барашков больше выходит. Оно ж выгоднее, одна беда: поймают – выпорют.

– Ну, положим, за написанное иногда не только боками и спиной, но головой расплачиваться приходится.

– Ничего, я готовый. Написанное не ворованное, и слово на пергаменте или бумаге на порядок почетнее барашков украденных.

«... каждому кажется, что именно с его смертью жизнь на Земле прекращается, все вокруг проваливается во тьму и забвение, мыслится, что как все с него началось, так оно им и закончится, все созданное по слову Милостивого, разлитое морями и рассыпанное пустынями, что натянуто пологом небосвода и усажено зеленью оазисов, что омыто реками и разбросано степями, всё, всё это на каждом начинается и со смертью его заканчивается, там раскалывается солнце и сворачивается небосвод, а свернувшись и расколовшись, засыпаются землями и заливаются реками», – причитала тем временем женщина, раскачиваясь и поигрывая четками, не добропорядочными четками о двенадцати или девяносто девяти зерен для восхваления имамов или произношения имен Господа, а странными какими-то, с играющими даже в полумраке гранями. У Насими разболелась голова, застучало в висках, перед глазами пошли разноцветные круги, и всё вокруг, – и женщина, и её слова, и курильница, и четки, и, что греха таить, сам Ходжа тоже – все начало растворяться в потоках жаркого воздуха, впрочем, он, Ходжа, и сам чувствовал себя не лучше, а точнее, испытывал то же самое: головную боль, стук в висках, отяжелевшее дыхание, и страх, страх, появившийся ниоткуда, пропитавший все вокруг и уже хватавший друзей за горло холодными лапами. Очнулись они оба уже на воздухе, и то только после того, как женщина смочила им лбы водой, разведенной пополам с уксусом. *«Теперь уходите, да побыстрее. Заклятий на вас много наложено, и порчены вы оба сглазом сильным, особенно ты, стихотворец. Берегись на узлы дующего и слова написанного, а кто его напишет да кому передаст – не знаю, не ведаю. Всей порчи я снять не смогла, силы уже не те, потому и платы мне с вас не надо, не возьму, с меня хватит и того, что в пути обо мне молчать будете и никому словом не обмолвитесь. Дорогу же сюда навсегда забудьте, словно и не приходили никогда. А, да хоть и говорите каждому встречному и любому поперечному, всё равно она вас больше сюда не приведет, дорога ваша, никогда не приведет, это я ясно вижу»,* – сказала и, словно ветром подхваченная, не попрощавшись, исчезла в глубине дома... ушла... то ли тетка, то ли женщина, но то, что знала, ведала и видела больше многих смотрящих и большеглазых – факт... честное слово...

...и увидел Насими со спутниками цепочку слепых детей, что шли им навстречу, гремя кружками для подаяния и распевая траурные гимны по убиенным имамам и мученикам... подойдя ближе, он поздоровался и, присев на корточки так, чтобы быть вровень с самым старшим из мальчиков, спросил, кто они и откуда, и были ли они рождены во тьме или же ослепли из-за оспы... и рассказал ему старший из детей почти спокойным голосом, что все они были ослеплены нынешним властителем Багдада (да продлит его дни всемогущий Аллах) за грехи отцов, а грех родительский был велик и страшен: они не поддержали очередного венценосца в его борьбе за престол, и, победив родного брата и задушив его шелковой петлей, новый повелитель не стал отнимать у старых вельмож ни казны, ни имений, а забрал у них детей и приказал ослепить малолеток, после чего выслать их за пределы города без права входа в ворота столицы до возраста полной бороды... Насими прикрыл лицо рукой, чтобы никто не видел его слез, но так и не сумел сдвинуть себе горло так, чтобы никто не слышал его рыданий... дорога – она вообще много чего видела и в День Расплаты за многих и о многом свидетельствовать станет, с кого часть грехов снята будет, а кому прибавлена, аминь...

...устали, умаялись, еще бы, не каждый день в такую карусель попадаешь, и, уже подходя к Диярбекиру, ну, часа два пути оставалось, не больше, решили отдохнуть, перекусить, да и случившееся обсудить не мешало бы. Остановились, купили у работавших в поле крестьян арбуз, хлеба и сыра, а это лучшая в мире еда, что бы там ни говорили эстеты насчет белоснежных скатерок, накрахмаленных салфеток и нескольких перемен блюд... лучше арбуза с сыром разве что лаваш, тоже с сыром да с зеленью, это я тебе, читатель, по-товарищески говорю, сам бы ел, да тебя жалко... преломили хлеб, и заметили направлявшегося в их сторону человека. Законы вежливости требуют пригласить человека разделить трапезу, что друзья и сделали, а для начала вежливо с ним поздоровались. Подошедший человек ответил на приветствие, чуть наклонил голову в знак благодарности, присел, и завелась неспешная беседа людей, которые никуда в данный момент не торопятся, но, тем не менее, точно знают, куда и к какому сроку им необходимо попасть. Лицо странника было одним из тех особенных лиц, по которому сложно судить о возрасте. Его обладателю может быть и восемнадцать, и тридцать пять, но стареют такие люди как-то внезапно, раз – и ложатся морщины по всему лицу географической сеткой, опутают подглазья, изгрызут щеки, лягут Азией, нахмурят Европой – и всё ведь за пару месяцев, ну, полгода максимум... одет он был небогато, но практично и чистенько, сразу видно, знает, что в дороге нужно, а без чего, например, и обойтись можно. Не рвань, не дрань, себя уважает, дороге и встречным почтение оказывает, видом непотребным не оскорбляет, но и не заискивает, чем надо – запаса, а что не нужно – то позади оставил. О пустяках поговорили, как водится – кто, что да куда направляется, откуда родом, и всё ли в родных краях слава Богу. Странник заметил цепкий взгляд Насими, скользнувший по его ношеной одежде, и, словно прочитав мысли сотрапезника, сказал: «На что мне дом и новая одежда, если Махди (Мессия) может прийти внезапно». Равнодушно так сказал, будто бы знал о Часе Воздаяния и Последней Битве, замолчал, после чего так же равнодушно принял кусок арбуза и сыра, которые протянул ему Имадеддин. Конечно, поблагодарил кивком головы, он, по-видимому, не любил разговаривать и вполне обходился кивками и жестами там, где можно прекрасно обойтись без слов. Ходже по жизни спокойно не сиделось, и он не смог отказать себе в удовольствии съязвить насчет того, что вот, мол, с минуты на минуту может начаться дождь, Мессии все не видать, а крыша над головой на текущий момент очень даже пригодилась бы. Странник посмотрел как бы сквозь насмешника, не осадил, не стал возражать, пренебрег, но как бы ни к чему ответил: «До города пара часов пути, с человеком странствующим за этот срок всякое случится может. Вы прямо в город не идите, тут неподалеку, говорят, интересный человек живет. Зайдите, побеседуйте. Правда, может статься, что он с вами беседовать не захочет, он не со всеми разговаривает, но за неуважение не сочтите, сделайте скидку на мудрость». Сказал, отряхнул полы халата от крошек, провел рукой по бороде, возблагодарив Аллаха за ниспосланный кусок хлеба, поблагодарил собеседников и так же степенно удалился. Пока Ходжа, как человек стихов не пишущий и, как следствие, более практичный, собирал недоеденное в мешок (Господь его знает, когда в следующий раз поесть придется, не так ли? А потому всякий день заботу любит, кусочек к кусочку – вот тебе и полдник, а от него и до ужина недалеко, а если ужин близко – то и день прошел, получается, а на завтра – завтра думать станем, раз уж ни жены, ни детей рядом нет), Насими смотрел вслед страннику, потом пробормотал «я принесу вам слово Божье, я правдой осиян» или что-то в этом роде, и попросил Ходжу помочь подобрать рифму к слову «прям». «Дрян»», – ехидно ответил Ходжа и поторопил поэта, нечего, мол, расслаиваться, в городские ворота лучше затемно входить, а если он, Насими, хочет еще и с человечком побеседовать, как ему странник посоветовал, то ему, Насими, лучше бы поторопиться, потому что Бог знает, на сколько эта беседа затянуться может. А стихи и потом дописать можно...

*Коль ты не глуп – не жадничай, тогда
Какмышь, не струсишь в страшный день Суда.
За пищу не продайся подлецам,
Хлеб не найдешь – тебя найдет он сам...*

...и слышал я от тех, кто постарше, что не годится человеку на волю Бога и соизволение Его роптать... а в доказательство, что не пустословие это, помимо своей сдобородности и примеров из Святых Книг, сказывали они, что жил в давние времена в окрестностях Диярбекира суфий Байрам Вели (ну, не совсем в окрестностях, так, относительно неподалеку), удивлявший многих мудрых не столько ученостью своей, сколько умением вовремя слово чужое поймав, им же оппонента к стенке прижать или еще как на свою пользу обернуть, прижимать ведь иногда и вовсе ни к чему... Спору нет, умный был мужичина, образованный, недюжинным даром владел – людей убеждать... всё тем же, всё тем же самым – словом, словом, на лету пойманным... одни говорят, что эта история с ним произошла, кто-то о другом суфии, о Бахаэддине Накшбанде упоминает, но моё дело маленькое, о случае рассказать, да с ситуацией ознакомить, а уж кто и какой из неё вывод сделает – меня не касается... Кто же и когда в деле том участвовал – тем более пусть историки да работники архивов и разбираются, не зря же им за это деньги платят, а мне, например, редакция одной газеты вот уже как три месяца пятьдесят баксов должна... я, правда, им тоже кое-что задолжал, но не в том дело, совершенно не в том... Ну да Бог с ними, с газетами да архивами, не о том речь, я, вообще-то, о суфиях рассказывал... и ветер, что пришел из пустыни, принес с собой засуху... тщетно молили люди о влаге, тщетно просила земля о воде, но ветер пустынь усиливался и свистел злобно в переулках: я вам надуууу, я вам надуууу голод, принесуууу вам, обязаааательно принесу бесхлебицу... ..и осунулись отцы, и украдкой смахивали слезы матери, и громко плакали дети, одни ростовщики да богатеи злорадно потирали ладони... И продолжалось это до тех пор, пока измучавшиеся в ожиданиях, исхудавшие от поста и молитв крестьяне не явились к дому Байрама и не просили его помолиться о дожде, его, мол, молитва, как человека праведного и ученого, до Бога быстрее дойдет, а заодно и спросили как человека сведущего, почему Бог не посылает им милость в виде дождя и чем именно они могли прогневить Его... и пришел тогда Байрам на людную площадь, заметил там молодую женщину с младенцем и принялся ходить за ней следом, жалостливо повторяя так, чтобы она слышала: «ну покорми же ребенка, разве ты не видишь, что он голоден, разве шайтан ослепил тебя и тебе не видны детские слезы, ну покорми же его поскорее, или Господь запечатал сердце твое и нет в нем больше любви и милосердия? Чем он тебя так разгневал, что ты не даешь ему насытиться?». И продолжалось это до тех пор, пока женщина не обернулась к нему в гневе и не ответила: «Поди прочь, это мой ребенок, и мне виднее, когда его кормить, а когда нет, сама разберусь». Услышав эти слова, Байрам сразу же прекратил канючить, повернулся к толпе зевак, что увязывались за ним всякий раз, когда он попадал в многолюдное место, и сказал: «Вы слышали слова этой женщины? Так идите и расскажите о них тем, кто не слышал»... умен, пронырлив, авторитетен... к такому только за мудростью и ходить, если очередь выстоять сможешь... сможешь – наберешься, если не мудрости, то практичности, она и тогда высоко ценилась, не говоря уже о дне сегодняшнем... Да и вообще, посидеть-подумать, одному только Богу известно, что в нашей жизни важнее: мудрость или практичность... ну куда ты со своей мудростью против райисполкома-то лезешь? осади назад, сказано...

...к такому вот человеку Насими и отправился... человек этот, Байрам Вели, в нашей повести так, эпизод и не более... встретились, короче, человек-рифмоплет (это я просто для рифмы, не судите) и человек-эпизод и помогли мне лакуну в рассказе ликвидировать (хотя историки говорят, что всё на самом деле было именно так

и никак иначе), за что спасибо им всем, спасибо историкам, спасибо двоим за встречу, спасибо за то, что были, сердечное спасибо, оставим в покое историков и пожелаем оставшимся двум Царствия Небесного, один из них сам умер, а другой не без посторонней помощи, один от старости, а другой пал жертвой зависти, и ничего, ничегошеньки, кроме этой мимолетной встречи, этих двоих не объединяло, так, пересеклись на минутку, не больше, просто пересеклись, и даже не увиделись, а почему именно не увиделись – так именно об этом я вам сейчас и поведаю... коротко... в точности, как оно было на самом деле... хотя, дорогой читатель, там и рассказывать толком нечего... Подойдя к дому Вели, Насими хотел было постучаться в дверь, но, словно бы под воздействием какой-то силы, его рука зависла, тело обмякло, он прислонился к стене, словно для того, чтобы перевести дух, задрожал – а когда открылась дверь, и в проеме показался Байрам Вели – не смог промолвить ни слова... Маститый суфий посмотрел словно бы сквозь Имадеддина, покачал головой, словно отгоняя какое-то ужасное видение, и с глубокой, с какой-то неземной тоской и жалостью, будто увидел то, что до поры до времени сокрыто от прочих, и ему, Байраму, не избыть этого видения, как и герою видения – такого будущего не избежать, произнес: «Не могу... Не могу я с тобой разговаривать»... Дверь захлопнулась, и Насими, наверное, упал бы навзничь, если б подоспевший Ходжа не поддержал его под руку. Отвел в сторонку, ругался матерно, зачем, мол, с пути сбились да с дороги сошли, вот шли бы себе прямо в Диярбекир, жевали бы фрукты сушеные, а нет – так мяса поесть куда-нибудь заглянули бы, давно, мол, жареного не ели, вот ноги и не держат. Говорит, успокаивает, зубы заговаривает, а у самого одна мысль в голове шаром огненным вертится, что ж с ним такое делается, что ж тут такое происходит... Ну, пробежала крысой поганой мысль паскудная, что я тут с ним делаю, ну его к шайтану хвостатому, одни беды да боль головная, да и спине порой достается, но отогнал, отогнал её, как человека и мужчины недостойную, не годится, совсем никуда не годится дорожного товарища бросать, Бог разгневается, а гнев Его страшен, не зря ведь старики рассказывали о человеке, у которого спросили насчет его родного брата, какой он, мол, человек, а тот ответствовал, что не знаю, не ведаю, я с ним в путь-дорогу не выходил и обратно не возвращался... а раз так – то друг мой – крест мой, не я выбрал, обстоятельства да судьба свели, лбами столкнули, а столкнув – нужным сочли, чтоб товарищами стали... пройдет много лет, и на каторге, в далекой северной стране, люди станут говорить: «Нешто я товарища продам?» ... и есть в этом величие духа человеческого и, наверное, залог того, что чаша гнева Господня не переполнится, пока один человек другого под руку поддерживает, а не так лежать оставляет... отвел, усадил, да снова, как мог, так и в себя привел, успокоил, заговорил, да все с шуточками и подначками, чтоб мысли тяжелые отогнать да друга развеять... видел, понимал, что не телесная это болезнь, да и не душевная, а просто... нахлынет что-то волной горячей, скует движения, затуманит сознание, а как отпустит – так и придет к нему, к Насими, вдохновение, пойдут слова ручьем чистым, водой незамутненной, да так пойдут, что века пройдут, а люди их помнить будут:

*Как таинство, как талисман, я в этот мир пришел.
Я в смерти канул без следа и в вечность, словно след, пришел.*

*Я с талисмана снял покров, и мрак от света стал багров,
Я миновал следы миров и в эту плоть одет пришел.*

*И славу Богу я воздам, в котором был исток мирам,
А имя будет мне – Адам, я за Творцом вослед пришел...*

(перевод – Сергея Иванова)

...вот как он писал, вот как его переводили, и вот каким его наизусть заучивали.. А заучив – запомнили, да так крепко запомнили, что до сих пор не забывают, почти шестьсот лет, шестьсот лет без самой малости, как ушел и не дышит, а всё равно вдохновляет, сам больше не пишет, а других заставляет, глаза закрыл, а другим глаза сомкнуть не дает... так в историю и попадают, наверное, чтобы, самому попав, – и читавших втащить... Посмотри, современник: жил себе человек, кредитов не брал, мобильным не пользовался, об ипотеке вообще не слышал, ел руками, сидел на полу, ходил пешком или за караваном увязавшись – а всё равно ведь помнят, читают и заучивают, а заучив, даже распевают... чудны дела Твои, Господи...

Отдышался Насими в тенечке, провел рукой по лицу, словно бы наваждение отгонял, и спросил у товарища:

– Слушай... А что там... только что было-то?

– Ничего. Точнее, всё почти как в прошлый раз. Ничего не помнишь?

– Свет помню. Яркий такой. Со всех сторон.

– А потом ты зашатался, схватился рукой за наличник, а этот... ну...

– Байрам.

– Да, а Байрам сказал, что с тобой говорить не может. Не в смысле, что погнушался, а как-то с тоской сказал, сожалея. Мол, я бы поговорил, да... не у меня на тебя времени нет, а у тебя на меня не хватит. Или о чем другом жалел, но без наглости сказал, с тоской какой-то, что ли...

– Он суфий. Кажется.

– А ты поэт. И что с того? Каждый по-своему на хлеб зарабатывает. Ты же сам лучше... лучше... лучше других знаешь, что такое любовь, Насими... с дождем наземь прольется, одежду намочит, сквозь кожу впитается, а потом за отворот халата прихватит и в челюсть стукнет, легонечко так, чтоб мозготрясение несильное вызвать, не более... и как развернет, раз уж в захват пальцев стальных попался... как шмякнет со всей силы об стену, не саманную стену, не саманную, что проломить легче легкого, а прочную, цельнокаменную... Сейчас я тебя развею. Продолжи, раз уж поэт...

– Да... сейчас... сейчас.. затылком ударишься, лопатками распнешься, глаза выкатишь и медленно по ней, по каменной, вниз сползать начинаешь... а как упрешься и дальше уже ползти некуда станет – потечет слюна из левого уголка рта струйкой тонкой... сидишь себе, улыбаешься дурашливо, истекаешь капельно, поне-много так... на полу ли, на земле ли, то не важно совсем... даже скалишься слегка... а она.. она всё вокруг витает, да ворот твой тебе на шею наматывает... запах её во всем чувствуется, и то ли от запаха того, то ли от сотрясения голова кружится, даже днем звезды с луной видятся, да с солнцем одновременно... а селезенка с печенкой – то от удара местами меняются, глаз левый в глазницу правую смещается, правый же, наоборот, на место левого переходит... и потому все вокруг в другом свете видится, всё вокруг в другом запахе чуется, даже трогается по-иному... но гораздо лучше, если чувства выгорят единым взрывом, что ли, чем сдохнут в медленных муках на веревках ее волос, запутавшихся в твоём гребне... пусть они будут растоптаны ее обувью, которая когда-то казалась такой изящной, а теперь стертый каблук портит все впечатление и заставляет скрипнуть зубами... короче, всё то, что когда-то сносило крышу, теперь попросту выносит мозг... грустное зрелище эта умирающая любовь... она просто должна уйти, она просто обязательно должна уйти, она обязана уйти, чтобы, разлагаясь, не заразить тебя трупным ядом...

– Красиво. Уроки Фазлуллаха?

– Нет, собственные ощущения... он лишь направил... учитель только придает форму, а глину... глину для него оставляет Всевышний...

– Первопричина...

– Именно...

- А грех? Зло?
- Все в Нем... и начало, и конец... мы лишь выбираем дорогу... и можем попытаться достичь единения с Богом...
- Ну, это ты, предположим, загнул.. единения.. как же я с Ним единения-то достигну? Я слаб, грешен, выпиваю опять же... да и ты не чураться... Или ты через бурдюк с вином объединиться норовишь? Тьфу, довел ведь до греха, согрешил я словом по вине твоей, прости мне, Господи, прости грех языка моего...
- Знаешь, что говорит Гемара? Если человек видит, что злое начало в нём побеждает, то пусть пойдет в другой город, где никто не знает ни отца его, ни матери, ни сестры, ни брата. Там пусть оденется во всё черное и сделает то, чего желает сердце его.
- А что такое Гемара? И зачем идти в другой город для совершения злого дела, если его прекрасно можно совершить на собственной улице?
- Гемара – мудрость иудеев. А идти в другой город надо для того, чтобы в дороге от намерения злого отвратиться. Путь всегда очищает...
- Гемара... Так ты изучал мудрость иудеев?
- Учитель знал многое и просвещал нас о мудрости всех народов, что были ему известны. Только о часе смерти своей да о Дне Взвешивания понятия не имел. Это сокрыто от понимания смертного...
- Еще бы... нам только волю дай... разболтаем же...
- Нет... просто знай мы о точном часе Дня Воскрешения, он просто потеряет смысл...
- Будем исправляться по мере его приближения?
- Да... а потому дела наши перестанут быть искренними.
- Но Он же ведает сердце людское и всё, что от взора сокрыто.
- Ответ кроется в твоём вопросе. Искренность – она людям нужнее, Он так и так видит и тайное, и явное, в руке Его и воздаяние, и наказание...
- У Него правда?
- Внутри нас она, Ходжа, внутри нас... вместе с Ним, вместе с частичкой Его... и разве души наши не могут быть искрами от огня Его?
- Это для меня слишком сложно. Есть земля, и я трогаю её руками, вот так... есть рассвет, и я его вижу, есть запах дыма, и я его чувствую...
- Но ты же не видишь воздуха... однако без него не проживешь и пары минут.
- Я вижу воздух, Насими, я его вижу. Например, когда он горяч и поднимается над жаровней или раскаленным барханом.
- Для того, чтобы ты его увидел, он, воздух, должен быть горячим. С Богом то же самое, только наоборот..
- Хе... как это так, «то же самое, только наоборот»?
- Ты... ты сам... сам должен быть достаточно горяч, чтобы Его увидеть...
- Насими, ты ушел из Ширвана чернобородым, а теперь и виски серебрятся, и по бороде дождь дирхемами прошелся... а всё ерунду говоришь, возрасту несоответствующую...
- Когда годы размалываются мельницей времени, их мука сыплется прямо на голову...
- И на бороду попадает.
- Ну, и на бороду... на бороду тоже попадает... чем старше, тем больше и явственнее...
- Знаешь, недалеко отсюда живет один народ... у них есть интересный обычай: достигнув возраста тридцати четырех, они, вне зависимости от того, богат человек или беден, оставляют дом и семью и уходят в большой город просить подаяние. Три года. Ровно три года по всему свету бродят, просят, юродствуют.
- Не совсем улавливаю, хотя начинаю понимать.

– Ставят себя на место неимущего... А потому у них в стане всегда накормят, одежду дадут опять же... или помогут советом.

– А что же нищие да нуждающиеся в советах со всего света не стекаются к ним поближе, раз там сытно, умно и можно прибахалиться?

– А я знаю?

– Пошли, что ли, к ним? За советом...

– Ты, Насими, сам кому хочешь два хурджина с советами надавать сможешь. Только в своем разобраться не в силах.. отчего так?

– Судьба... судьба, Ходжа... ведь ни больше положенного ни съесть, ни меньше... эта тема, насчет пожрать, тебе должна быть особенно близка...

– Ой, расшумелся, ой, разговорился, дали монетку медную, спеть попросили, теперь золотой динар дать обещаем, а он всё никак заткнуться не хочет... ты, что ли, пожрать не любишь?

– Давай не будем ссориться, путь у нас неблизкий...

– Ты первый начал.

– Ну ты как ребенок, Ходжа... поближе к арыку посидеть, песком пошвыряться, в чужой сад залезть...

– Кстати, насчет чужого сада... давно у нас баб не было... вот в город придем (*потянулся сладко, с хрустом*)...

– Да... в городах всего много... а какие женщины тебе нравятся?

– Чтобы глаза горящие были, да лоно бритое и покорное... а тебе?

– Угол, Ходжа...

– В смысле? Как это понимать-то, «угол»?

– У женщины должна быть маленькая ступня... угол между кончиком её носа и большим пальцем ноги не должен быть больше восьми градусов...

– Погоди, дай подумать, сейчас возражу даже... а если у нее длинный нос и мой сапог ей впору приходится? Угол-то тогда между носом и пальчиком даже меньше восьми градусов будет. Или я неправ?

– Прав. Но дело не в носе и пальцах, а в пропорции.

– Сложно у тебя всё, Насими... сложно... попроще нельзя? Понравилась – и всё тут, чего копать-то, какое тебе дело до углов, градусов, соотношений и пропорций?

– А тебе не приходило в голову, что мне могут нравиться женщины именно с теми пропорциями, о которых я говорил? Исключительно.

– Приходило. Вот и думаю я, что не только у тебя всё сложно, но и тебе самому всё сложнее... всё сложнее и сложнее...

– Человек должен быть сложным, Ходжа... ему обязательно полагается быть сложным, потому как простота присуща бессловесным мулам... или ослам...

– Ослам, говоришь... это чтобы мне, в смысле, поближе да попонятнее? Язва ты, язва пишущая... но интересен, интересен людям... о сложности говоришь, а вина простого не сторонись, о Боге рассуждать дерзаешь, а женщин любишь, вот и получается, что святости в тебе – самую малость...

– Не претендую... а женщины... Ты когда-нибудь испытывал жажду, находясь на лодке?

– Да, бывало... воздух реки часто иссушает губы.

– Зачерпывал воду горстью, наклонясь над бортом?

– Зачерпывал, конечно. А зачем ты спрашиваешь, Имадеддин? К чему клонишь?

– С правого борта или с левого?

– Ну... с какого удобнее, с того и зачерпывал. Прямо спроси, а?

– Не торопи ход моих мыслей, терпение – добродетель странствующего. А теперь ответь, разницу во вкусе воды чувствовал?

– Да нет, вроде бы, вода и вода, везде одинакова...

– Так же и с женщинами...

– Разумно... разумно весьма... давно бы так... а то загнешь тоже насчет кончика носа и пальца ноги... угол... угол ему подавай, видите ли...

– Это другое, Ходжа... понимаешь, угол – это канон... а она... она может ему не соответствовать, она вообще может не соответствовать образу, который ты сам себе когда-то нарисовал, но тем не менее оказаться твоей той самой... она вне рамок, она вне времени, она вне ощущений... она даже вне внешности...

– Опять за своё. И понеслось, понеслось... говоришь непонятно, пишешь неясно, и с чего только тебя люди слушают да повторяют..

– Сердцем слышат, наверное...

– Наверное... а ты самодовольный... стал таким, что ли... или всегда был?

– Всегда был... люди вообще не меняются, Ходжа, они просто показывают свои скрытые грани при подходящем случае... потому, внимательно наблюдая за мелочами в словах и поступках собеседника, ты можешь оградить себя от вреда, который он способен тебе причинить...

– Гладко всё у тебя на словах, складно... а чего же сам тогда не огражденным ходишь, очаровываешься да образы рисуешь?

– А так интереснее... без заборов...

– Ну-ну... интересующийся... наивный вы народ, поэты... и вечно носы свои в дела, лично к вам касательства не имеющие, засовываете...

– Никак понять не могу, ты на самом деле полоумный и не понимаешь ничего, или умело придираешься?

– А так легче, и намного. Знаешь, Имадеддин, чем мудрецом быть и об убогих да тронутых сокрушаться, лучше самому дурачком прикинуться, и пускай обо мне мудрые и думают. Или плачут. Или и то, и другое вместе. Вот ты обо мне поплачешь при случае?

– Когда от злости и злоязычия твоя желчь разольется по жилам, после чего тебя хватит удар, обещаю, что первые три дня только этим и буду заниматься.

– Чем «этим»?

– Слезы лить. И сокрушаться, разумеется. Громогласно, на людях.

– А сам от разлития желчи помереть не боишься? Или молитву специальную нашел и регулярно читаешь?

– Не боюсь я... Совсем уже отбоялся, наверное... и почти отмолился...

– Когда перестал?

– Бояться? Или молиться?

– Начни с молитвы, а там и до страха рукой подать...

– Они повесили жену учителя на главных воротах Тебриза.

– Бабу? А её-то за что?

– Она не была бабой, Ходжа, она была женщиной... наверное, потому и казнили... и надо признать, мужества у неё было больше, чем у Фазлуллаха... он только ею и держался последние пару лет... из Алинджи, правда, до осады отослать успел, а вот в Тебризе не уберег, не сумел... самого уже к тому времени не стало...

– Судьба, Насими, судьба... от неё хоть в Тебриз беги, хоть в Дербенте прячься, настигнет и поздоровается... повесили, говоришь...

– Да... повесили... а перед этим ржавым гвоздем на теле буквы алфавита выцарапали... по живому телу...

– Буквы... А какой алфавит был? Арабский или фарси?

– А какая разница?

– Большая, поэт, большая... сам посуди... не мне же тебя учить тому, что в персидском алфавите на целых пять букв больше мучаться...

– Да...

– На детали смотри, на детали... не на мелочи внимание обращай, а на детали...

- Жизнь человеческая – тоже деталь?
- Я не о жизни... хотя и о ней тоже... а за что её-то приговорили, женщину, в смысле, за что?
- Семья отступника – вне закона...
- Да... знакомо...

...самое главное – да храни вас Бог власть в руки пишущему отдать, в особенности в свете последнего диалога, вы только вслушайтесь, вы только вчитайтесь, а если сразу понять не можете или не получается – в тихой комнате вслух, но на разные голоса прочитайте.. уж если доберется такой до кормила – разбегайтесь, люди, куда глаза глядят, да подальше, подальше от места, которым пишущий правит, подальше, и не оглядываясь.. потому что по вдохновению только писать хорошо, да окружающим в радость, а владеть по нему, администрировать или править – для электората несчастного хуже некуда, жди смуты великой. Всю округу при случае (как вдохновение по шарам стукнет, так он, случай, и настанет) сукровицей окропит и кровушкой осканит, всех и каждого в ряд по одному выстроит, книжки по своему вкусу раздаст, за каждым-прекаждым вину найдет-нароет-начувствует, по наитию накажет, по вдохновению наградит, по благодати выделит... пуще же власти в руки пишущему отдать – бойтесь на власть неудачно написавшего помазать... уууууу, что тогда будет... тот, просто пишущий, стаканами б пил и, капельки стряхивая, лужицами б проливал, а этот, с комплексами, лажами да неудачами, критиками руганный, читателями посланный, газетами незамеченный, из органов вышибленный – ведрами, ведрами, говорю, безобразничать станет, и пока жажды своей не утолит – нипочем не остановится... упаси Аллах от такой напасти, потому как злости в пишущем больше, чем похоти в женщине до истечения месячных...

– Мне восемь лет было. Сiju как-то раз на берегу реки, камешки в воду бросаю, на круги расходящиеся смотрю... как подрост, так много рек, камней и кругов повидал, но таких камешков, которыми играл в детстве, и таких кругов, как на той глади, нигде больше не было... наверное, они навсегда остались там... где я играл в детстве... а ты, Ходжа, хотел бы туда вернуться? Туда, где играл в детстве?

– Хотел бы, конечно. Ни забот, ни трудов. Особых, имею в виду. Я же сын гончара, а потому моё детство не было долгим и беззаботным.

– И у меня отец не из сборщиков податей.

– Хвала Аллаху, Господу миров, да не запятнает позор рабов Его.

– Аминь.

– А с чего ты вдруг о детстве вспомнил?

– Ах, да. Так вот... сiju я как-то, камешки перебираю, ищу, который плоский, чтобы по воде его запустить, да так запустить, чтобы он, оттолкнувшись несколько раз от глади её, до другого берега долетел. Да так и не получилось... не долетел мой камень до другого берега...

– Не ной ты, ради Аллаха, есть хлеб и есть сыр, и камнями они не обернутся.

– Я же не об этом.

– Зато я об этом. Есть ли смысл думать о камне, когда хлеба хватает?

– Если не долетел, то да...

...и шли они теми же дорогами, что люди за сотню лет до них исходили да истоптали, проложили и отметили, потом оросили, шли они теми же путями, которыми шли закованные в медь и железо армии Дария и Искендера Двурогого, туда – налегке, а обратно – сгибаясь под тяжестью награбленного, что нахапал – то моё, на себе унесу, в доме всякая вещь сгодится, а заморская – тем более... шли они по путям, политым слезами невольников, и от жара полуденного и морока сопутствующего им

казалось порой, что вот только ляг ничком, приложи ухо к земле – и все там услышишь: гул шагов, свист плетей, верблюжий рев, человеческий плач, ругань погонщиков, мат надсмотрщиков, проклятия, призывы кары Аллаха на головы нечестивцев и обещания... только приложи – и услышишь топот коней пращуров, голоса, проклятия, благословения, стоны обессиленных долгой дорогой, жалобы взятых в плен и обращенных в рабство, услышишь голос надежды рабов, которые мечтают сломать колодки об головы своих надсмотрщиков и в горячечном бреде обещают выколоть глаза их детям, вырвать лона их женам, выпустить кровь их коням и уйти обратно в Керулен в час, когда над степью сгущаются сумерки. Ляг ничком – и ты услышишь, как они уходят в ночь, потому что их ослабила скудная пища и тяжелая работа, и дневного пути под не знающим снисхождения солнцем Юга они просто не вынесут, ты услышишь, как они упадут, пройдя ровно одну седьмую дороги, и над их телами не возведут курганов, потому что выстоявшие на ногах будут завидовать упавшим навзничь. Ты услышишь, как их кости зарастают травой и как их черепами играют дети из проклятого рода Йонну, что из племени карлуков, а тот, над кем нет кургана, обречен на бесконечные скитания до горизонта и обратно, ему не видать Рая и не созерцать Создателя в лучах славы Его, и наложницы, что восстанавливают свою девственность каждую ночь, не станут ласкать его утомленного и рассеченного тела. Род Йонну, что из племени карлуков, был проклят за насмешку над обычаем и неуважение к телу и духу их прародителя, который был оставлен лежать непогребенным среди барханов на растерзание воронам и степным псам, как это принято у грязных и нечестивых, поклоняющихся солнцу и огню, молящихся созданному, а не Создателю, и умывающихся бычьей уриной, а не дождевой водой. Не уподобляйся им, хорони своих усопших головой в сторону Города, на котором почует Благодать, не кланяйся идолам, не входи к женщине, истекающей кровями, не ешь мерзкого с клыками или раздвоенными копытами, не собирай налогов с сироты и вдовы, не женись одновременно на женщине и дочери её, не касайся нечистоты, а если коснулся, то оботри руки, ступни и лицо свое сухой землей или песком, если вокруг нет воды на два часа пути. И если ты встретишь бритобородого проповедника в белой одежде с золотым обручем на лбу и белыми, сияющими в постоянной улыбке зубами, рассеки его от плеча до печени, убей его учеников и сожги его книги, ведь он из проклятых, из заблуждающихся и сеящих пустоту и нечестие, и если ты не сотрешь его печень в порошок, он не даст покоя племени твоему, и роду, и земле твоей, и придет с законом своим на площади твои, и осквернит святыни, и напоит лошадей из купели Храма твоего, и введет ослов в киблу мечети твоей. Убей его без жалости и сожаления. Но если ты встретишь в степи одинокого странника в войлочном колпаке, поделись с ним сыром из своей котомки и молоком своей кобылицы, ведь завтра на его месте можешь оказаться ты, и тогда всё отданное тобою обязательно к тебе вернется. Это просто Закон Человеческого Общежития, просто Великий Закон Обыкновенного Странника. Незатейливый, как рисунок на твоём халате, сладко-горький, как запах рейхана, жесткий, как твое ложе, и прямой, как стрелы дикорастущего чеснока... и шли они, и падали ниц во время молитвы, и вслушивались в Гул Земной, и думали, и помнили, и чувствовали, а Насими, подумав, запомнив и прочувствовав, все в строчки рифмованные сложить пытался, и каждой женщине, что в пути через него проходила, даровал в стихах жизнь долгую, потому что был в состоянии дать лишь то, над чем властен, а над чем не властен – не обессудьте, даже самый богатый мужчина способен отдать только то, что у него есть, и какой же тогда спрос с бедного путника, который, заснув сегодня здесь, понятия не имеет о том, где будет обедать завтра... А может быть, я совершенно не прав, и бессовестно заблуждаясь, и читателя в заблуждение ввожу, полагая, что женщины проходили через Насими, тогда как на самом деле это он, он, проходя через них, оставлял частичку себя самого, которая не имеет никакого отношения ни к объятиям, ни к глубине проникновения, ни к излиянию семени...

...неблизкий путь по многим землям и среди многих народов – штука опасная, особенно если всё вокруг пока не горит, но вот-вот синим пламенем зайтись обещает, потому что время такое... Самое в этой ситуации разумное – к каравану прибиться. Там, в караване, люди опытные, бывалые, без малого весь Восток туда и обратно исходившие, везде торговавшие, в обман не дававшиеся и покупателя не обманывавшие, честно отмеривали, по совести отвешивали, твердо памятуя о Страшном Суде и покупателях, которые могут отвернуться (допускаю, что о покупателях, которые могут отвернуться, памятовали тверже). А вы как думали? Базар – место такое, там и побить запросто могут, за обман, за обвес и за невежливое обращение без уважения. Ну, смотря на кого нарвешься, конечно, может, и не побьют, а облают матерно, пожелав продавцу и его роду всяких пакостей-напастей и на том, и на этом свете... тоже, согласитесь, неприятно, и не только, потому как иное проклятие аж у потомков на загривке повиснуть способно... вот и присоединились наши герои к каравану, что в Анкару шел, а идя в Анкару, Диярбекира миновать никак не можно, не получится... и почему бы двум честным путникам к каравану и не присоединиться бы? Не воровать же идут, не сырых обижать, торговать, торговать хотят, без обману, без обвесу, как выше обещано, для обоюдной выгоды, чтоб и покупателю честь, и продавцу не убыток... и мало ли к торговому делу, малой прибылью кормясь, и по сей день людей прибывается? Кто с тканей, кто с продуктов, кто с масла ароматного, да мало ли с чего? Что не динаром, то, глядишь, с Божьей помощью, дирхемом в конце недели раз – и обернется... а не обернется, так все равно, около людей крутятся, всегда сыт будешь... ну кто ж тебе в куске хлеба с сыром откажет, раз ведешь себя человечно, всегда помочь готов и окружающими не брезгуешь? Есть сядут – и тебя позовут, проверено, не сомневайся, хлеб преломят, плошку наполнят... с чего такая уверенность, спрашиваете? Сам видел потому что... Не совсем караван, конечно, но всё равно, не один ли черт, верблюд или автобус, раз по назначению... а ослики, например, совершенно другое дело... Я на них катался, приходилось, по озорству, а не по нужде, понятное дело... Трясет, правда, зараза ушастая, да больше двенадцати километров в час, как ты его не понукай, нипочем не выдаст... упрямый, самая что ни на есть Азия, кожа под кнутом свитками папирусными свисает, а он все на своём стоит, ревет не по-человечьи и ни с места... вопреки же устоявшемуся мнению об ослиной тупости, они вовсе не так уж глупы.. просто дико, дьявольски упрямы, и ничто на свете не в состоянии заставить их передумать или отступить... хотя это похвальное в некоторых случаях качество присуще не только ослам... так, заканчиваю ослиное отступление, хватит на сегодня о четвероногих, у нас с тобой, дорогой читатель, есть персонажи о двух ногах, и не менее интересные...

...когда все вокруг дерутся, ну, или подраться собираются, хороший оружейник всегда на вес золота... ну, скажем... как специалист по ядерным технологиям в наше время. И всякий ему свое почтение выразить спешит, потому как человек это при любом раскладе нужный и уважения заслуживающий. Подходи, люд оседлый, забегай, кочевники, уж больно время веселое, а потому без сабли ни чужого не приобретешь, ни своего не сохранишь, ни урвать, ни отстоять, ни скрутить и ни выкрутиться... окажи уважение и кузнецу-оружейнику, и арканных дел мастеру, да и палачу городскому, на всякий, знаешь ли, случай, потому как одному Аллаху известно, куда тебя завтра судьба на аркане поволочет, может, хапнешь, а может, и нет... а палач, в случае чего, старое припомнив, смерть легкую даст... ну, совсем без мучений, разумеется, никак не получится, а вот перед снятием кожи незаметно шею свернуть или настойкой опийной перед казнью опоить (каламбур, конечно, но что поделать – терпите) – всегда дело рук человеческих, иногда очень даже милосердных... палачу вообще редко предъявляют, то ли боятся, то ли уважают, то ли и то, и другое вместе, а может, понимают, просто работа такая у человека, а сам он как бы

и не виноват ни разу... вот и бродяги-путники наши, пройдя через главные городские ворота, вежливо поприветствовав стражников (*да не затупятся, мол, ваши мечи, да не треснут ваши щиты*), заплатив положенную пошлину, потолкались среди людей, выясняя две самые, во все времена важные вещи: а где тут, товарищи, можно поесть, чтобы недорого, но вкусно, и кто у вас здесь, уважаемые, самый лучший насчет оружия? Нет, почтеннейшие, спасибо, где поспать мы сами разыщем, знакомцы у нас тут (опасливо придерживая руками кошельки, и что с того, что денег в них по самому минимуму?), в паре переулков отсюда...

....и пройдя через городские ворота Диярбекира, Насими совершил омовение и отправился в мечеть, где сначала долго сидел у стены, повторяя *зикры* (*помянутие Всевышнего Аллаха*), а потом иступленно молился, долго-долго повторяя одну лишь фразу: «Господи, сделай же так, чтобы мне никогда-никогда не пришлось стыдиться за сделанное или несделанное, за сказанное, несказанное или недосказанное, за всё написанное или что-то ненаписанное, грехи мои велики, но и ноша моя тяжела, так зачти же мне одно за другое прямым расчетом, Господи, из кожи не вылезу и души не выплуну, и что Ты возложил на меня, то и стану нести, чем облагодетельствовал, то и утаивать не буду, не смогу, не снесу, не получится»... эх, Имадеддин, Имадеддин, знать бы тебе наперед, что потом случится, может, и не стал бы так в ходе молитвы насчет кожи рассуждать... хотя тут ты, конечно, прав, сам из неё, даже если захочешь, не вылезешь... и расспросили путники добрых людей насчет того, кто в городе и его окрестностях самый лучший насчет оружия... самый лучший и самый честный. Получив же ответ и поблагодарив любезного разносчика сахарной воды (дорогу указал им именно он, как наиболее разговорчивый и добродушный из всех ими встреченных. Добрый малый сказал им, что лучшего мастера зовут Ахмед, что у него сварливая жена, четверо детей, мал-мала меньше, но, тем не менее, мастер Ахмед каждый четверг наведывается в дом к одной недавно овдовевшей женщине, а чем они там занимаются – одному Аллаху ведомо), друзья слегка опешили от обилия вываленной на них информации и пошли в указанном направлении, в кузнечные ряды, оружейная часть, третья кузница, если считать от северных ворот. Нет, ну как порой приветливость и словоохотливость оборачиваются склонностью к недостойным мужчины порокам. Я о сплетнях, если что. Фу, безобразие одно, уважаемые, получается, нет, чтобы каждый своим делом занимался, не интересуясь, кто, куда, когда и к какой овдовевшей женщине ходит.

– Салам Алейкум, уста Ахмед. Да не остынет очаг твой ни в доме, ни в кузне.

– Ва-Алейкум-Салам, благородные путники. Присаживайтесь, отдохните с дороги. Эй, подмастерья, принесите гостям прохладной воды. Может быть, мои достойные гости голодны?

– Благодарю, уста, да останется Аллах доволен тобой и твоим благородным родом. У нас к тебе дело, и заранее прости за то, что отвлекаем тебя от работы.

– Я весь к вашим услугам, уважаемые.

– Оцени этот кинжал, мастер, и заточи его или посоветуй что-нибудь равноценное, если сочтешь его не стоящим починки. И еще я хотел бы присмотреть что-нибудь для моего друга.

– Хороший кинжал. Я заточу его и немного укреплю рукоятку. А вот менять не советую, это очень надежная сталь, редкой закалки.

– Пусть будет так, как скажет человек знающий.

– А какого рода оружие нужно твоему другу?

– Что-нибудь, что можно легко спрятать.

– Могу предложить посох. Скажем, вот этот. Он очень легко открывается, стбит лишь слегка повернуть кисть руки в свою сторону. И заметьте, что он ничем не отличается от сотни тысяч других посохов.

– А у достопочтенного мастера есть браслеты? такие вот... ну... несколько необычные...

– Которые позволяют избавиться от веревок на руках? Есть... вот... инкрустированные бирюзой... Это, разумеется, для женщин, но из уважения к странникам и в особенности к вам, многопочтеннейший Насими, я могу сделать другие.. совершенно бесплатно, мужского типа, с незатейливым и скромным узором. С вас... один момент... с вас причитается два дирхема. За заточку кинжала и медные кольца для обхвата рукоятки.

– А...

– Я узнал твоего спутника, благородный странник. Для меня великая честь оказать самому Насими столь незначительную услугу.

– Но...

– По глазам узнал... И пальцам трясущимся... да и слухи... слухи, уважаемые... слава ведь всегда впереди человека бежит, что добрая, что дурная, и, стражников обойдя, первой в город входит... А если совсем начистоту, так разносчик сахарной воды ко мне раньше вас явился и всё разболтал. Работа у него такая, с людьми разговаривать.

– Прямо как у меня, получается.

– В некотором роде, досточтимый поэт. Сладость воды, что он разносит – ничто в сравнении со сладостью тобой написанного.

– Благодарю, ваша любезность ничуть не уступает вашему мастерству. Роскошный кинжал. Дамасская сталь?

– Мы давно научились делать сталь ничуть не хуже дамасской, Имадеддин-бей. Равно как и писать стихи, ничем не уступающие стихам персидских поэтов.

...что это было, вся эта сценка в кузнице, весь этот диалог, да и сама идея, я и сам не знаю, просто, на ночь глядя, в голову пришло. Считайте, короче, художественным вымыслом, но на самом деле всё было именно так... или, вполне вероятно, могло бы случиться... как же не случиться, если на весь Восток один такой Насими. Восток, правда, большой, а Насими совсем маленький, но это не беда вовсе, раз глаза горят. Раз глаза горят, это даже хорошо, что на весь Восток один такой Насими... один такой, и второго больше никогда не будет... разве что, по следам его многие пойдут... которые и спотыкнутся, которые и упадут, а некоторые вообще на дороге той руки-ноги себе переломают или шею напрочь свернут... Восток ведь, пилить, Восток, понимать надо, прочувствовать, тут провинившийся язык вместе с головой в случае чего напрочь сносят... а вот не думай потому что, не повторяй глупостей за бродягами всякими... *«чести стекло я об камень разбил»*... скажите пожалуйста... смотрите там у меня, по следам ковыляющие, по следам его идучи, голову разбить или шею свернуть – легче легкого... а уж ребра с мордой – те вообще в счет не идут, и в ресторане побить могут, и из забегаловки дешевой с патрулем вывести способны... так что, ты думай... ты читай... читай, прежде чем впрягаться, потому что, если уж впрягся, то времени обо всем подумать останется самую малость... меня, например, совсем недавно тоже из забегаловки выставили в компании с начинающим бизнесменом и героем войны... шуму, конечно, было... героя войны (герой, кстати, реальный, настоящий, человек с большой буквы, дай ему Аллах долгих лет за все сделанное и не сделанное, не будь таких, как он, не о двадцати, а обо всех сорока процентах плакались бы), мы, всяческое почтение оказывая, домой проводили, а сами потом на дороге с экспедиторами по пряникам задрались... так что литература – она что в веке пятнадцатом, что в двадцать первом – один бес: то выгонят, то бока намнут, а то и заявление, упаси Боже, напишут, так все гонорары скудные ментам в пасть уйдут... тесть бизнесмена мне долго потом выговаривал, и как мол, тебе, стареющему и пишущему, не стыдно, и как, дескать, не совестно, сидел бы себе за сто-

лом письменным тихонечко да подрастающее поколение в духе патриотизма виршами да статьями воспитывал бы... а забегаловка называлась «Рокфеллер», именно так, ну ни капельку не соврал... хм... хм... «Рокфеллер»... ебал я после этого вашу креативность и воображение, господи Совет... «Рокфеллер»... аккурат возле станции метро «28 мая»... самое, говорю, место для «Рокфеллеров»... и вообще, поэта или писателя лично лучше не знать... отвратительные типы, омерзительнейшие личности, а еще читать умеют, пописывают всякое, да массу стихов наизусть знают... тыфу, бесстыжие... и били в стране моей своих поддых да по голени, а всё для того, наверное, чтобы чужие боялись, ну, что-то, а вот за чужих не скажу, тут судить сложно, зассали они или нет, но своих свои едва ли не насмерть перепугали, дыхание сбив, да синяков понаставив... хорошо, не придирайтесь, если и не насмерть, то до энуреза, наверное... да и тут засада для бьющих и пугающих, потому как когда униженный о чести вспоминает – он того, кто бил да пугал, живьем со всем скарбом и выводком в огонь и воду загнать способен... а вот нечего до греха доводить, тогда и пейзажи смолянок насиловать не станут...

*...это для меня серьезная проблема.
Поскольку я общаюсь с мертвецами,
я стал жизнелюбом...*

Тегеран-43

...душа города, сердце города, и его же, города, то есть, простата – это базар, и не спорьте... сейчас, конечно, многое изменилось, но и сейчас в любом городе есть место, что, те же функции выполняя, с легкостью старый базар заменяет. Торговая, скажем, Крещатик, Бродвей, Кызылай опять же... а помимо места, что заменяет простату и сердце, есть места, миновать которых никто не в состоянии, потому что любая вера гласит: всяк да явится перед Создателем чисто омытым по смерти своей. И если при жизни ты умываниями, омовениями и вообще гигиеной пренебрегал, то как отдашь Богу душу – тебя родственники по обычаю сперва омоют, а потом сразу в храм Божий волокут, на отпевание. Ну, отпевания, слова напеваемые, да ноты, конечно, от конфессии зависят, но смысл великий в последнем омовении есть, а какой именно – так я о том парой предложений выше написал уже...

...не стоит деревня без юродивого, дом – без праведника, базар – без начальства и заведения питейного... а в питейном заведении, сами понимаете, разные люди собираются. Прямо скажу, всякие. А придя и собравшись, напитки и компанию вкусам сообразно выбирают.

За шестьсот прошедших лет так ничего нигде и не изменилось, кто в одиночестве за столом притулился, кто в компании шумной, кто под столом бабу срамно лапает, а кто, приличия блюдя, терпеливо прихода домой дожидается. Там, мол, пощупаю, и мяса твои никуда от меня не денутся... дома же питейные и места увеселительные по совместительству в те времена назывались «мейхана». «Мей» – на фарси «вино», а что такое «хана», так то и без перевода ясно. «Всё», «пиздец», мол. Шучу... «Хана» это помещение, хотя, ваша правда, некоторые помещения так и ассоциируются с пиздецом, спорить не буду. Мей-хана. Помещение это, говорю, где вино пьют. На ковры усядутся, пригубят чаши, развеселят тела, огрустят души. Огрустив же, поэтов пригласят, а пригласив, тему подбрасывают, импровизируйте, мол, про жен сварливых или женщин любимых, про налоги высокие да судей бессовестных, про кровь пролитую да дела стародавние, а мы восклицаниями одобрительными словесные обороты судить станем, ну, кому какой понравится. Джем-сейшн по-нашему, потому как хорошее слово – оно всегда вроде музыки, ароматным маслом раны умягчает, раны умягчает, да шрамы стягивает...

Огляделся Ходжа у входа и, Насими вперед пропуская, локтем подтолкнул – давай, проходи, мол, садись, самое тут тебе место, поэт поротый, стихотворец вороватый, покажи людям, что умеешь, что складывая, запоминаешь, не записывая, а что записываешь, то на всякий случай в подкладку одежды зашиваешь, садись, садись, стенографист Божий, что Он нашепчет, что Он подскажет, что Он подбросит – то ты и запишешь – запомнишь – обработаешь – продекламируешь, Ему на славу, себе – на уважение, а людям понимающим – на радость великую... ну, отступлю самую малость... «Сексуальная кошка на небесах, блаженная фея добра», – так, наверное, написал бы о любимой женщине Насими, но он о ней так не написал, потому что тогда писать именно так было не очень принято, а поэтому так о любимой, а может быть, и не о любимой, написал совершенно другой человек, но люди точно так же сходили с ума и точно так же напевали стихи Имадеддина на всех углах необъятного Востока... того, который – дело тонкое, где поэзия муслиновая, слова бархатные, лапки железные, где стелют мягко, где спится жестко, где все падают, а за соломкой никто не идет, где все крепки задним умом, где все – поэты, каждый – философ, и во всем, разумеется, лучше всех прочих разбирается... rrrrrрасступись, нарррроды...

...певцу-декламатору или дервишу-рапсоду в доме питейном, в мейхане шумной – чашу или там пиалу наиглубочайшую первому подносят, на месте почетном, на топчане верхотурном уважительно усадив, с просьбой обращаются, спой мол, странник, рода-племени благородного, спой нам, на стихи поэта в колпаке войлочном песню трогательную, душу рвущую, душу рвущую, да наизнанку выворачивающую... и расступаются люди, шербет хлещущие, люди винопийствующие, об халаты узорчатые руки вытирают, головы буйные ими, вытертыми, подперев, слушают – вслушиваются, внимая – повторяют и, подпевая тихо, наизусть заучивают... Заучив же, обязательно дальше передают, чтобы не пресеклась, не прервалась песня, чтобы стих не закончился, не оборвался... вот это я понимаю, вот это успех, дай Бог каждому, успех, что ни от объема продаж, ни от статей газетных ни разу не зависит, когда в разных концах света люди многие, человеки всякие, от турков равнинных до пуштунов горных, слова те гортанно распевают да в такт словам тем дергаются, в такт дергаются, кисти рук над головой задирают и, глаза под самый лоб закатывая, завывают стихотворно... а что обделил Всевышний слухом и голосом, так то и не беда вовсе, тут главное – смысловая нагрузка, приобщенность, память, действие, да движения при декламации: правая рука вверх, левая рука вниз, правая рука вверх, левая рука вниз, правая рука опять вверх, левая рука снова вниз, и в этих движениях, в этой смене рук тоже есть вполне определенный смысл, потому что правая вверх – левая вниз, означает: у Бога попрошу, и как даст Он – бедному отдам, у Бога попрошу, и как даст Он – бедному отдам, у Бога попрошу, и как даст Он – бедному отдам, и если у Бога чего выпрошу – так обязательно, слышите, обязательно бедному отдам или поделюсь, как минимум, мне самому ведь многого и не надо, хлеб иногда может быть и черствым, так нам Бог о себе и о бедных напоминает:

*Я – вечность, ей нет и не будет конца,
Я – чудо творенья и сила Творца,
Я – кравчий, наполнивший чашу познания,
Я – свет, что пронзит все людские сердца...*

...а вы говорите – бестселлер, второе место по продажам да интервью всякие газетные, плюньте, говорю, вот, вот как писать надо... я это всё чуть по-другому понимаю... пока тебя на цитаты не растащат да на улице распевать-повторять не станут – не поэт ты совсем, не писатель, а так, приобщиться стремящийся, в сторону абсолютадвигающийся... есть, есть к чему, разумеется, есть куда, не без этого... у музыканта знакомого, например, получилось совсем двусмысленно: мелодию гитарную в

кино саундтреком использовали, потом на рингтоны разворовали, а сам он из группы по причине начавшегося дележа бонусов ушел... не жалеет ни разу, всё равно ведь на улице узнают, да и талант у человека – дай Боже каждому.... Такая вот у них там гармония получилась... Неформальная ни разу, но зато до мозга костей общечеловечески-национальная, ну, рингтон и рингтон, прогресс, знаете ли, времена изменились, вот популярность форму новую наощупь и осваивает, и носители, доселе невиданные – камень, папирус, глина, пергамент, бумага, теперь вот телефоны мобильные... помогай Бог, говорю... главное, чтобы в процессе крышу не снесло, а то ой, что будет, ой, что приключится, взлетит сомнение турманом белокрылым, вслед за ним белой птицей скатерка к потолку взовьется, и полетят оземь чашки и бутылки, и отпрянут официанты в ужасе, прочие посетители с осуждением вглядываться станут, руками махать да к совести взывать, а закончится всё нарядом вызванным, руками заломленными, сиденьем неэргономичным, зуботычинами негуманными... а потому – скромнее, дорогие товарищи, скромнее, талант талантом, искусство искусством, изящные науки, само собой, изящными науками, а кодекса об административных правонарушениях еще никто не отменял... под него, слезами писанного, все, что угодно, подогнать можно, вы и не сомневайтесь, захотят – подгонят... хотя порой и пронести может, во-первых, все вокруг люди-человеки и всякий пропитание своими путями ищет, а во-вторых – греха бояться – к жене не входить, не залазить, так старые люди говорят, а они и в женах, и в грехах, и в залазаниях разбираются, не зря, почитай, за семьдесят лет живут и у каждого детей штук по шесть-семь минимум, им на радость, а нам в пример да укор... что, неправду я говорю?

...это сказывали видевшие слышавшим, а услышавшие поведали записывавшим, записывавшие донесли до читающих, читающие же из умеющих вчитываться и вслушиваться донесли это до дня сегодняшнего, и да зачтется им прочитанное и услышанное, равно как видевшим переданное, а всем слышавшим – поведенное, да сотрутся грехи взаимозачетом с делами праведными, зло содеянное – добром сделанным, милостыня – милостью, а слово доброе – Тем Словом, Что Вначале Было, аминь... и сел Насими не на место первое, старших уважая, но и не на последнее, чтобы тем, кто помладше, учтивость да вежливость уроком стала, да впрок пошла. Вперед не полез, чтобы никто в тщеславии да нахальстве не упрекнул, но и, самоуничтожения чураясь, достойно свое место занял, мол, отнесусь к старшему из сидящих здесь, как к отцу своему, к ровеснику – как к брату доброму, а к тем, кто помладше – как к сыновьям или братьям меньшим. Ходжа же, памятуя, что в делах поэтических он только тихонько слушать способен (за вычетом, разве что, с поэтами подраться, повинопийствовать да по бабам и дорогам того.. этого самого), сел себе чинно рядышком и ни звуком, ни движением единым окружающим далее не докучал. Ну, в собрании поэтическом, разумеется, а вот как натешут пишущие тщеславие своё да наружу воздухом подышать-поразматься, в случае недоразумения кулачного выйдут, он, конечно, себя показать всегда сумеет, да и здесь, если наливать да чокаться станут, от других ни за что не отстанет, это уж как полагается, потому что чем мы, вообще, хуже, даром, что рифмовать не способны, зато в других делах очень даже пригодиться можем, всякому злаку – своё место...

....и сидели на ковре поэты разные, кто поэт, а кто примазался, кто с душой писал, а кто по капле выдавливал, кто носом ветер чувствовал, и всегда его, нос, то есть, по нему, по ветру, в смысле, держа, водил прибыльно, а кто как Бог на душу положит, каламом водил, кто за халат шелковый, плов ежедневный да чалму белоснежную (цвета молока с сахарным песком) и душу, и совесть в ломбард подтронный заложить согласен, кто мальчишкам уличным горсть орехов отжалееет, чтобы они его стихи по улицам распевали (вот это пиар так пиар, вам, современники, такое и не снилось), а кто, слезам совести повинуюсь, ни души, ни тела своего при случае жа-

леть не станет, не приучен потому что... пишушие, они ведь, как и все прочие, что по земле ходят, разными бывают... и Насими из ряда того не исключение, может, добрым был, может, злым, может, нервным, а может, спокойным, может, на кошке сидя, пальцами хрустел, а может, вперед себя глядя, спокойно своей очереди дожидался, может, на соперников волком глядел, а может, вполне дружелюбно, ну, не знаю я того, не знаю, не ведаю, но зуб даю, что сидел Насими, гордо спину выпрямив, и, других уважая, себя совершенно ниже окружающих не чувствовал, да и с чего бы ему горбиться и тушеваться, раз и осанкой взял, и талантом Бог не обидел? А поэты вокруг на самом деле разные-всякие сидели. Кто талант, а кто примазался, кто, конъюнктуру чуя, в стихах правителей прославлял, а кто только по вдохновению за калам брался да рифмы подбирал, кто одежды расшитые отрабатывал, кто даром Божиим пренебрегать не смел, кто, короче, талантом, а кто словоблудством великим (да простит меня Аллах за употребление таких слов в одном предложении) себе на хлеб и мясо зарабатывал, в общем, всё как всегда, всё как сейчас, и ничего, по большому счету, в мире поэтов не изменилось, сплошной Союз Писателей и шоу без телевидения на все времена... так, стоп, а разве что-то в этом мире ВООБЩЕ изменилось, что мы поэтам предьявы кидаем? То-то же...

Насими поприветствовал собравшихся «Саламом», сдержанно, как равный равным, поклонился (ну, не совсем поклон, а вежливый медленный наклон головы чуть-чуть влево) и спокойно, не толкаясь, сел на свободное место возле какого-то парня с задумчивым лицом... Ходжа примостился чуть поодаль, но в непосредственной близости от Насими, чтобы при случае шепнуть ему чего на ухо или шепотом сказанное услышать... да и вообще, город чужой, место не так, чтобы уж очень знакомое, а потому друг друга держаться надо... Сосед Насими (ну, тот парень с задумчивым лицом) оказался учтивым собеседником, ответил на его приветствие и, ведя беседу вполголоса, даже успел ответить на несколько вопросов, касавшихся собравшихся, кто, мол, это, которые тут именно поэты, а кто просто так, поглядеть да послушать пришел, что все эти уважаемые люди тут делают, да друг другу говорить будут:

– Это – Абу Рагим, известная жадина и скупердяй, слава о его прижимистости до самой Басры дошла. А рядом сын купца Фейсала сидит, так еще прижимистей Абу Рагима, а вон тот, с бельмом на глазу – Рамиз, по прозвищу «Рука, привязанная к шее», ты на его богатые одежды не гляди, его дом даже мыши стороной обходят, а слуги оттуда бегут чаще, чем у женской половины его рода случаются месячные, всех, всех умеренностью, близкой к постоянной голодовке заморил, и себя совершенно не жалеет. Представь, как-то раз по случаю праздника приказал подать себе похлебку, сдобренную уксусом и оливковым маслом (расточительство, по его меркам, неслыханное), так слуга по ошибке взял бутылку с горьким хлопковым маслом вместо оливкового. Так этот самый Рамиз кривился, отплевывался, чертыхался, но глотал, ел, давился, короче, не пропадать же добру, в самом деле.

– А по окончании трапезы слугу хоть выдрал? Может, за волосы оттащал? Или там, пару палочных ударов для внимательности?

– Вроде бы, нет.

– Ты посмотри, добрейшей души человек, не на одном себе экономит, но и на палках, чтобы не стирались раньше времени.

– Да нет, хотя насчет истончающихся палок можно и поразмыслить. Просто слуга с голодухи и дурного обращения так и так решил от него бежать, а страх перед наказанием лишь укрепил его в этом намерении. Рамиз не успел просто.

– Вот видишь, дорогой, не всегда учитель умнее ученика, не всегда хозяин богаче слуги.

– И не всегда лысина и борода – свидетельство мудрости, – вмешался Ходжа, и добавил: – Насими, твоя очередь скоро. А что, уважаемый, тут из денежных людей только скупердяи собрались?

Уважаемый договорить не успел, как распорядитель произнес имя Насими. Его очередь. Он был восьмым, семеро, ровно семеро до него, выходи вперед, твое место тут, посередине, среди слушающих, ты и живешь для того, чтобы вот так выйти, бессонные ночи, изгрызенный калам, кулаки, упертые в виски, закусанные до крови губы, восход и закат, вдох и выдох, до рассвета не спать, до полудня не дергаться – всё, всё это во имя этого момента, минуты спрессовываются, часы концентрируются, всё прочитанное, все написанное, все выжатое и выстраданное, что шло потоком и текло ручейком, писалось на одном дыхании и вымучивалось неделями – ради этого момента, ради этих минут, когда ты выйдешь и скажешь то, чего никто и никогда до тебя не говорил:

*Сердце – ракушка с захлопнутым ртом,
Образ Любимой – жемчужина в нём,
А эгоизму там нет больше места –
Занят Любимою весь этот дом...*

*Любовь, когда она сильна и беспощадна,
Сравню я с Судным Днем, грядущим неотвратно.
Наверное, любовью создан мир,
Но и разрушен мир любовью...
Множественно.*

*И поиски тебя – моя дорога в рай,
Ты – дерево в раю, оно цветущее, статно...*

Скажи такое женщине, да так скажи, чтобы она поняла, что никто и никогда её сильнее любить не сумеет – и входи в мировую литературу по ковровой дорожке красного цвета... вот так и надо женщину любить... наверное... в одном ты, достойный Сеид Али, оплошал, о крыльях, о крыльях женских ты и словом не обмолвился, а уж я ли не искал, а уж я ли не лопатил. А всё потому, что наверняка знаю, что у всех женщин крылья наличествуют, и бескрылых среди них не бывает. Правда, как заметил Гюго, у одних это крылья ангела, у других – гусыни, тут я с ним, с Виктор-беком, согласен, да и ты, Насими, вряд ли возражать станешь, незачем потому что... но уж, как водится, дополню классика, возьму на себя наглость да груз неподъемный; помимо гусынь с ангелами встречаются женщины с крыльями нетопыря, и да хранит нас Аллах от таковых и от всяких, и да пошлет побольше встреч с ангелокрылыми, потому как совершенно не стоит докучать Господу просьбами об убережении путника от встреч с гусынями, проси ты Бога об этом или от просьбы воздерживайся, у Него на этот счет свои планы, и дойдут, дойдут воды до самого горла...

Высказался Насими. Сидит и вперед себя смотрит, по сторонам не оглядывается, знает, знает, что лучший, понимает, наверное, что чтобы ему ровня появилась, не иначе, лет пятьсот пройти должно, пара империй об пол шмякнуться, да три государства поменьше смениться. И не нервничает уже, ножом ткни – кровь не пойдет, из спины ремни режь – звука не издаст, тут он на своем месте, на первом, а другому на его месте не бывать, потому что и Восток один, и Насими один, один на весь Восток, один на всю поэзию, на писанное до него и написанное после... Расступитесь, когда он сквозь толпу идет, а если сами мимо пройдете – поклонитесь кивком головы, с достоинством, конечно, как равный равному, но тому равному, который в чем-то вас, да и всех прочих лучше. Поклонитесь, не развалитесь... а Имадеддину тем временем вручили *кяламдан* (чернильницу из чистого серебра), мешочек с дирхемами (сколько было – не знаю, но это не ускользнуло от взгляда Ходжи, как же,

ура, мяса поедим, на мягком поспим, всё не сыр на ужин, не земля голая тюфяком, не хурджин под голову) да вежливо, с поклонами, мол, как же, как же, сам Сейид Имадеддин Насими, да будет имя твоё навечно впечатано в Книгу Жизни и Список Поэтов, победил, победил, поборол честно, да не пресечется твой род, и да напишешь ты то, от чего мы все не раз ещё закачаемся...

Не обошлось, конечно, сборище поэтическое без курьеза, как же без него обойдётся-то... вышел один стихи свои читать, молодой да ранний, стишата так себе, прочитай и выбрось, однако это не мешало ему читать их громко, да с высоко поднятой головой, да выставив вперед правую ногу. Ещё и рукой перед собой водил иногда, то ли, чтобы с ритма не сбиться, то ли, чтобы важности придать да внимание слушателей привлечь. А как закончил, так постоял немного, похвалы да аплодисментов ожидая, сразу не сел, ело его, ело тщеславие изнутри, как же, мол, так, чтобы мои стихи да без просьбы почитать ещё? И состоялся между ним и одним старым поэтом, чьего имени ни история, ни я припомнить не можем, следующий разговор. Старик ему, разумеется, мнение на ухо высказал, к чему человека на людях порочить, это никуда не годиться, да и незачем как бы. А разговор заключался в следующем:

– Салам Алекум, сынок.

– Алекум Салам, уважаемый.

– Скажи мне честно, как своему старшему, каким ремеслом ты занимался до того, как начал стихи складывать?

– Я, отец, был в рядах крайних шиитов.

– А до того, как вступил в ряды крайних?

– *(смущенно и запинаясь)* Это... осликов воровал...

– Осликов?

– Осликов, уважаемый.

– Сынок, не сочти за обиду, я на правах старшего. По-моему, и для поэзии, и для крайнего шиизма будет как нельзя лучше, если ты вернешься к своему прежнему занятию

– К воровству?

– К осликам, дорогой, к осликам. Не обижайся на правду, послушай старого человека.

...иногда лучший ответ старшему – молчание, раз уж, во-первых, дело говорит, а во-вторых, опытом задавить может. Вот и ослокрад (ну, или ишачий вор) счел за благо промолчать, поклониться сдержанно и раствориться среди приглашенных. С тех пор о его поэзии никто ничего не слышал, но, говорят, что юноша вскоре пере-квалифицировался на коней и верблюдов, что на порядок сложнее, и всю жизнь был благодарен старому поэту, за то, что тот отвратил его от литературы и калама, потому как что бы вы ни говорили, кража верблюдов кормит намного лучше. И что только люди в поэзии находят... нет, ну не спорю, некоторым иногда везет, но везение это – краткосрочно, всё равно ж на грани ходишь, по острию скользишь, сегодня подфартило, а завтра, глядишь, на плаху поволокут или высекут прилюдно за написанное или высказанное... Нет, парень сделал правильный выбор... с верблюдами оно как-то надежнее...

...поздравляли Насими, жали руку и заглядывали в глаза, хлопали по плечу, строчку, что понравилась, отмечали, впечаталась, впечаталась в мозги, получается, а если такое получается, то всё у тебя, Имадеддин, получилось. Почти всё. На этом отрезке времени. Поблагодарил Насими судивших и слушавших, сердечно поблагодарил оценивших-прислушившихся, от души, но долго раскланиваться не стал, Ходжа аж чесался от предвкушения поесть чего-нибудь вкусного такого, мясного, из большой тарелки, делал страшные глаза, пока никто не видел, намекал всячески, и до-

ждался. Наконец. Ждущий дождется, а проголодавшийся насытится, и друзья в прекрасном расположении духа направились в сторону, откуда приятно тянуло тем, вкуснее чего разве что мозговая кость в гуще огненного борща (да благословит Аллах твою память, о, Булгаков!), а именно – правильным мясом на правильной жаровне... А правильное мясо, да будет тебе известно, дорогой читатель, никогда не жарится в дорогих и помпезных местах, оно, правильное мясо, очень хитрое, и готовится в ничем не примечательных подвалах, скромных забегаловках без бросающихся в глаза вывесок, прячется от массового покупателя, потому что если покупатель массовый – это качеству ущерб нанести может. Тихо, спокойно, все свои, всё для своих, если «трабла» какая – в долг поверят, если беда – приходи, поделись с владельцем, он человек мудрый, всякого народа навидался, присоветует чего, а беседа душевная – она любой психотерапии стоит, да и плата небольшая – час времени, да полдирхема денег.. Заходи, люд усталый, тут, может быть, столы и кривоваты, зато души прямой некуда, цены низкие, зато беседы высокие, накормят за деньги, а если знают, то уговорить поверить в долг – пара пустяков.. Но едва друзья зашли в полутемное помещение с низким закопченным потолком, только поздоровались с присутствующими и выбрали место, как вдруг....

ГЛАВА ШЕСТАЯ, С ВЛАСТЯМИ, ОСНОВАТЕЛЯМИ, С НЕСПЕШНОЙ БЕСЕДОЙ,
ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ, МЕШОЧКОМ ЗОЛОТЫХ, НУ, И СОВСЕМ НЕБОЛЬШОЙ ТАКОЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В САМОМ НАЧАЛЕ, КАК ВОДИТСЯ.
РЕКОМЕНДОВАННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ – «YORGUN ДЕМОКРАТ»
(ДЕМОКРАТ, КОТОРЫЙ УСТАЛ), В ИСПОЛНЕНИИ АХМЕДА КАЙЯ
(длительность – 4 минуты, двадцать одна секунда).

...правителем Диярбекира и прилегающих земель в те времена был Осман Гайраюлук, человек простых нравов и железной хватки, недавний кочевник, никак не могущий привыкнуть к этикету дворца и сотне условностей, окружающих жизнь правителя. Его потомок, Узун-Гасан, будет дедом Исмаила Сефевидов, основателя одноименной династии на иранском троне. Исмаил много чего по жизни накосячит и, по совести говоря, станет гораздо лучшим поэтом, нежели государственным деятелем, войдя в историю литературы Востока как Исмаил Хатаи («Горемыка», короче, не шучу, так и переводится. Ну, можно, конечно, и как «Бедолага» перевести, но это уже ни в какие ворота и злостное неуважение к царственным особам, а потому пусть «Горемыкой» и остается). Лучше бы поэтом оставался, честное слово... Горемыка-Бедолага... но о нем как-нибудь в другой раз, а его предок, суровый и немногословный Осман, вершил суд над своими подданными скорый, и не сказать, чтобы несправедливый. Я, во всяком случае, такого сказать не осмелюсь и дурного о нем не подумаю. Говорят, что привели как-то раз к нему женщину, виновную в попытке убить своего младенца. Бросила в высохший арык, в пыль, под палящее солнце, а сама домой пошла. Это заметили работавшие неподалеку крестьяне, ребенка, само собой, в тень отнесли, а мамашу, слегка ребра помяв, свели не к судье-кади, а к самому Осману. Тот аж зажмурился от предвкушения совершить благое дело и рассудил без проволочек: «Отдать сучку на потеху солдатам сроком на три дня. Если останется в живых – отослать на рытье арыков, кормить там раз в день, пороть – по лености и провинностям, как и прочих, в работе задействованных. На всё остальное – воля Аллаха, как на жизнь, так и на смерть, как на здоровье, так и на немочь».

Справедливо рассудил, думаю... И солдат уважил, и порок наказал, и государству пользу принес. Да и еще никакого пролития крови, это ли не милосердие? Осман, вчерашний воин, довольствовавшийся скромной пищей и жестким тюфяком, всего одной женщиной и зачастую клавший голову на обычное седло вместо мягкой подушки, мало что понимавший в бесполезном деле украшения фасадов домов и

строительстве фонтанов, тем не менее, уделял внимание прокладке дорог и арыков (вверху я привел живейшее тому свидетельство), прогонял учителей-невежд из медресе, заменяя их теми, кто смог убедить его в своих знаниях в ходе личной беседы, проявлял неподдельный интерес к поэзии и искусству строительства (а не украшения фасадов резными финтифлюшками, как я уже отметил чуть выше). Про Насими, конечно, слышал, было дело, пораскинул умом государственным, что неплохо б и личное знакомство свести, понимал, что хоть держава саблей и строится, но не одной ею держится, слово, слово нужное да своевременное иногда крепче аркана бывает и тысячи воинов сто́ит. Позвал, уважил. Не сам, конечно, подошли люди военные, люди доверенные, вежливо, рук не заламывали, ног не подсекали, поздоровались, представились, кто да зачем, и, чтоб не пугать зря раба Божьего, предупредили, что для добра, мол, во дворец зовут, а не для упреков или заушин всяких. Мало ли... бывали случаи, что вызываемый до дворца своими ногами дойти не мог, всё колени со страху друг об друга чашечками стучали, так тех под руки вели. А некоторые, говорят, вообще, узнав о вести, что их во дворец пред Османовы очи требуют – на месте от разрыва сердца оставались. Ну, вину, наверное, чувствовали. Перед покоями правителя Насими обыскивать не стали, Осман всегда на свою саблю надеялся, и не зря, рука была – дай Боже, до седла, при случае, супротивника разрубала, на железный шлем внимания не обращая... станет ли такой одного, да безоружного опасаться? Да если еще и сам ко дворцу позвал? То-то же... когда Осман и ему подобные бояться станут, тогда и начнется Судный День, наверное, а до этого – никак. Осман, всё-таки, и имя обязывает, и вообще... хотя имя, конечно, в первую очередь... кого ему, кроме Бога Вышнего, бояться, если руки по локоть в крови, город с окрестностями на плечах, да и вообще, не первый день в Азии...

– Проходи, Сеид Имадеддин. Садись рядом (*и рукой по подушке похлопал, но не покровительственно, а так, по-свойски*).

– Благодарю, повелитель.

– Врунов у меня и без тебя хватает, хотел бы их выслушать – тебя не призвал бы. С кабака ведь, да? И я тебе не повелитель. Просто Осман, без чинов давай. Слуг я отослал, не взыщи, если шербет самому разливать придется (*и подмигнул глазом понимающим, знаю, мол, холуйства не любишь, вот и я их не жалую, так что сам себе подливай, и меня не забудь, если вдруг чаша опустеет*).

– Слышал я о тебе (*замаялся, неудобно как-то просто по имени*)... Османом называть просишь? Хорошо, не обессудь.

– Хорошо труп врага пахнет.

– Я тебе враг?

– Нет. Но по глазам вижу, и в друзья не набиваешься.

– Не набиваюсь.

– Плохо. Хотя отдаю должное твоей смелости. Или наглости. Или это беззаботность?

– Это спокойствие (*запнувшись, но достоинства не теряя*)... Осман.

– У тебя? Спокойствие? Был бы ты из спокойных, я б тебя в покои не звал бы, на поле бы успокоил. Или прям в харчевне.

– Саблей?

– Надо было бы – сам бы пришел. Если бы по харчевням за мухами бы охотился. Но мне нравится, как ты пишешь. Как у тебя сказано было:

*Добыча счастья, ты одна
Дана на все мне времена.
Весь мир отдам за запах твой,
Но много больше сто́ит он.*

Веришь, вчера к жене пришел, эти строчки по памяти прочел, она разревелась, запустила в меня кубком и обвинила в том, что я ей такого никогда не посвящал. Из покоев выгнала, у себя ночевал, на троне свернувшись. И чего этим женщинам надо?

– Не знаю, Осман. Если хозяин всего Диярбекира и земель близлежащих на этот вопрос ответа найти не может, какой тогда спрос с бедного поэта?

– Как так «какой спрос»? Ты написал, ты и отвечай, по твоей вине, получается, у повелителя Диярбекира и земель близлежащих (тобой сказано, не с ветра взял) шея болит по причине сна неудобного. Шучу. Хорошо написано. Если бабу смог за душу взять, то нам, мужикам, и подавно по душе прийти должно.

– Женщина тоньше. Чем баба.

– Не без этого. Но всё равно, смотря какая.

– Если «смотря какая» – то это баба. А если «не смотря ни на что» – это женщина.

– Сложно. Я пойму, другой поймет, а как ты это тем, кто в поле работает, разъяснишь?

– Постараться надо. И время нужно. Да подход к каждому.

– Вот ты бы этим и занялся бы. Оставайся здесь, мне позарез как учителя нужны. Знаю, возразишь, не сидится, мол, тебе на одном месте, и ты человек, что подневольным да подответственным не будет. Может, всё же подумаешь?

– Не смогу. Стыда во мне много. И невоздержан я на слово и руку.

– Я тебя в учителя зову, детей учить, и взрослых, если понадобится. И к чему ты это, насчет стыда-то? Что, по-твоему, на меня одни бесстыдники работать могут?

– Не на тебя, не только. Да и не в тебе дело. Совсем не в тебе.

– Ты человек вольный и никому дани не платишь? Так, что ли?

– Выходит, что так.

– А не боишься? Вот хлопну в ладоши, враз слуги с палками появятся, они веселиться да загонять станут, а ты – бегать да угол безопасный искать. Или без слуг обойдусь, сам, но тоже бегать заставлю. Что тогда?

– Ничего тогда. Только люди обязательно осудят. Скажут, позвал Осман человека в гости, а потом оскорбление с побоями нанес. А уж если твои слуги побьют – вообще позора не оберешься. Да и не хлопнешь ты в ладоши, это ни предков твоих, ни сабли не достойно.

– Болтать станут – языки вырву. Хотя могут и не поверить. Скажут, в племени Аггойунлу так с гостями обходиться не принято, то бабы болтают да всякий вздор несут. Не держи на меня зла и обиды, Сеид-Али, я не в духе сегодня, да и спал всего ничего. Прости.

– Обижаться мне не к лицу, я не женщина, да и зла держать не стану, а вот зачем позвал, если не в духе – не понимаю, не получается как-то.

– Дерзок ты на язык. Почтения к власти мало, вошел без поясного поклона, все прочие ниц падают, а ты только голову наклонил.

– Ниц падать и поясные поклоны бить – только на молитве пред Богом позволительно. Ты воспитай в простых и малых достоинство, отучи их валяться в ногах, сделай это постыдной привычкой. Тебе эти поклоны не нужны, ты шайтанов не тем тешишь, я ж вижу, прост ты и открыт перед Богом, хоть Он и дал тебе власть над людьми. Не хочу быть грубияном в гостях, но мы все в этом мире всего лишь гости. Знаю, что нагло говорю, но знаю, с кем об этом разговариваю, потому языку волю и дал. Не хотел бы слушать меня – так не звал бы, оставил бы там, в харчевне. А учить... когда-то учил, теперь – не хочу... Не получится...

– Да. Не без нахальства ты, Насими, Насими... «Утренний ветерок», так ведь?

– Да.

– Потому и нужен мне. Советники мои до сабли злы, рубиться умеют, да в ряды строиться, сильных много, мне умные нужны. Да не просто умные, а чтобы других

умных воспитать сумели, в какой руке калам держать да видеть дальше своего носа. Иди ко мне в советники, раз в учителя идти не хочется.

– Из меня сейчас плохой учитель, Осман. А в делах некоторых – советник хуже учителя. Не потяну.

– Потянешь. Ты много пользы людям принести сумеешь. Посмотри, ведь читать не умеют, ни к чему интереса нет, тяжело, тяжело. Меня ж самого грамоте только после двадцати лет научили, некому было. Да и недосуг как-то, в седле особо не попишешь. И насчет поклонов верно сказал. Не к лицу человеку перед человеком ниц падать.

– Это правда, что ты дворцовых музыкантов разогнал?

– Чистая, без обмана. Не люблю я этих трехнапевников. Глаза закатят и горло дерут, да черт бы с горлом, они ж пример подають отвратительный. Мне как младший сын сказал, что хотел бы как эти музыканты петь да танцевать, я и озлился. Выпорол его, чтобы через спину из головы дурь выбить.

– А правда, что ты плясунов с певунами не просто прогнал, а перед тем посадил каждого на его ж инструмент?

– Правда. Барабанщику легче всего пришлось.

– Зато тому, кто в зурну (*духовой инструмент, дудка такая*) дудел, конечно, не повезло. Мягко говоря.

– Другим наука будет, а этот, по-моему, вообще к таким штукам привычен был. Ну что, Сеид-Али Имадеддин Насими, остаешься у меня? Полное довольствие, власть, полканцелярии в подчинении, отчитываться только передо мной станешь, ну, и деньги, само собой.

– Что ж, ты со мной был откровенен и милостив, позволь ответить тебе откровенностью, долг вернуть. Сложно мне будет. И голову на плаху положить не готов, если что вдруг тебе не по душе придется.

– Понимаю. Вольный ты человек, и волю на дворец поменять не желаешь? Не отвечай, и так вижу. Жаль, жаль. Разговор у нас получился, а вот работа совместная, видимо, нет.

– Гневить тебя у меня и в мыслях не было, а отказом оскорбить – тем более. Не моё это место и всё тут. Плохой из меня помощник тебе будет, никудышный.

– Знаю. «Насм» – это же ветер. А кто его на службу поставить сумеет, кроме Бога... Я просто надеялся. Ну... Тогда просто обещай мне, что отныне только на тюркү писать станешь. Не «и на тюркү», а чтобы только на тюркү. Не говорить тебя принуждаю, а чтобы стихами. На уровне. Чтобы было кого с паскудниками дудящими сравнивать да, мордой тыкая, в пример приводить, вот, мол, скоморохи, это – искусство, а вас за бараньи напевы да рифмы ваши кособокие – плетями из каждого города да пинками из каждой деревни гнать надо, чтобы не приучались люди ко вкусам да пошлостям площадным.

– Я не знаю. Я душе своей не хозяин. Как положит Бог на душу, так и пишу. И к языкам то же относится. Но понимаю, к чему ты клонишь.

– Я ни к чему не клоню, Насими. Просто призвать тебя хотел. За голову. Да еще потому... Потому что вижу, ненавидеть умеешь. Не спрашивай, откуда знаю. Вижу, и всё. А кто ненавидеть умеет, тому любить – пара пустяков.

– Или наоборот.

– Или наоборот. Ладно. Халата тебе не дам, обидишься еще, а вот деньги прими. Не упорствуй, они всегда пригодятся, тебе ж на одном месте долго не сидится. Когда в дорогу?

– Не знаю. Может, завтра. А может, дня два пробуду. Красивые у вас места.

– С тобой они еще краше стали бы, а так – не лъсти, не люблю, даже если это просто вежливость. Ладно, ступай, не задерживаю. Да пребудет с тобой милость Аллаха и в пути, и в минуты остановок. Я отдам распоряжение казначею, тебя найдут.

Удачи тебе, вольный человек. И перстень возьми. Носи, если нужным сочтешь. Если не сочтешь – тоже носи. В кармане. Простое серебро, и камень не рубин, не алмаз, так. Обычный, цвета черного. На память.

– Спасибо, Осман (*голову таки наклонил, но без раболепства, достойно*). И тебе удачи. Да помощи Аллаха в задуманном. Салам Алекум.

– Алекум Салам.

...на Востоке вообще каждый через одного обязательно философ, а если через всякого третьего считать начнешь, так обязательно в поэта упрешься. Всем остальным же за философствующих поэтов и рифмоплетствующих философов, понятное дело, отдуваться приходится, работы общественно-принудительные, налоги всякие, рытье каналов, плети при случае, подати регулярные, по ушам им и промеж им... ну, справедливости ради отмечу, что плети порой и пишушим, как доставались, так и доставаться продолжают (прогресс тем временем не стоит на месте, и оплеухи, порой, кино с мультфильмами и даже ролики снимающим доставаться начали), ну, а податей – так тех вообще избежать разве что самые увертливые в состоянии... без этого – никак, государство потому что... ухо остро!

...в те времена не считалось зазорным, если сильные мира сего (ну, если масштабом поменьше, то сильные вилайета, то есть области) рифмы слагающему деньжат подкинут или коня подарят... Это и сейчас особым позором не является, поэты – люди веселые, им, может быть, деньги больше, чем кому бы то ни было нужны... желаний и замыслов у них не меньше, чем у всех прочих, причем вместе взятых, а фантазии да ума уж точно будет поболее, чем, скажем, у главы цеха медников или главного конюшего... потому Насими и не ломался, а спокойно принял мешочек с деньгами у главного казначея, который, боясь гнева Османа, не послал с ним, с мешочком, помощника, а потрудился явиться сам, с поклоном да словами уважения, мол, как же, как же, знаем, вот, потрудитесь принять, как и было обещано. Как только казначей удалился (рассыпаясь в похвалах, с приличествующими моменту склонениями головы и прижиманиями ладоней ко лбу и сердцу), Насими немедленно мешочек развязал, обрадовался щедрости Османа (иногда фартит, что ж вы думали, удача не всегда только на стороне лавочников, порой и поэтам везет), и честно разделил полученные динары (это, если что, золотые) с Ходжой. Потому что не годится удачу от друзей прятать, Бог разгневается, а друзья обидятся. Фи, короче, в обоих случаях. Насими при жизни не раз повторял, что если человеком довольны друзья, то и Аллах, наверное, этим человеком доволен, ведь хорошие друзья – украшение мужчины, а других украшений ему не надо, разве что, посох по жизни. А разве не друзья при случае помогают на ногах устоять? Вот то-то же... дай, например, Бог здоровья одному майору министерства национальной безопасности. Это я не насчет Насими, так, припомнилось, потому что никогда не забуду... Так то Бог через людей в людях веру в Себя и в человека укрепляет, наверное... но вернемся к Насими и Ходже, которые в прекрасном расположении духа (так всегда случается, если вдруг денег прибавилось, не, ну не украли же) отужинали пловом (а плов в тех краях, скажу я вам – это нечто, что можно сравнить только с пловом моей мамы. Или тёти, тоже очень внушительное блюдо, и всегда можно добавку), после чего Насими погрузился в блаженную дрему, столь естественную после сытной еды, а Ходжа все цыкал зубом, пытаясь вызвать его на разговор, что, мол, и как там было, и как тебе, дорогой друг, дай тебе Боже здоровья, такой хороший мешочек достался. Насими спервоначалу клевал носом, на самом деле спать хотелось, а потом разговорился, рассказал. Покачал Ходжа головой, высказался, зря, мол, отказался, с царского стола до самой могилы сыт будешь, да и детям можно на сытость оставить, но потом усмехнулся, хлопнул Насими по плечу, то ли в знак одобрения, а то ли чтобы сонливость с него

согнать, и насчет женщин поинтересовался (полный живот всегда бабу зовет, не нами заведено, не нам и отменять), как, мол, тут с женщинами, может, знает чего да где:

– Интересно, а каковы тутошние женщины?

– Не знаю, но из разговоров в мейхане я так понял, что добродетельны, чернявы, невелики ростом, но после двадцати лет брака отличаются редкой сварливостью.

– Коротконогие женщины предпочтительнее, они более страстные.

– Ты потому так рассуждаешь, что у тебя длинноногих женщин не было.

– Слушай, Насими, давай поменяемся, а? Я буду стихи слагать, а ты над окружающими издеваться. Знаю, у тебя получится.

– Ты в плену предрассудков, Ходжа. Ты веришь, что коротконогие женщины страстнее длинноногих потому, что путь крови по телу короче, ты веришь, что ребенок, зачатый в положении «сзади», обязательно выйдет из чрева матери ногами вперед, что осложнит работу повитухи, ты на полном серьезе полагаешь, что если беременная женщина будет видеть только красивых людей, младенец родится красивым, ты уверен, что женщина может навсегда привязать к себе мужчину, подмешав в его питье своих месячных кровей.

– Заметь, все мои предрассудки связаны с женщинами.

– И младенцами тоже. Странно, правда? Седина в бороде, полсвета исходил, с мудрецами знаешься, а всё равно во всякую чушь веришь.

– Ну, далеко мне до просвещенных, лучше насмешником останусь. И ты присоединяйся, на случай, если с поэзией не завяжется.

– Завяжется. Всё обязательно завяжется.

– Да поможет нам в том Бог. Главное, чтобы не на шее завязывалось, выпутаться сложно.

...слои низшие (нет, не самые низшие, что в канавах копошатся да на мусорных свалках пропитание добывают, а начальники, из тех, что пожиже) всегда поведение вышестоящего начальства копируют. От отношения к тому или иному человеку до музыкальных пристрастий. О жестах я уже и не говорю. Нахмурится начальник – и они вослед, рассмеется – и они с повизгом подхихикивают, купит начальник товар в лавке – и они туда гурьбой устремляются. Правда, у нас, например, на день сегодняшний, с покупками в бутиках чуть иначе, подчиненные товар подешевле берут. По-другому никак, дисциплина, говорю, и субординация, потому что без субординации и до революции недалеко. А раз уж мы договорились насчет того, что начальство поменьше поведение начальства побольше копирует, и ни возражений, ни опровержений я не услышал, то расскажу-ка я вам следующее...

Толстый Абу Рагим (да, да, тот самый Абу Рагим, известный жадина и скупердяй, о нем чуть выше упомянуто было. Парой слов, правда, большего недостойн был, на тот момент, во всяком случае), занимавший должность... ну, не главы муниципалитета, если выражаться языком современным, то его, главы муниципалитета, заместителя, был человеком не только прижимистым, но и хитрым. Иначе на таком месте не удержаться, тут всех, в деле задействованных, кормить-поить нужно. Делиться, в смысле, по мере и совести. Короче, с умом подойдя, и сам всю жизнь сыт будешь, и детишкам кой-чего оставишь. А если прыток, вроде партийного функционера образца конца восьмидесятых – то и внуки по гроб жизни благодарно облизываться станут. Прослышал Абу Рагим о том, что Насими был зван ко двору Османа, сам толком в поэзии ни пса не понимая, носом, однако, почуял, в какую сторону ветер дует, и раз уж главный Насими уважил, то и ему, Абу Рагиму, Имадеддину уважение выказать тоже не повредит. Ну не проныра ли? Мудрый, говорю, и дальновидный донельзя. Нет, сам не пришел, слугу с мешочком (снова мешочек!) послал, но тут уже косяк, ты к муфлонам всяким слугу посылай, чтоб по уровню, а с Насими так не пойдет. Слугу...

Понимаю, сложно на твоей должности, да не оскотиниться, но всему, однако, должна быть мера... Так вот... пришел слуга, вежливый попался, поклонился, поздоровался (то ль объяснили, к кому и зачем, а то ли с подбором кадров у Абу Рагима был полный порядок). Ну, как бы там ни было, подошел вежливо, объяснил, кто, зачем, да от кого, и протянул Насими мешочек. Насими на приветствие ответил, не то, чтоб особо демократом был, нет, привычка такая, на «Салам» «Саламом» отвечать, на «спасибо» – «пожалуйста» говорить, а на удар – сразу пинаться пребольно. Но в мешочек сразу заглянул, время такое, сами понимаете, да и деньги нужны донельзя, так что же там такое лежит, и сколько там именно. Оказалось серебро. Дирхемы. Да не просто дирхемы, а постыдно, я бы даже сказал, непристойно малое количество. Короче, Меньше десятка. МЕНЬШЕ! Фу, короче. Имадеддин аж скривился, чуть было на пол не сплюнул было, но сильнее обиды поднялась в нем волна хитрости и язвительности, хитрость – чтобы собеседника на нужные слова вывести, а язвительность – чтобы ответить соответственно моменту, да так, чтобы потомки смеясь, повторяли:

– Спасибо, спасибо доброму человеку. Я оценил. По достоинству. Дарующего.

– Мой господин просит тебя, поэта рода благородного, принять этот скромный подарок в знак уважения и признательности.

– Да, я оценил. Скромность подношения в особенности. Его ведь зовут Абу Рагим, не так ли? И этот уважаемый человек известен не только тем, что занимает пост, своеобразный его редким душевным качествам, но и тем, что весьма и весьма экономен.

– Мой господин не хуже других. И если вам, человеку ученому, пришлось не по душе его подношение, в том воля ваша, можете раздать его нуждающимся или выбросить в сточную канаву.

– Ответ человека, безусловно, гордого и достойного. Ты хорошо служишь Абу Рагиму, хоть и скуп он безмерно, я ж вижу. Скажи мне, сколько здесь стоит погребальный саван?

– Три-четыре дирхема, уважаемый.

– Три-четыре дирхема. Ну, пусть будет пять дирхемов, чтоб из лучшей материи, соответственно положению и должности покойного. Так вот, верни эти деньги хозяину, а на словах передай, что он даже на своей смерти целых три дирхема заработать сможет. А если тебе за такую весть порка грозит или еще какая неприятность – так оставь этот мешочек себе, но расскажи о случившемся людям на улице. Или в кофейне вечером.

– Наверное, я последую вашему совету, уважаемый Имадеддин. Не рискну я с такими словами к Абу Рагиму обращаться.

– Ну, тогда пусть будут тебе эти деньги *халалом*. Иди с Богом.

– Спасибо. Вы щедрей моего хозяина, и да воздаст вам Аллах по сердцу вашему.

Слуга удалился, Насими с минуту посидел молча, потом зябко передернул плечами, мотнул головой, словно мысль дурную или ненужную отгоняя, и обратился к другу:

– Мне в мечеть надо, Ходжа. Посидеть, помолиться, подумать перед дорогой. Ты со мной или как?

– С тобой. Если молиться не стану, так у стенки посижу, о вечном подумаю.

– Да, конечно. Но сначала к цирюльнику, бороду подравнять да голову побрить, потом в баню, в хамам, очиститься перед молитвой.

– Отменно. Помоемся, острижемся, помолимся. Перед дорогой полагается быть чистым.

– Вообще полагается не только перед дорогой. По утрам, например. И уши почистить не мешало бы.

– И что бы я без твоих советов делал, ай-яй-яй.

– То-то, что ай-яй-яй. Не знаешь. Ладно, спим, завтра вставать рано.
– Да (уже засыпая, сквозь зевоту). Еще и на базар. За сушеными фруктами.
– От которых человеческому сердцу большая польза бывает. Но сначала, конечно, умыться, точнее, очиститься...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, С БАНЕЙ, ЦИРЮЛЬНЕЙ, ХРАМОМ, БАЗАРОМ И КАРАВАНОМ.
МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ – «ТУУЛАРЫМ» (ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ)
В ИСПОЛНЕНИИ ХАН АЛТАЯ (длительность – 4 минуты, двенадцать секунд).
МОЖЕТЕ, КСТАТИ, И В БОЖИЙ ХРАМ ПРИ СЛУЧАЕ СХОДИТЬ, ВРЕДА С ТОГО НЕТУ,
А ПОЛЗЫ, МОЖЕТ, СТОЛЬКО, СКОЛЬКО ВАМ НИ ВО СНЕ НЕ СНИЛОСЬ,
НИ В КОНЦЕ ГОДА ПРЕМИАЛЬНЫМИ НЕ ВЫПЛАЧИВАЛОСЬ...

...баня, товарищи, это вам не над умывальником склонившись, лицо тереть. Даже если с мылом. Баня дело серьезное, и относиться к ней (ну, или к походу в баню) надо соответственно. Как к ритуалу. Сытно не есть, много жидкости не потреблять, а вот после бани да массажа – самое лучшее дело живот набить, да чем-нибудь насытнее. Сначала помыться, потом лечь на горячий мрамор, глаза закрыть и, прогреваясь, нежиться. А как разомлеешь, станет тебя банщик специальной рукавицей, вроде молотка, тереть. Лучшие рукавицы из конского волоса плетутся, и он, волос конский, жесткостью своей аж верхний слой кожи снимает, грязь, говорю, пластами лезет, а ты кряхтишь, жмуришься, да с одного бока на другой переворачиваешься. Потом банщик, если он свое дело знает, тебя душистым мылом потрет, омоет в двух водах, маслом умастит и массаж делать начнет, да такой массаж, что каждую косточку, каждую жилочку пальцами продавит-прощупает, суставы растянет, мышцы разомнет, а в завершение заберется тебе на спину ногами, всем весом разомнет, после чего так, в полудреме, лежать оставит. Теперь и поесть можно, раз уж и телом чист, и духом спокоен... чего-нибудь такого вот, сытного, чтобы аж до следующего утра о еде не думать, суп густой, чтоб аж жир не продуть, или чего мясного, чтоб кусок мяса в палец толщиной минимум был, а потом кофе попросить, в маленьких чашечках, чтобы сытость вниз желудка продавить и дремоту прогнать... и еще чем баня хороша – что в ней, как в храме Божьем, так и в дороге, все равны, и нет там больших и малых, сильных и слабых, всё равно, что венценосная особа, что последний погонщик... Друзья, сытно перекусив просяным пловом с отлично прожаренным мясом, провели пару часов в атмосфере расслабляющего и дремотного равенства, после чего Насими напомним Ходже, что перед дорогой собирался помолиться, а такое дело откладывать не следует. Пошли, мол, нечего засиживаться, глаз закрывать не смей, в случае чего, выспаться и в дороге можно. До Коньи путь неблизкий, но порой случается так, что путь до Храма еще дальше, чем до другого города, где бы он ни находился... Торопитесь, Имадеддин с Ходжой, быстро, быстро, кому говорю, мало ли, что с мужчиной на выходе случиться может... пошли к мечети, Ходжа, я нынче наглый, выиграл, да в бане омылся, мне ли перед смертными шапку ломать да поклоны бить? Обойдутся. Да и прав он, в конце концов, ну кому, как не ему, ходить с гордо поднятой головой, и кому, как не ему, руки в бока упирать и через толпу, смело толкаясь, протискиваться, и кому, как не ему, ступать уверенно, но без высокомерия? Высокомерно нельзя, на базарной площади за такие дела и побить могут, люди там простые, претензий не имеющие, уверенности, поднятой головы да рук в бока и у самих с горкой, потому и высокомерия не любят... правильно, думаю, и делают... еще б терпения им к богатым и знатным поменьше – цены бы такому социуму не было, но куда там... Азия... только на поэтов и хватает запала, и то при случае, если где в одиночку поймают...

Короче, вырядился Насими, ай, вырядился, и халат, серебром расшитый, бирюзой отликает, и чалма новая, цвета пенек молочных, и обувка знатная, всем взял, всем, и ростом, и голосом, в бане и голову ему обрили, и бороду подравняли, огурчик,

короче, а всё равно глаза выдают, горят, горят глазища, то ли любовью к единственной, то ли к Богу Всевышнему, щеки впали, скулы вылезли, что, поэт, без неё не пишется, да, и все халаты с кошельками ненужными стали? Не собака, не привык в прыжке кости, что хозяин швыряет, ловить, гордый, обижаешься... Ну вот, раз вякал не по чину, так не гляди на сильных мира сего, как кот на собаку, потому что кот на собаку такими глазами только сидя на заборе глядит... оттуда способней и, опять же, безопаснее... и что с того, что на тебя из-за какой-то строчки (мало ли) ополчиться могут? Повода, повода давать не надо, и со строчками осторожней, как следствие... вот закричит осенний ветер, забьется пойманной птицей, застучит в оконный косяк незваным гостем, зальёт стекло злыми слезами отвергнутой женщины, а ты рассмеешься, улыбнешься неизвестно откуда налетевшей мысли, осень – она везде очень думать и грустить заставляет, что на Востоке, что в Краях Закатных... ты не тушуйся, зубов не сжимай, не ерзай, не дергайся, а как дойдет грусть-тоска до горла – сходи в храм Божий, мысли очисти, но прежде – тело в трех водах омой... оно зачтется, всё засчитывается, ничего без следа не проходит и в бездне не исчезает, не для того мир был создан, чтоб в нем хоть что-то без расчета прошло-миновало... сходи, сходи, на душе полегчает... клянусь Аллахом...

...подошел к мечети и, хоть пребывал в состоянии ритуальной чистоты после бани-хамاما, все равно совершил полагающееся омовение, после чего долго-долго молился, сидя лицом к кибле, а о чем – мы только догадываться можем. Может, просил Бога сделать его, Насими, лучше, очистить, не дать высокомерия и самодовольства пред лицом Его, может, просил вдохновения и обещал, получив оное, не гордиться и не зарываться, может, долголетия просил, а может, помощи в делах задуманных, о цене не задумываясь, может, удачи в дороге, а может быть, спокойствия и избавления от желания и необходимости странствовать, может, душу отмаливал, а может, тело, может, за себя, а может, за других, может, денег, а может, любви, может, сил в ненависти, а может, отрешения от сомнений. Тут ведь всякое может быть, и о чём смертный у Бога просил или просит – нам остается только домыслы строить. Душа человеческая глубже пропасти, но Бог наводит баланс милосердием своим, что глубиной любую бездну покроет и через любую пропасть перенесет... правда, с просьбами к Нему следует быть осторожным, не ровен час, исполнится-сбудется, завертишься, взвоешь – а поздно, сбылось, и деваться уже некуда, по просьбе человеческой, с разрешения Божьего... Сам виноват, и пенять как бы не на кого... думай, Имадеддин, думай... А пока Насими молился, Ходжа тихо сидел в углу, облокотившись об стену, изразцы и роспись на куполе разглядывая... Тоже размышлял, думается, хотя особо религиозным и не был. Так, от случая к случаю, или когда неприятность какая случится, к Богу взывал... Бытовó как-то веровал, по мере надобности, что ли. Но в храм порой заходил, заходил, врать не стану, то ли думалось ему там хорошо, то ли по другой какой причине. Насими молился несколько часов кряду, наболело, видать, счет потерял земным поклонам, наконец, отмолившись, тихонько поднялся и вышел из мечети. Ходжа поспешил за другом, но, почувствовав, что ему надо побыть наедине со своими мыслями, ни расспрашивать не стал, ни беспокоить, лишь тихо, вполголоса пожелал: «Да примет Всевышний Аллах твои молитвы». А поэт пусть помолчит, поразмыслит, им иногда нужно, чтобы их оставили в покое, хоть ненадолго. Чтоб дергать да донимать перестали. Самую малость хотя бы, вот от мечети до базара пройдем – болтай себе на здоровье, а пока не грузи. Не видишь, что ли, – думает человек, переживает что-то... Глядишь, и стихами обернется, и в историю войдет... хотя лучше всего пишется, если кто тебе в душу заглянет... Бог, например... ну, или женщина... тоже можно...

...и перед самым выходом из города решил Насими, что не годится удачу свою от людей подальше ныкать, раз уж от Бога ее все равно не спрячешь... потому и прошелся по десятку знакомых, выясняя, кто в славном Диярбекире самый честный и

порядочный молла, что и гроша медного не уворует. Трудов, конечно, стоило, такого ж не сразу найдешь, но стучащему отворяют, и люди практически единодушно отпустили Насими с Ходжой к старому молле, что жил в квартале Дилдже. Старик выслушал просьбу Насими раздать деньги наиболее в том нуждающимся, спокойно принял мешочек с монетами (нет, разумеется, часть денег друзья себе оставили, дорога всё-таки, жрать хочется, да и мало ли что в пути понадобится может) и просто спросил: а зовут-то вас как, мне знать надо, за кого молиться и чьи имена людям сказать, чтобы тоже Бога просили. Насими не ответил и быстро, чуть ли не бегом вышел из мечети, а Ходжа просто сказал: ну... за странников, отец, пусть за странников молятся, так надежнее будет...

...придя на базарную площадь, принялись искать караван, что пойдет в направлении Коньи, или напрямик в Конью, что еще лучше, разумеется, с людьми – оно всегда веселее. На самом базаре задерживаться не стали (сухих фруктов так и не прикупили, здраво рассудив, что караван, идущий из Диярбекира не может их с собой не захватить, ну не бывает так, а раз караван захватит, то, во-первых, и в пути наестся можно, а во-вторых, при надобности, прямо у купца прикупить можно), расспросили людей, и словоохотливый медник указал им на высокого сутулого караванщика, направлявшегося с группой торговцев в Конью. Переговоры не заняли много времени, стихи Насими уже распевало полгорода, а Ходжа парой прибауток сумел расположить к себе как купцов, так и главу каравана. Помогающий путнику заслужит благоволение и милость Аллаха, не вопрос, правоверные, конечно, довезем и денег не возьмем, присоединяйтесь, мы веселым и словоохотливым людям всегда рады, ведь стихи и смех жизнь продлевают, а дорогу укорачивают. Нам ни возле костра, ни на верблюде места не жалко, а кому верблюжья поступь не по душе – тот всегда может на ослика пересест, тоже надежно, отставшего дожидаются, медленного поторапливают, а упавшего поднимают. Ну, с Богом, торговое дело медлительности не любит, а потому – в путь, не мешкая...

...караваны редко ходят в темное время суток, с наступлением сумерек опытные караванщики начинают искать место, подходящее для ночной стоянки. То ли в темноте с пути сбиться боятся, то ли разбойников или какой другой нечисти опасаются, но скорее всего, коням, ослам и верблюдам просто надо отдохнуть. Да и людям не мешало бы, шуточное ли дело, день пути, с самого рассвета, да под солнцем, а то и дождем или ветром. Снег в тех краях тоже не редкость, но сезон был не тот, начало лета, сами понимаете. Так вот, о стоянке караванной. Остановятся, протянут шерстяную нить по периметру, чтобы змеи да скорпионы с фалангами беседе да сну не мешали, разожгут костер и усядутся в кружок. Поужинать, а после день прошедший обсудить да завтрашний обдумать. Ну, и пообщаться, конечно. Огонь – он вообще к неспешным разговорам располагает, в особенности на сытый желудок. Не спалось душной ночью людям странствующим и народу торговому, всё сидели у огня, беседовали да комаров отгоняли. Кто порой по шее себя хлопнет, чтоб от кровососущих избавиться, а кто по лысине, смотря, конечно, куда комар пристроился. Смотрели на огонь, слушали и вслушивались, внимали и вдумывались, делились, короче, историями, притчами, былями и небылицами. Вряд ли кто в этом деле (возле костра сидеть, да языком чесать) мог бы сравниться с Ходжой, вот и рассказал он следующее, а что это было, быть или вымысел – судите сами.

«Сказывали мне об одном шахе, что правил где-то далеко-далеко на Востоке. Давно это было, так давно, что теперь и не вспомнишь. Владыка тот был жесток, своенравен, и вскорости, за отсутствием сопротивления, заимел скверную привычку, которая, как он надеялся, приведет его ко вселенской славе, а именно: рубить голову каждому, кто осмелится вызвать его, владыки, малейшее недовольство, ну, или даже если просто попадет на дороге. Просчитать, на что именно разгневаются владыка,

– дело сложное, а потому жители благоразумно старались не попадаться ему на глаза, и когда его величество выходило на прогулку – город пустел. Торговцы бросали лавки, гончары круги, кузнецы кузни, да что там люд торговый и ремесленный, самые обездоленные, носильщики, что за медную монетку весь день бегать и крутиться согласны, и те, крюки побросав, бежали быстрее нищих, которым вообще терять было нечего. Привычка шаха спервоначалу вызвала в стране массу недовольных, но они быстро замолчали, потому что голов у них вскорости не стало, а те, кто головы сохранил, были тем фактом весьма довольны, и за того шаха разве что Бога не молили (нет, иногда, конечно, мелькала подленькая и эгоистичная мысль, что головы подданных сидят у них на плечах вовсе не для удовольствия его величества, а для их, подданных, персонального пользования, но благочестивые и законопослушные жители гнали эту мысль от себя, как преступную и неуважительную). Но есть Аллах Всевышний, который выше всех величеств, бывших, нынешних и будущих вместе взятых, а потому всё когда-нибудь кончается, даже самые страшные истории, вот и эта закончилась, когда один из многочисленных зятьев его величества отрубил ему, помазаннику, голову. Чтобы самому величеством стать. Получилось. А чем развлекается нынешний венценосец, я не знаю, а если бы даже и знал – ни за что б не сказал, потому что нынешний всё еще царствует, а мне, знаете ли, очень нравится, как моя голова на плечах сидит. Как-то ловко у неё получается, уважаемые, сразу видно, что вещь на своем месте находится». Ходжа закончил, но слушатели поостереглись смеяться громко и вслух, мало ли, кто ухмылку в бороде прятал, а кто одними уголками губ улыбался. Стрёмно все-таки, хоть от городов далеко, а всё одно – против власти. Долго, правда, смех сдерживать не получилось, черт с ними, с властями, они в городах да селах, а тут, в степи, одна власть – Божья, а потому хвост им шайтанов в самую глотку, только тут они нам смеяться не запрещали. После Насреддиновой истории разговор много быстрее пошел, да и веселее как-то, никто уже ни в выражениях не стеснялся, ни смеха не скрывал. В степи на день пути вокруг – все свои. Наверное... Потому и рассказано было многое, погонщик, например, поведал что-то о женщинах, торговец шелком – о том, как хитрый ученик медресе проучил купца, обвешивавшего покупателей, другой купец, который вез груз сушеных фруктов (да-да, тех самых, от которых сердцу большая польза бывает), прошелся насчет неправедных судей и невежественных мулл, самих не разумеющих, о чем в мечети говорят, а когда подошла очередь Насими, он поведал собравшимся следующее...

Говорят, жил в одном селении человек, изнасиловавший собственную мать, совершил, нелюдь, мерзость неслыханную. Сначала отец его сам убить хотел за грех и бесчестье, брюхо там вспороть, ну, или задушить своими руками, но потом передумал, связал накрепко и отвел нечестивца к кадию, чтобы все по закону было. Кадий внимательно выслушал историю, сделал испуганные глаза и сказал старику, чтобы тот оставил сына у него, а он тем временем придумает наказание, соответствующее преступлению: «Я в кадиях не первый год, и многим государям служил, но такого негодяя встречаю впервые, что мне вообще с ним делать – ума не приложу. Ты ступай домой, старик, а я тем временем со знающими людьми посоветуюсь, письмо кое-кому напишу, потому как в моих книгах и записях насчет такого случая ни слова не сказано», – говоря это, кадий топал ногой, гневно вращал глазами, взывал к Господу и грозно топорщил усы. Старик, видя такой поворот дела, окончательно уверился в том, что сына-мерзавца постигнет заслуженное и мучительное наказание, и с почти спокойной душой отправился домой (хотя, конечно, какое тут спокойствие, упаси Аллах, так, к слову пришлось). И каково же было его удивление и негодование, когда он узнал, что его сына... сына его назначили помощником кадия с прямой перспективой занять место старого судьи после его смерти. Старик чуть с ума было не сошел от такой новости, считай, все сбережения на взятки спустил и не одну пару чарыков истрепал, пока до самого до главы вилайета, области, то есть, не добрался. Добился-

таки, дошел, упрямец, да так и вошел в залу, в рваной обуви, а войдя, прям с порога, этикетом пренебрегая, спросил у большого-пребольшого начальника, в чем, собственно, дело, что тут происходит, и не сошел ли кто, чего доброго, с ума в канцелярии, из тех, кто приказы пишет. А может быть, чиновники просто перепутали, и это тезка его проклятого сына стал заместителем кадия, ведь не может такого быть, чтобы пресветлый шах, тень Господа на земле, такого нечестивца к себе приблизил и над подданными своими власть дал. И усмехнулся начальник, оглядел старика с ног до головы и, скидку на простоватость да серость дела, объяснил политику государственную: не гневи сильных, не рассуждай опрометчиво, раз назначено тебе судьбой землю ковырять – не забивай голову делами вышними. Но из уважения к сединам твоим – объясню. Если твой сын со своей матерью такое сотворил, то гляди, чего он с другими матерями сделает. А такие люди при любом шахе и всяком государстве – на вес золота, всегда понадобятся, потому как редкость большая (интересно, мне кажется, что в наше время таких людей даже избыток, столь велика среди них конкуренция). Всё, старик, иди с Богом отсюда, я тебе свое слово сказал, а будешь упорствовать – так у нас для мелких надобностей молодцов, вроде твоего сына, – с полдворца, и если сам спокойно не уйдешь, кликну – вынесут, и с сединами не считаются, это я так, к слову ввернул, что они в краях здешних редкость большая, сказано же – нам для мелких надобностей вполне хватает, и налоги собирать, и суд править. Иди, иди, старик, не мешай нам делами государственными заниматься...

на несколько дней пути вокруг были только свои, но несмотря на то, что вокруг были только свои, никто, опасаясь последствий, так и не рискнул рассмеяться... разве что один Ходжа в бороду ухмыльнулся... только Ходжа... молчание, что несколько затянулось, нарушил глава каравана, предложив ложиться спать, сетуя на то, что путь еще неблизкий, а потому проснуться следует пораньше. Никто ему возражать не стал, договорились, что погонщики будут сменять друг друга возле костра до самого рассвета... чтобы не погас, да и вообще, осмотрительность в пути – дело важное, дело первейшее... спокойной вам ночи, правоверные... которые молящиеся – о молитве не забывают...

...спалось Имадеддину в ту ночь беспокойно, наверное, дорога сказала или напряжение нервное. Снилось ему в ту ночь многое: кто-то шептал стихи на древних, совершенно забытых языках, чье звучание напоминало шорох сухой травы под шагами женщины, снился ветер, несущий всежигающий зной и вдохновение, что иссушает душу, снились ковыльные степи, где человеку некуда и незачем спешить, снилась незатейливая мелодия, слова на которую ложились сами собой и как-то сразу, без напряжения и размышлений, складывались в рифму, много чего в ту ночь снилось, женщины, вынимающие человеческую печень для гадания и отвратительной тризны, видел сперва незасеянное, а затем несжатое поле, бесплодные сады и неубранный виноград, потом увидел самого себя, как бы со стороны, лежащего на земле в неестественной позе, с бисеринками пота, выступившего на лбу, видел людей, сидящих в зеркалах и хватающих каждого, кто подойдет к ним на расстояние вытянутой руки, снились люди, что копали могилу, а на вопрос, для кого стараетесь, правоверные, ответили: для тебя, Насими, для тебя стараемся, мало осталось, сейчас закончим, а ты ложись, не мешкая... жутковатый сон получился, другого б враз подбросило бы, а Насими проснулся не сразу, нет, не сразу проснулся, повернулся немного, дурные сны отгоняя, такого сразу не сжуешь, не напугаешь, а если даже и напугаешь – стихами вывернется, вот и получится, что не зря боялся, раз стихи получились, не зря, не зря, что бы там ни было – всё равно не зря, раз стихи получились... любой сон, любой кошмар и любая боль того стоят... у тебя тоже получится, Насими, у тебя многое до сих пор получалось и нет никаких оснований полагать, что не получится в этот раз... говорят, что эти стихи он написал по дороге из Диярбекира в Конюю... и очень может быть, что сразу после пробуждения...

*Пред сладостью твоих невиданных красот
Несладким сахар стал, горчит сладчайший мед.
Красивую, тебя с богоподобным ликом
Над племенем людей Аллах да вознесет.
Слова твои – вино или вода живая,
Мне б должно их воспеть, да слово
Не идет...*

...стоял парень возле девушки, держал её за руку, шептал ей слова нежные, таять и млеть заставляющие, и спросила она у него, станет ли он обижать её, на что тот ответил: «конечно же нет, милая», а про себя подумал: «это уж как водится», после чего сам спросил у неё, станет ли она с ним стервозничать, на что та тихо ответила: «конечно же нет», а сама подумала: «уж это как получится»... хотя и униЗИтельно получается, если у тебя встал, а у ней даже не намокло... но знал, знал Насими о чем пишет да что описывает, с кого рисует, да что срисовывает, знал и чувствовал, а прочувствовав да через себя пропустив – делился по-честному, ни от кого ничего, ни единой мысли, ни единого слова не утаивая. И было то слово всем понятное, но не всем доступное, каждому слышное, но не всем слышимое... а что в чайхане да на площадях читается, то и во дворце рано или поздно гулом отзовется... но лучше бы, конечно, не отзывалось ни в каком дворце никаким гулом... так, на всякий случай... целее был бы, зуб даю... но как бы Насими не рассуждал – в одном он был прав, когда о любви писал: ради нее мы совершаем массу глупостей... или, наоборот... то, что мы ничего ради нее не делаем, и есть величайшая глупость...

*Тот праведнее всех, средь смертных всех умнее,
Кто Истину найти в своей любви хотел.
Но в рай не попадет и не поймет Корана
Тот, кто в огне любви ни разу не горел...
Один пошел в кабаk, другой сидел в мечети,
Как знать, кто более из них
Аллаху порадел...*

Получилось, получилось же, клянусь Аллахом, да так получилось, что людям показать не стыдно... ни на Востоке, ни в целом мире... краснеть не придется, а потому – пиши дальше, что бы там тебе по ночам не снилось... ты и темноту видел, и к свету привычен... пиши, всё у тебя получится... Это, наверное, вообще не стихи, вовсе не сочетания рифмованных, пусть даже выстраданных слов, не ладные звуки, сложенные вместе, не гармония строчек и не самолюбование, меж ними брызжущее, это, наверное, сама Любовь, что из грудины наружу вырвалась... была только твоей, а многих содрогнуться и поёжиться заставила, потому как всех слушавших словно свинцом расплавленным обрызгала... ну, это порой только на пользу...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, КОНИЙСКАЯ, ЧТО ПОВЕСТВУЕТ ОБ ОСКОРБЛЕНИЯХ,
ЧУВСТВЕ ЮМОРА, ОБОРОТКАХ, ОЧЕРЕДНОМ СБОРИЩЕ ПОЭТОВ,
ОБ УЛИЧНЫХ МАЛЬЧИШКАХ, КАК ПРЕДВЕСТНИКАХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ, НАРЯДУ С МАЛЕНЬКИМ ТАКИМ ЭКСКУРСОМ В ИСТОРИЮ
ОДНОГО ВОССТАНИЯ. РЕКОМЕНДУЕМОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ –
«ПЕСНЯ О ЛЮДЯХ ГЕРОИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ», ДДТ
(длительность четыре минуты семнадцать секунд).

...караван вошел в Конью через Восточные ворота. А сама она, Конья, на земле без малого четыре тысячи лет стоит, еще при хеттах Куванной звалась, и в Деяниях

Апостолов упоминается (тогда она называлась Икониум). Так что не провинция это вовсе и не дыра заштатная. Не стал бы сам Омар Хайям в захолустье жить (было дело, гугль в помощь), а Джалаладдин Руми в зачуханном селении б жизнь не закончил. И еще, на заметку, именно в Конье находится могила Платона... Сами понимаете, что при таком раскладе, с Руми, Хайямом и Платоном, нет никаких причин полагать, что этот город не простоит до самого конца света.

Друзья поблагодарили главу каравана и своих добрых спутников и решили сначала город осмотреть, а потом уж и о ночлеге подумать. Погуляли по широким (реально, не шучу, не в пример прочим восточным городам, никакой скученности) улицам (кому ж не лестно пройтись по улицам, по которым сам Руми ходил), почтили вниманием цеха мастеров золотых дел (где перестук молоточков навел Насими на пару мыслей насчет ритма стихосложения), благо, деньги были, не купим, но и нищими себя, монетами позвякивая, перед мастерами не покажем, подивились искусству людей умелых, языками поцокали, попили холодной воды со льдом жаркого дня ради, ну, много исходили, аж ноги стерлись, и не диво, столько мест интересных обойти, памятуя же о гостеприимстве, о ночлеге особо не задумывались, куда постучимся, мол, там и примут. До заката ходили, аж животы подвело, вот и ткнулись в первую попавшуюся дверь. Постучали, деликатно так, вежливо, впустите, мол. Двери не открылась, но хозяин дома из-за так и не распахнувшихся ворот громко так, по-хозяйски, спросил, кто, мол, и чего надобно. Ходжа аж взвился, сказала долгая дорога:

– Знаешь, уважаемый, в наших краях принято гостя в дом приглашать.

– А в наших краях принято, чтобы гость для начала представился, кто, куда да зачем. А если кому обычай здешний не по душе приходится – так на базарной площади караван-сарай стоит.

– Не преминем воспользоваться твоим советом, о, гостеприимнейший.

– С Богом, правоверные.

Наши герои, демонстрируя высшую степень неудовольствия и презрения аж наземь сплюнули от возмущения, не по-людски как-то, путники же, кровя предоставить не хочешь, так хоть воспитание покажи, раствори ворота, сошлись на больных домочадцев, жена, мол, заболела или детишки, извинись и дорогу рукой покажи, а так... нехорошо... очень нехорошо... фу, тьфу, а не хозяин дома... но в пути, даже на Востоке, всякое случается, иллюзий не питайте, это смотря на кого нарвешься, кто накормит, а кто откажет, который пригласит, а который к ближайшей гостинице дорогу укажет, кто стол раскинет и последним поделится, а кто скрысит, ну, да Бог им судья, и поделившемуся, и кусок хлеба при наличии двух или трех зажавшему, а Насими с Ходжой, хочешь не хочешь, пошли постоянный двор искать. Ну, караван-сарай, в смысле... головами покачали, конечно, с укоризной, ай-яй-яй, мол, но в рамках, возмутились про себя, но, виду не подав, без ругани дальше пошли... спрос до Багдада доведет, а не то что до Киева, вот и набрали на странноприимный дом, не пять звездочек, конечно, но жить можно. Постель чистая, еда сытная, на стенах следов клопов давленных – всего ничего, чего ж еще путник пожелать может? Правильно, с дороги да еды очень бабы хочется, по себе знаю, а уж я ли не шлялся по молодости лет? Да и знаю я этих поэтов, соберутся, сядут в кружок, выжрут по пол-литра в одно рыло, разругаются смертельно, а потом придут домой, две строчки напишут, и разве только, как тот медведь, на корточки не присядут, поощрения ждать...

...ученые уверяют, что любовь есть всего лишь биохимическая реакция, не больше и не меньше, ну, как если б от души шоколаду наестся... не верю... будь всё дело в шоколаде, ходили б все вокруг толстые и влюбленные, во вдохновении нужда отпала бы, а поэты все с голодухи да дурного характера в участковые бы подались... врут книжники, фарисействуют, вы им, главное, не верьте...

– Не знаю, что ты делать собираешься, а у меня больше месяца женщины не было. Э, Имадеддин, ты со мной или не слышишь, о своем думаешь и слышать не хочешь?

– Еще бы, шайтан всегда найдет для бездельника занятие. Куда идти, уже знаешь?

– Да это дело недолгое, пройду пару кварталов, да у первого встречного и выясню.

– Конечно. А он окажется истово верующим, добропорядочным семьянином, врагом разврата, и засветит тебе под глаз за то, что ты осмелился предположить, что в его квартале блудницы проживают. А так как разговор будет происходить не на твоей улице, иначе с чего бы ты у людей насчет блудниц расспрашивал бы, сразу понабегут его друзья и знакомые, тоже истово верующие, и разукрасят тебя во славу Аллаха по грехам твоим.

– Вот верно говорят, привяжи двух коней рядом, они, если одного цвета не станут, то повадками точно отличаться перестанут.

– Дело за малым, осталось тебе в стихотворцы податься. Чтобы пословицу оправдать.

– Ей, пословице, и без меня оправданий да доказательств хватает. Ну что, пошли?

– Нет, Ходжа. Я к проституткам не люблю ходить.

– Это почему? Брезгуешь? Там девочки чистенькие, ухоженные, где надо, побрито, где нужно – подпилено, подкрашено и надушено.

– Да не в брезгливости дело... Просто... я очень быстро кончаю, когда за деньги... – сказал, как отрезал, тоном, ставящим точку и делающим совершенно бесполезными любые аргументы, возражения и увещевания... хоть аркан накидывай и тащи – нипочем не пойдет...

Насими отказался, а Ходжа куда-то ушел и вернулся в караван-сарай только под утро... а как именно, где, да с которой из дев он время провел, что и на какой кошке именно у них было – сами дорисовывайте, а я вам для этого целый набор аксессуаров оставляю, как-то: кальян, резные витражи, мягчайшие подушки, что сплюснуты сверху, пушистый ковер на полу, арабская вязь на стенах, восточная утонченность, аромат благовоний, дым сандалового дерева, нарды, шербет, рахат-лукум, розовая вода для омовений, звон мониста, высушенные травы от сглаза, мужского бессилия и женской холодности, чеканные вазы и кувшины с изящно изогнутым носиком, кинжалы дамасской стали на стенах... вот, думаю, пора остановиться, хватит с вас пошловатой экзотики с загогулинами, лично меня от неё с души воротит... включайте воображение, шугайте в гуглях и представляйте, что да как у Ходжи там с девками было, на тахте ли, на ковре, или вообще, к стене прислонясь... почему вдвоем к девкам не пошли, спрашиваете... не знаю... может, Насими просто на другую залезать не хотел, всё о той, которой с ним не было, думал... такое тоже случается... напасть, говорю, сглаз, морок, приворот... (если ты переспал с женщиной под звуки «Оды радости», это не означает, что ты трахнул Евросоюз, это означает, что ты всего-навсего переспал с женщиной... правда, под «Оду Радости». Это так, подумалось просто).

...Насреддин вернулся только под утро, улегся на тахту с видом довольного кота, разве что мурлыкать не стал, кряхтел, ворочался с боку на бок, шмыгал носом и потягивался, пока производимый им шум не разбудил Имадеддина:

– Ну что ты за человек такой беспокойный, дай поспать, не шуми, а?

– Да я не шумлю, так, потягиваюсь.

– А потише кряхтеть и ворочаться не пробовал?

– Здорóво ты, Насими, ухватками моего ныне покойного двоюродного дядю напоминаешь. Сварливостью и занудством в особенности.

– Я уверен, что твой двоюродный дядя, да смилуется над ним Аллах в День Воскресения, был достойным человеком.

– Еще бы, чего-чего, а достоинства ему было не занимать. У него в общей сложности восемь жен было. Ну, не одновременно, понятно, кто ж столько сплетен да криков выдержит. С которой из жен развелся, а которых так пережил. Вообще, человек был очень солидный. Но я это к тому, что ты характером вроде него, даром, что тот ни читать, ни писать не умел, а вы совершенно не родственники.

– Зато ты весь в него, на правах родственника. Грамотностью, в смысле.

– Это ты зря, я хоть, как некоторые, стихов не слагаю, но и читать, и писать умею.

– Да знаю, знаю, это я так, шутя огрызаюсь. На подначки твои. Сам виноват, первый начал.

– Так я ж еще не закончил. Ни про дядю, ни подначивать. Так вот, про дядю я уже высказался, а теперь слушай, что мне девушки рассказали.

– Воображаю. Сказали, что видели и побольше?

– Плюнуть бы тебе в бороду.

– Не долетит, не старайся.

– Так ты слушаешь или спать будешь?

– Слушаю, слушаю, только покороче давай.

– Так вот, разговорился я о поэзии с девушкой.

– Ну да. Лучше ни места, ни собеседницы не нашел, самое оно, прибежище изящного искусства.

– Не скажи, они не просто... и музыкой слух усладить способны, и беседой гостя развлечь.

– И мнение о стихах высказать, я так понимаю?

– Верно понимаешь, все именно так и было.

– Живенько представляю. Хоть халат запахнул, об искусстве разговаривая?

– Наоборот, на зависть и обзрение пояс с себя стащил, и с нее постарался.

– Силен, нечего сказать, опора культуры. И до чего договорились? Может, какие новые методы стихосложения или рифмы узнал? Поделись, а не то я уже сам туда сходить порываюсь. Интересно очень...

– Хочешь, сходи, а не хочешь, так сиди и слушай, те двери для всех открыты, с того и прибыли имеют.

– Имеют, имеют, кто бы сомневался. Так что там дальше было?

– Так вот. Повела мне девушка, что тут, в Конье, каждый год состязание поэтов проводится. Чуть ли не из самого Герата пишущие в Конюю сходятся, а в этом году быть состязанию через два дня. Попробуешь силы?

– Новое не написано, а со старым выходить как-то не хочется.

– Ну, у тебя же целых два дня есть.

– Да, что верно, то верно. Целых два дня. Ладно, я спать хочу, не иначе, как до полудня, меня не буди.

– А потом?

– Потом растолкай. Вежливо, без подзатыльников. Проснусь – подумаю. Два дня, два дня (*бормочет, засыпая*).

...сказал и заснул, благо, Ходжа замолчал, как выговорился... И мы мешать не станем, расходитесь, товарищи, не видите, что ли, спит человек, умаялся, поэтам, как никому другому, покой нужен, не толпитесь, граждане, не на выставке с фуршетом, халявных сэндвичей не ожидается, дайте ж вы поспать человеку...

...вроде б уже в сон провалился, но вдруг перехватило дыхание и защемило прям посередине грудной клетки, да так защемило, что Насими был вынужден рукой о стену опереться, чтоб не провалиться куда или чтоб просто легче стало, отпустило, то есть. Закусил губу, сжал другую руку в кулак, аж костяшки побелели, но не застонал, стерпел, только испарина на лбу мелкими бусинками выступила. Болело, сильно болело, словно какой-то неведомый, маленький, но очень злобный зверь начал грызть его изнутри, проедая себе путь наружу. Зверь не щадил ни ребер, ни сердца, грыз на совесть, и казалось, вот-вот уже выберется наружу, разорвав грудную клетку в клочки.

«Странное было место, страшное было место, завораживающее, манящее, отталкивающее, мороком крытое, ароматом напитанное, не зря, не зря Азербайджаном зовут, Азербайджан, Азерб-бай-джан, А-з-е-р-б-а-й-д-ж-а-н, «а» на «о» и «е» на «о», а оттуда и до «а» с «и» недалеко, так буква прыгает, так она переходит, так буква меняется и так перескакивает, буква меняется и буква меняет, буква говорит, она же шепчет, а прошептав, определяет: Азербайджан – Озорбийжон, Озорбийжон – Азербайджан, сам же тот «Озор-бийджон» в переводе с фарси – «гиблое место» означает... это если кому интересно, разумеется... а для думающего и без всякого, наверное, хуруфизма всё и без того понятно и достаточно... буквы могут и не прыгать, отбой, никаких больше скачек... Озор-биджон... – Гиблое место...

...и всякий, на той земле воды испивший или преломивший хлеба, Всевышним благословенного – может и проклятым стать... всякого же вернувшегося оттуда – сторонись его, сын человеческий, в Бога верующий, сторонись... дыханием, дыханием отравит, взглядом опоит, растлит, наизнанку вывернет, ножами азиатскими, глазами до европейской сытости жадными, запахом розы, той розы, что не взирая ни на что, как в цветнике, так и возле канавы произрасти способна...

О-зор-бий-джон, А-зер-бай-джан, А-зер-бай-джан, О-зор-бий-джон» – пробормотал и затих... заснул... снова заснул... потому что так надо и потому что надо именно так... не дергайте, ему нужно... ему на самом деле нужно... сейчас он придет в себя, мало осталось, вот выгнется в последний раз и на полчаса в небытие провалится. А как проснется, попьет воды, утрется и напишет. Ой, напишет... Берегите его, люди... Ведь второго такого нигде больше не будет, Восток осиротеет, и Запад жалеть станет...

*Мир чуден, но слепым откуда это знать?
Мир красочен, но им откуда это знать?
Покуда ты живешь, считай, что мир прекрасен,
Поскольку неживым откуда это знать?
День Страшного Суда и вправду будет страшен,
Мы темны, нам, таким, откуда это знать?
У грешника спроси, страшны ли муки ада,
Блаженным и святым откуда это знать?*

Ходже написанное понравилось, а Насими долго бился со второй строчкой, пытаясь то ли изменить, то ли улучшить, Хожда и так ему втолковывал, и эдак, мол, успокойся, лучшее – враг хорошего, я, мол, не к тому, что «и так сойдет», а ведь хорошо написано, что калам грызешь, к новому переходи. Уговорил-таки. Ничего Насими в этом стихотворении менять не стал, прислушался к другу, мнение со стороны всегда ценно, если его за основной ориентир не брать, а продолжать делать то, что считаешь нужным, изредка корректируя... легонько так, за чужим мнением, пусть даже и очень близким, и конъюнктурой не гоняясь...

*От «я» откажись, преврати свое сердце в руину,
Тогда и сокровища мира в восторге узри.
Глазами души посмотри на источник Вселенной –
Там нет ничего, кроме Бога,
Его краем глаза узри.
Коль сможешь лик Божий узреть,
Отыщи тождество ты,
Божественной сути святые истоки узри.*

...по-моему, очень даже. Многие пробовали, но не у всех получалось, многие старались, да не хватило умения, которые шли, да дойти было дано не каждому, кто исписался, кто скурвился, а кто по дороге отстал. Дорога ведь эта не рафинадом облицована, не марципанами выложена, на ней все больше камни да колючки, босиком не пройдешь, вприпрыжку не минувешь... и шел Насими по дороге той, как ходилось (в чалме цвета молока с сахарным песком), и писал Насими, как писалось, и ни один редактор ему отродясь не говорил, ерунду, мол, политически вредную и несвоевременную написали. Кому не нравилось – свободен был уши заткнуть или вообще отвернуться, до поры, до времени... до поры, говорю, до времени, свободой пользовался... Время шло больно веселое, весь Восток грозил огнем заняться, снимались с места целые народы, рвались в куски границы, валились династии, весело было, сегодня камни таскал или в лавке торговал, а завтра тебя волной во дворец закинет, а спадет волна – пожалуй на плаху, с неделю назад сотней командовал, а теперь целая армия в подчинении, но если не заплатить ей вовремя – тебя же первым в куски рвать станут... веселое время, новые страны, новые принципы... а теперь небольшой экскурс в историю, который, глядишь, и объяснит, почему без малого все государи, судьи и оптовые купцы в той части света, в то далекое время на простой народ с опаской поглядывали... на глазах удивленного мира в слезах и крови рождались новые принципы... ах, не получилось тогда, не получилось... время не пришло, наверное...

...окровавленной занозой сидел страх в сердцах богатых и знатных с тех самых пор, как погулял по малоазиатской земле от тогда еще Константинополя чуть ли не до самого Багдада шейх Бедреддин Симави с ребятами... гулял, понятное дело, с размахом, иначе страха бы не посеял... восстание, конечно, разогнали, самого Бедреддина, в горы загнав, повесили, но даже спустя несколько лет зрочки крестьян нет-нет да и полыхнут измирским заревом, скрипнет песок на стиснутых зубах, заиграют желваки, и сорвется злое слово с губ ремесленника... и снова окрашивается рассветное небо цветом страха власть имущих, цветом гнева и крови, цветом ярости и стыда, и для живущих чужим трудом да трудами несправедливыми цвет этот был страшней надвигающейся ночи... только срок дайте – всех повырежем, когда времена подойдут да воды нахлынут, не дай вам Боже, чтобы нога подсеклась, затопчем ведь, отольется, отольются вам слезами кровавыми золото нашего пота да стиснутое дыхание, поскользнетесь еще на выхарканном в каменоломнях, обожжетесь разожженным в кузницах, вляпаетесь еще, обязательно вляпаетесь в замешанное на гончарном кругу, раз за душой ничего и на душе пустота, так мы душу из вас обязательно вынем... и шла волна по всему Востоку, что у Бедреддиновых ребят всё общее, кроме женщин, из одного котла едят и людям всех вер рады, захотел помолиться – отошел в сторонку и молишь, как веруешь, как умеешь... и стекались к ним со всех сторон замордованные да налогами задавленные, за неурожай поротые, за недород битые, за пролитое наказанные – и греки, и турки, и евреи, и курды, и арабы, все одним матом крытые, тем же дождем моченые, тем хлебом насыщаемые, теми же словами утешаемые. Бежали к нему и отставные солдаты, чьи глаза, единожды кровь увидав, остановиться были не в силах, шли тайным тропами горцы, которых не раз пытались привести к покорности, разоряя родные деревни, бежали крестьяне, битые-поротые,

полузадушенные налогами, пробирались в ночи ремесленники, привыкшие видеть в полумраке мастерских, разношерстный люд сходилась, спорить не буду, но всем и каждому до хрипа хотелось свободы... и в муках, в крови, в зареве пожаров рождались новые принципы человеческого общежития: раз мы прекрасно обходимся без власть предержащих и промеж себя сами договориться способны, то налоги нам платить незачем. Костяк движения составляли люди из «ахи», цеховых братств («ахи» и есть «брат» в переводе). Умелые, выносливые, спаянные достаточной для восточного разгильдяйства дисциплиной, они обучали новоприбывших нехитрому уставу: каждый из нас – твой брат. Каждая из нас – твоя сестра. У тебя нет ничего, что принадлежало бы безраздельно тебе, кроме ложки, тарелки и женщины, что твоя только по её согласию. Всё остальное твои братья могут взять на время, не спрашивая на то твоего разрешения. Ты тоже можешь пользоваться их вещами в любое необходимое тебе время. Но учтивость приветствуется, а споры и недоразумения решаются умудренными опытом мюридами (верными учениками, из тех, кто поопытней). Если ты недоволен решением, вынесенным ими, ты можешь его обжаловать у самого Бедреддина, если он не в отъезде. Прimitив? Безусловно. Коммунизм? Однозначно. Но сделайте скидку на пятнадцатый век, ведь еще нет анабаптистов, еще не слышен голос Мюнцера, нет Бебеля, еще не родился Маркс, еще не появился организованный, и вообще, пролетариат, но уже разогнаны «чомпи» (*восстание во Флоренции и других городах Италии в 1378 г., руководящую роль в котором играли чесальщики шерсти «чомпи»*), уже вонзен кинжал в шею Уота Тайлера, уже короновали раскаленным железным обручем Гильома Каля, так, именно так и никак иначе идет борьба за более справедливое социальное устройство, именно так и получают, а точнее, вырывают с мясом право на хлеб, голос и справедливый суд, а потому – не смейтесь над их наивностью, грех это перед Богом и вашими предками... Движение Бедреддина Симави расползется до территории современной Болгарии, а самого Бедреддина схватят и казнят в ныне греческом городе Сера то ли в декабре 1416-го, то ли в декабре 1417-го, а в летописи «Шараф-намэ» (Книга Славы) вообще говорится о 1420-м... Но я возьму за точку отсчета именно декабрь 1417-го, чтобы сумбура да путаницы в рассказе не было, а вы уж сделайте такую милость, и поверьте мне на слово... Смерть вождя не всегда означает смерть движения, разрозненные отряды повстанцев, верных уставу Бедреддина, беспокоили всех раззолоченных еще лет, наверное, десять, пока не были загнаны в леса и горы, словно дикие звери, и не казнены после жесточайших пыток. Но все равно одно это имя – Бедреддин – вызывало страх, хоть его почти непререкаемый авторитет богослова не позволил никакой власти запретить его ученикам возвести ему мавзолей... Личность харизматичная, убежденная, умеющая убеждать и не разочаровывать сторонников, Бедреддин, безусловно, заслуживает отдельной книги (рекомендую, кстати, «Спящие пробудятся» Радия Фиша), но у нас есть свой герой, а потому, уважаемые, поспешим-ка мы снова в славный город Халеб, что ныне, в Сирии находясь, Алеппо называется, а в те далекие времена был вотчиной египетского султана Муайяда, где за дальностью Каира правил наместник его величества Иззуддин Шамсаддин ибн Амин-уд-Довле... но перед этим буквально несколько строк Назыма Хикмета о Бедреддине и бедреддиновцах:

*За то, чтоб вместе всем одним дыханьем петь,
чтоб вместе всем тянуть с одним уловом сеть,
За то, чтоб сообща поля пахать,
чтоб из железа кружева ковать,
чтоб вместе всем срывать плоды с ветвей
и есть инжир медовый в общем доме,
чтоб вместе быть всегда и всюду – кроме, как у щеки возлюбленной своей...*

«Из десяти их восемь тысяч пало»

...трудно читать стихи на голодный желудок, христианин не поймет, мусульманин отвернется, иудей и слушать не станет. А потому ноги всех, кто в Бога верует, сами ведут туда, откуда приятно тянет запахом свежее выпеченного хлеба. В особенности если до полудня проспал и жрать уже до судорог хочется. А откуда запахом свежее выпеченного хлеба тянет, то любому нос подскажет, и ноги выведут. Выведут обязательно, просто помнить надо, что не нос идет туда, куда его ноги тащат, а, наоборот, он ногам направление указывает. Ну, и наших героев они, ноги, то есть, за носом следуя, вывели. На базар, разумеется, и помните, люди странствующие, что чем непрезентабельней помещение, тем еда вкуснее. И пусть подушки там, что под бока кладутся, не шелковые, и пусть ковры там, на которых садиться положено, истертые, и кто-то приткий у кувшинчика для омовения рук уже носик отколол, качество еды с лихвой все эти недостатки перекроет. Да так перекроет, что ты, путник, о недостатках этих и вспоминать не захочешь, а если чего и захочешь, так только добавки и еще раз в это место вернуться. Хозяину заведения, как и всем смертным, крутиться надо, вот он и старается, компенсируя бедность убранства хорошим качеством, добрыми порциями и быстротой исполнения. Быстро и вкусно, это же азы, самые азы политэкономии во всей ее мудреной красе. И шли Насими с Ходжой по базару, протискивались между людьми торговыми, хитрыми, с глазами масляными, голосами медовыми, потолкались сперва у лотков со сладостями, с ароматными травами, благовониями, пряностями моллукскими, попили сахарной воды со льдом, поглядели на гулящих дев, что для вящей привлекательности бирюзой иранской шею и пальцы украшали, помотал Насими головой, просто так, из удалы, подмигнул самой нахальной, а когда она обиженно показала ему язык, залился веселым смехом человека, которому совершенно некуда спешить. Во всяком случае, сегодня. Но поспешить всё-таки пришлось. На шум. А шум и на без того шумном базаре означает, что или кто-то чего украл, и этого кого-то сейчас всем базаром ловить станут, или поймали уже и бить собираются, или же просто... дерутся. Для собственного удовольствия. Мало ли поводов на свете. Да и вообще, базар, говорю... и людей много, и товаров полно, мозгов же, как всегда, не хватает... вот сойдутся двое, схожие-похожие, челюсти широкие, а лбы узкие, читать не умеют, насчет писать и не спрашивай, сцепятся, короче, сдуру, сперва на словах, потом на кулачки перейдут, в пыли вдоволь поваляются, а как кровь глаза зальет – за ножи возьмутся, и раз-раз – пошли рабы Божьи: один к Царю Небесному, а другой – к царям земным, на плаху, во искупление крови пролитой, или в каменоломню, чтоб вину отработать... обоим грех, потом одному смерть, а другому, если повезет, – карьер каменный... мрамор на украшения резать да глыбы взад-вперед перетаскивать. Пыль глотать, пыль глотать, да темя с боками под солнце подставлять, что та же смерть, только медленная, немного отсроченная. Ну, а раз так, то нельзя, не по-совести как-то допустить, чтобы две души сразу погибли. Как ни крути, содействие в душегубстве получается, обязательно, обязательно разнять надо. Правда, есть, конечно, риск ножом в бочину получить, но не рискующий мало того, что чужой души не спасет, так и свою погубить рискует. А потому Ходжа с Насими переглянулись, убедились в том, что подумали об одном и том же – и мысли в строку, и дела в одном строю, – ну и подорвались разнимать. Тут главное – под руку дерущимся не соваться, чтоб самому не попало, сзади, сзади подойти надо и синхронно, вместе с другим разнимающим, драчуна под руки подхватив, от противника оттащить. Слаженность и быстрота в таком, как и во всяком другом деле – залог успеха, а потому – не зевать, главное, чтобы до ножей не дошло, сложнее будет, можно просто не успеть, а может просто не повезти. Не дай Аллах, разумеется, под чужой нож да в чужой драке попасть. Глупо. Глупо и даже в какой-то степени стыдно. Наши герои стыда с глупостью дожидаться не стали и дерущихся враз растащили, не без ора, конечно, прям в уши кричали, хватит, мол, прекратили быстро, пока стражники не нагрянули, а то всем, всем достанется. В стороны, говорю, брызгами...

Узкий лоб не всегда означает кулаки умелые. Наоборот бывает даже чаще, чем вы себе об этом думаете. Вот и эти, которые драться собирались, сразу поняли, что, да к чему, вырываться не стали, а то, неровен час, разнимающих сгоряча обидят, и за такие дела разнимающие враз в участвующих превратятся. Присмирели, грубить на всякий случай воздержались, чтобы, как сказано выше, ненароком разнимающих в участвующих не превратить, даже поблагодарили Ходжу с Насими за то, что те помогли им избежать греха мордобития (шайтан бездельнику всегда занятие найдет, вечно неподалеку рыскает, вот подставит хвост жилистый под ноги и втянет смертного в какую-нибудь неприятность. Хотя справедливости ради отмечу, что смертные порой и сами, без шайтана прекрасно справляются. Ему, поди, за всеми и не успеть). Благополучно избежавшие неприятностей (ну, те, что драться собирались) вежливо пригласили друзей разделить с ними трапезу (в обеденное время одни дрались, а другие разнимали, не до еды было), ну, ни Насими, ни Ходжа, отказываться не стали, отчего бы, собственно говоря, и не пойти, раз приглашают? Ну, и заглянули в первое попавшееся заведение, отвечавшее всем параметрам, указанным мною выше, а именно: дешевизна, качество, размер порций и скорость обслуживания. Не подобает уважающему себя и сотрапезников человеку принимать пищу в молчании, застольная беседа – дар Божий, и сердце веселит, и время скоротать помогает, уселись, попросили плова в мисках побольше, да воды в чашах похолоднее. Ну, и завели беседу неспешную, что да кто, зачем драться начали да с чего разнимать полезли. Драчуны братьями оказались. Двоюродными, правда, но все равно, драка между родственниками еще никому чести не делала. А началось всё с пустяка, как, по большому счету, все безобразия и начинаются. Искали они седельника, седло старое отремонтировать, ну и спотыкнулись на вопросе, к которому именно обратиться. Слово за слово, вспомнили старое, мол, кто и когда кому неуважение оказал или неприятность мелкую доставил, вот и сцепились, и одному Богу известно, поножовщиной или членовредительством эта ссора б закончилась, не подоспей Насими и Ходжа вовремя. Самым же поучительным оказалось то, что пока братья хватали друг друга за грудки и толкались, седло, подлежащее ремонту, им пришлось положить на землю, чтобы не мешало. А делать этого на базаре нельзя ни при каких обстоятельствах, больно люди там ушлые. Украли. А вы думали, что так оно, седло, будет лежать и вас дожидаться? Насими, конечно, от души посмеялся над незадачливыми драчунами и высказался в том смысле, что пока двое дерутся, всегда может найтись кто-то третий, кто с этого дела хорошую прибыль получит. Впредь, сказал, уроком будет. Не ссорьтесь или, если без этого никак нельзя, ну, не получается, всегда одним глазом на вещи поглядывайте. А то в следующий раз или ишака уведут или кошелек с пояса срежут. Ходжа, как водится, добавил (не удержался), что при известной сноровке жулье, что всегда на базаре ошивается, даже пояс у незадачливых драчунов увести могут, да что там пояс, штаны, штаны ж на ходу сдернут, если зазеваешься. Посмеялись, конечно, с чего бы над делами минувшими и не посмеяться, особенно если плов горяч, а сверху мясо горкой, когда ж еще радоваться прикажете? Радость застольной беседы, конечно же, дело всегда душу греющее, хоть жара на дворе, хоть холод, но у Насими на уме вертелось очередное четверостишие, которое надо было оформить да отшлифовать прям перед состязанием, потому что вдохновение – оно ж такая штука: уйти решит – остаться не умолишь, погодить не упросишь, сбежать захочет – так цепями не удержишь, а вздумается ему промеж пальцев стечь – так сжимай кулаки или нет – всё равно ведь уйдет, убежит, растечется. А потому момент ловить надо, Насими, верно ведь говорю, хоть посохом на песке строчки складывай, но складывая обязательно, неровен час, из головы вылетит, ищи их потом, строчки эти, среди запахов, образов да видений, хоть ту же самую стену пальцами вновь и вновь щупай, чтобы ощущения вернуть, нет – и всё тут, как тогда – не выходит. Не выходит, хоть на куски разорвись, хотя в тот момент из головы не выходило...

Такая вот участь, жизнь-судьба у поэтов, и слышится, слышится в ней что-то страшное, а потому будьте к ним снисходительней, если им куда срочно уйти надо. Им по делу, а не безделью, сами ж потом спасибо скажете, если написанное почитать дадут... или услышите где... даже похвастаться сможете... а потому Насими незаметно, глазами так, показал Ходже: пора, мол, сворачиваемся, хорош людей грузить да воспитывать, дело есть, да и состязание скоро, мне до него еще кое-что набросать надо. Ходжа всем своим видом показал, что неудобно, позвали же, тут, мол, и пиши, если зудит, да талант девать некуда. Но Насими продолжал настаивать, делая страшные глаза, и Ходже не оставалось ничего другого, кроме как проявить понимание, потому что спорить с поэтом, у которого началось – дело если и не последнее, то очень и очень неблагоприятное... Куда там... Потянули время, ну, самую малость, чтобы братьев не обидеть, и распрощались, шуточно наказав больше не ссориться, а то вдруг их, Ходжи с Насими, поблизости не окажется, тогда или ребра затрещат, или, упаси Аллах, дело смертоубийством закончится. Распрощались вежливо, приняли еще раз слова благодарности, расплатиться братья не позволили, и, провожаемые сотней благословений, покинули харчевню. Место искать, где Насими мысль, в воздухе витающую, в стихотворный вид привести сумел бы... найти дело нехитрое, это искать сложно, но завернул Насими за первый попавшийся угол, сел прям на землю и давай на песке пальцем строчки выводить... когда выводил, а когда зачеркивал... но как остался оставшимся доволен, вздохнул и сказал Ходже: готово, мол, теперь и на площади, горло рвя, прочитать не стыдно. Вот... оцени...

*Любви страданье длится много дней,
Тем сладостней любовь, чем боль сильней.
Любимые наносят нам обиду
Тем большую,
Чем сами холодней.*

*Порой мы, любящие, счастья ищем
В недобрых взглядах, в звуке злых речей,
Любовь вам не ответит на вопросы
Как, почему, зачем, откуда, кто и чей.*

*Создал я б книгу
Красоты любимой,
Сто тысяч глав обширных
Было б в ней...*

...человек без тоски подобен животному, тоска двигает струны, что протянуты к сердцу и предвосхищает появление вдохновения, а без грусти вдохновение редко бывает полным, написанное же в лучшем случае оставляет привкус половинчатости... спасибо, если не вымученности, потому что вымученно-написанное совершенно никуда не годится... И Бог с ней, с половинчатостью, её, вдохновения дождавшись, как-нибудь да отшлифуешь, доведешь до ума и протянешь от сердца, а вот вымученное... нет, никак... да ты, Насими, и сам вымученное на людях прочитать не согласишься... не к лицу, не к лицу, сам Насими всё-таки, и имя есть, и слава вперед тебя бежит, а потому пока тебе самому написанное не понравится – ни за что на людской суд не вытащишь... сиди и шлифуй, рифмы правь да размер строк под стандарт подгоняй, и невелика беда, если к состязанию опоздаешь, ведь не стыдно на ишаке по улицам ездить, стыдно у всех на виду с него, длинноухого, наземь грохнуться... не так ли? А теперь – на состязание, товарищи, смотреть, слушать, сидеть тихо, да дыхание сдерживать, уважаемые люди соревноваться будут, о любви говорить, о Боге

в стихах беседовать, ну, когда и поссорятся, но им без этого – никуда и никак, что они без этого за поэты? Так, недоразумение, рифмы складывать умеющее... Вперед, вперед, слушать да смотреть будем... я покажу вам то, чего никогда не было, и вообще, не могло бы случиться ни при каких обстоятельствах, но если бы это случилось, то выглядело бы именно так и никак иначе, потому что это показал бы вам именно я и никто другой – так, скорее всего, сказал бы Бергман... но он тут ни при чем, а это совершенно не кинематограф, даром, что слова, словно камера у европейского оператора, то туда, то сюда скачут...

...сидел люд пишуший, на состязание пришедший, на коврах да подушках мягких не где-нибудь, а в доме местного богача, торговца шелком, который сам стихов не писал, но поэзию любил, да еще, говорят, с женой недавно рассорился, вот в пику ей и позволил провести состязание у себя, да не просто позволил, а долго-долго устроителей упрасивал, не откажите, мол, в просьбе скромной, мне честь, а пишушим – комфорт, шербет да прочие удобства, помимо чести и уважения. Смотри, мол, жена, да дуйся дальше, надоела мне некультурность твоя да скандальность, гляди, с кем дружбу вожу, не просто так, а люди образованные, стихи слагающие, так что зря ты мне на мою неотесанность да пузо большое пеняла. Ну да, толстый был, не без этого, так купцу крупному по-другому нельзя, худоба да резвость хозяину большой лавки ни к чему, это разносчики должны subtilностью и легкостью членов отличаться, потому как тем и кормятся, а для купца оптового живот – первейшее дело. Солидности прибавляет, конкуренты и соседи завидуют, поставщики, опять же, при случае в долг верят, да и как тут не поверить-то? Животик круглый, ножки коротенькие, сам из себя весь такой с ленцой, медлительный, куда ж он с качествами такими да резвостью отсутствующей, денется? Да и вообще, торговец, себя уважающий, ни в коем разе не должен первым из-за угла дома появляться, а только за животом следовать... сперва живот, а потом хозяин. Соседям на зависть, поставщикам на радость, султанской\ханской\царской\президентской, и вообще, казне на заметку... поведение же у лавочника должно быть солидное, сдержанное, не крикливое, крики – они, опять же, более разносчику приличествуют... а хозяин... хозяин – он всем продает, но никого и ни под каким видом в лавку не зазывает, кому надо – тот сам найдет, а если сам не найдет – так люди подскажут, были бы в доме мир да покой... ну, так то отступление было, а купцу – всё равно спасибо...

...и настал этап стихотворного состязания, где самым важным является импровизация, да не просто импровизация, а импровизация насмешливая, острая, язвительная. В ней самое главное – соперника высмеять, уколоть в стихотворной форме, да позлее, с условием, конечно, ни рода, ни народа, ни веры его не ругать и не трогать. Резвитесь, мол, поэты, дразнитесь, пишущие, но в рамках, а то мало ли, так и до крови недалеко, а ею только на бумаге писать можно, если совсем неумоготу, а на пол или землю проливать – совсем не годится... маты, конечно, допустимы, но чтоб немного, одно слово на две строчки, не более, в рукопашной не сходитьсь, не в рифму не браниться, после – побрататься. Желательно, разумеется.. Такой вот джем-сейшн в стихах, кто кого соберет, из себя выведет, да такое слово ввернет, что сторона противная ничем рифмованным ответить не сможет. А вот прозой – нельзя, правила запрещают... Насими достался противник малоизвестный (сейчас о нем, разве что, специалисты вспомнят), о себе особо ничем не заявивший, а из литературного наследия – только то, что с самим Насими в Конье на состязании схлестнулся. Вот, пожалуй, и всё... Стишата посредственные, характер скверный, ругательный, а он, скверный характер, простителен и терпим только при наличии таланта соответствующего, вот Насими он был бы к лицу, а Джангиру (Джахангир, Джихангир) Дуньямалы (соперника звали именно так) – совсем не по чину. Джангир родился где-то

под Исфаханом, роста был невысокого, лицо в оспинах (живучий, выжил, выкрутился), в зубах нехватка (били, видать, не раз, за злой язык да плохой характер), да пальцы короткие. Ну, вы такой типаж, уверен, не раз и не два встречали, а если, до седины дожив, ни разу такого не встретили, то вот вам совет от человека знающего: не доверяйте гусю такому ни при каких обстоятельствах, а если вас случай сведет, то, за руку поздоровавшись, проверьте, все ли пальцы на месте, мало ли что, не зря, повторяю, про короткопалых да постоянно щурящихся старики всякие разности говорят... не доверяйте, говорю, таким, дороже сядет... старые люди зря болтать не станут... нет, ну вы сами посудите-подумайте, короткопалый, а туда же, стихи писать... и стихи, верно, такие же, под стать автору, читаешь-слушаешь, а они ни на ухо не ложатся, ни на веру не берутся... а если стихи лапой когтистой по душе не проходятся, и если от прочитанного из-под ногтей кровь не проступит, то не стихи это вовсе, а так, время потерянное, вино пролитое, бумага\пергамент\папирус порченные... И вышел этот Дуньямалы-Джихангир, подбоченился, чуть ли не на цыпочки встал, чтобы ростом выше казаться, и давай над Насими подшучивать, да не по-доброму, а плохо так, со злобой. Мол, и сапоги стоптанные, и халат истершийся, и штаны худые, аж естество просвечивает, знать, не кормит поэзия, не поит, хотя поить должна здорово, потому как под глазами у Насими – круги синие, то ли ночи бессонные, то ли чаши бездонные. Как он всё это в рифму сложил да в стихотворный порядок привел – цитат приводить не стану, литературных достоинств там мало, а смешного – и того меньше. Хамства, однако, хватало, на грани фола декламировал, без малейшего уважения насмешки строил, на грани балансировал (прибавьте к этому неприятный, скрипучий голос и вытаращенные бараны глаза. Повезло, говорю, Насими с соперником, с добрым молодцем Дуньямалы, всем этот Дуньямалы вышел, и слогом, и вежливостью, и голосом). Насими, казалось, не было никакого дела до Джахангировых уколов, грозящих вот-вот перейти в прямые оскорбления, стоял себе, опершись на посох (прошу читателя обратить именно на это свое благосклонное внимание), как вдруг он поднял глаза на соперника, потом перевел взгляд на ухмылявшихся зрителей и выдал. Кратко выдал, не стал соплей разводить, а с одного и единственного удара, одним двустушием размазал соперника по стенке:

*Раскрываю окно – предо мной целый мир.
А штаны приспущу – предо мной Джихангир.*

(автор допускает явный анахронизм и намеренно вводит вас в заблуждение, эти строчки принадлежат другому поэту, едва ли менее талантливому, а именно – Алиаге Вахиду, и попрошу без претензий, это моё повествование, и я накручу на него то, что сочту нужным).

Слушателей словно подбросило, они буквально плакали от смеха, утирая слезы кто полкой халата, кто платком, а кто и просто, размазывая их по лицу, Ходжа, так тот вообще от смеха чуть было не повалился на какого-то ремесленника, сидевшего впереди. Кто-то держался за живот, кто-то хлопал по плечу соседа, повторяя: «Нет, ну ты слышал, как он его, глядит Джихангир, ха-ха-ха», кому-то занимаемая должность или возраст и обязательная в таком положении солидность не позволяли хохотать во всё горло, и они, ну, те, кто поважней да постарше, беззвучно тряслись от смеха, прикрыв рты ладонями и зажмурившись от удовольствия. Короче, распорядителю стоило немалых трудов призвать слушателей и участников к спокойствию, он даже был вынужден несколько повысить голос, но когда хохот и восторженные хлопки затихли, в зале снова раздался скрипучий голос Джахангира, который явно нарывался:

– Говоря «Джахангир»(в переводе – повелитель), какого именно джахангира ты имел в виду?

Зрители замерли от такого оборота, Насими побледнел, судорожно вцепился в посох, аж костяшки пальцев побелели, кому ж охота с палачом знакомство свести, и ладно, если б за столом, так лишь бы не на столе. Подлый приём, очень подлый... доносом грозит, а оскорбление величества – это почти всегда дело государственное, а стихи... на самом ведь деле строчку-то эту и так, и эдак понять можно, а там – как дело повернут. Захотят – боком выйдет, а захотят – из зиндана (*тюрьма, подземелье*) выйти позволят. Знакомая ситуация, не правда ли? Пусть и не всегда к литературе отношения имеющая... Гнетущую тишину нарушил голос распорядителя, который призвал слушателей успокоиться, а Дуньямалы – убояться гнева Аллаха и вспомнить о совести, потому что он, распорядитель, человек в возрасте, уважаемый, врать не станет, и если будет надо, положив руку на Священный Коран принесет клятву именем Божиим, что в стихах Насими не было оскорбления ни Божьего, ни человеческого величия. И да поможет ему в этом Всевышний Господь, а также собравшиеся слушатели, ценители стихов, меткого слова, и все добрые люди, не любящие неправды. Уймись, Джихангир, умеи проигрывать и помни о Судном Дне, где все сказанное или написанное будет свидетельствовать в твою пользу или в доказательство тяжелой вины. Джихангир тяжело задышал, опустил голову, понял, что обстоятельства не на его стороне, и прошипел, злобно глядя на Насими: «Торке хор» (*«тюркский, турецкий ишак», фарси*). Оскорбление было тяжелым, зрители и распорядитель не успели и глазом моргнуть, как Насими вдруг повернул посох одним движением кисти, извлек из него кинжал и приставил к горлу Джихангира. Джангир испугался не сразу, все произошло настолько быстро, что у него просто не хватило на это времени, но заглянув в глаза Насими – понял. Сразу всё понял и сник. Ведь одно дело – языку волю давать, а другое дело – когда за эту волю его, язык, то есть, до самого верхнего нёба проткнуть могут. И как тут, спрашивается, не обмякнуть... Распорядитель не без усилий, но на правах старшего отвел кинжал от горла Джангира, что-то шепнул на ухо Насими и громко сказал: «Обнаженная сталь должна испить крови. Но я не позволю ей пролиться в этом месте. Потому я обязую Джангира извиниться, а Насими – проявить милосердие. Впрочем, по окончании состязания Насими может изменить свое решение. Потому я рекомендую Джангиру покинуть город, как только собрание закончится, чтобы никого в грех не вводить». У Джангира были все основания принести извинения как Насими, так и собравшимся, и скрыться как можно скорее. Немалая часть зрителей как раз и состояла из «торке», которые за «хор» могли бы... уши, знаете ли, отрезать, и даже начали на этот счет неплохо так переглядываться и перешептываться. А отрезанные уши – позорное наказание, даже если дистанцироваться от того, что без ушей на свете жить очень и очень плохо. Грустно, как минимум. Джангир не был равнодушен к жизни и смерти, зло поглядывая на Насими, извинился и, не смея взглянуть на распорядителя, пытался было незаметно уйти (хотя, какое тут незаметно, на глазах зрителя разворачивалось действие, не меньше, а то, пожалуй, и более интересное, чем стихотворное соревнование – скандал!), но Насими, вложив кинжал в посох, вдруг размахнулся и вlepил ему такую оплеуху, от которой тот полетел наземь. Тяжелая рука, Имадеддин, тебе б каменщиком работать, булыжники с места на место перетаскивать, а не стихи писать, но ничего, оно успеется, у тебя еще есть время, немного, но есть, так что, оно успеется... и камни, и вирши, и ветер, и свитки... Сбил наземь да спервоначалу плюнуть хотел, потом, видимо, раздумал и, резко развернувшись, отошел и сел на свое место. К несколько растерянному Ходже. У него, бедняги, аж челюсть отвисла, не ожидая он поножовщины да мордобития на литературном вечере, столь плавно перешедшем в ссору с рукоприкладством. Поэты – они такие... Оказывается... Джангир же, придерживая окровавленное ухо, счел за лучшее незаметно испариться. То ли от греха подальше, пока после оплеухи пинок или кинжал под ребра не воспоследовал, то ли напакостить чего решил... Ничего, там узнаем, мало осталось... ночь – она ведь на Востоке короткая, а рассвет скорый, вот рассветет – разглядим...

...решил Насими, что не годится просто так из Коньи уходить, Джангира не проучив. Оплеуха, конечно, оплеухой, уже, получается, дела так не оставил, но все же надо было б добавить. Пиар-технологии тогда, конечно, пожиже были, ни журналов тебе, ни интернетов, ни телевизора, вот и приходилось пробавляться то распусканием слухов про противника, или еще проще: купил горсть орехов да кулек сладостей и дал мальчишкам уличным со строгим наказом – бегайте по площадям и базарам, шныряйте возле бань и выкрикивайте это четверостишие... понравится – еще столько же получите, а нет – не взыщите, вот и все технологии... так и бегали плохо воспитанные юноши младшего до- и школьного возрастов по улицам, выкрикивая то, за что им проплачено было, или то, что им по сердцу пришлось... как видите, особых изменений в делах масс-медийных не произошло... вот и Насими понял, что в таких случаях делать надо, ни на орехи не поскупился, ни на сладости, облажал недруга, ославил, полгорода после за животы держалось да из уст в уста передавало: бхе-хе-хе, нет, вы слышали, уважаемый, глядит Джихангир, хо-хо-хо, нет, вы только подумайте, как ширинку раскрою... надолго, надолго Дуньямалы Имадеддина запомнит... да и ему, Насими, его душу черную, душу завистливую, вспомнить придется...

Но об этом – чуть позже... как время придет... в людской среде грехи да пако-сти не в диковинку, а среди поэтов и подавно... кто под властью ходит, а кто толсто-мясых чурается, кто на золоте ест, а кому и забегаловка в радость, кого Бог при рождении поцеловал, а кому даже малой толики совести пожалел, кто, чтобы муравья малого случайно не раздавить, с камня на камень перепрыгивает, а кто доно-сительством не брезгует, всё, короче, как у людей, и ничего лишнего...

...всё на свете своё завершение имеет, как началось, так и закончится, и поре-шила судьба, что достаточно Насими с Ходжой дорог исходили. Далеко на северо-запад не пойдешь, там земли Румов, но Восток большой, путей много и каждый из них к твоим услугам. Время, время пришло, освежил ветер дыхание, подтолкнул в спину и понес дальше, куда Бог нужным сочтет. Прощание затягивать не стали, но глаза друг от друга прятали. Обещали, конечно, что снова рано или поздно встретятся, потому что кто знает, где да как дороги пересекутся, но сами в сказанное верили мало... обещали помнить и не забывать, потому как мало что, кроме дороги, так людей сблизить спо-собно... разве что, война или голод... вы идите, идите порознь, вам везде или хорошо, или плохо будет, а где будет – туда ноги сами выведут, сами выведут, да Бог приве-дет... говорят, что Ходжа повернул на север и спустился несколько месяцев его видели где-то возле Карса, а Насими... Насими повернул к Казвину... в Иран... долгая, долгая дорога от Коньи до Казвина, не день и не два займет-потребует, и если боков не об-дерет, то душу вытрясти очень даже способна... вот честное слово, будет возможность – смерти дорожку до Казвина, можете ножками, можете на автобусе – поймете...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, СО СТУКАЧАМИ, ДОНОСАМИ, ДОПРОСАМИ, ПОДСТАВАМИ И НЕПРАВДАМИ, С НАПИСАННЫМ ПЕРОМ, ЧТО ПРИ СЛУЧАЕ ГРОЗИТ ТОПОРОМ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ – БУЛАТ ОКУДЖАВА

«В СКЛЯНКЕ ТЕМНОГО СТЕКЛА (Я ПИШУ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН)»,

(длительность – две минуты пятьдесят семь секунд).

- Приветствую тебя, Насими.
- И тебе привет, добрый человек.
- Мы незнакомы, но я о тебе слышан. Кто же не знает Насими из Ширвана.
- Благодарю за добрые слова. А как твое благородное имя?
- Называй меня ибн-Сейфал. Просто ибн-Сейфал. И просто ибн-Сейфал хотел бы обратиться к тебе с просьбой.
- Сын Сейфала... мне сложно выполнить просьбу странника, пусть даже по-чтенного, не зная его настоящего имени, ты уж прости.

– Не горячись, Насими... это ведь тоже не совсем твое и не совсем настоящее имя. Так что тут мы с тобой квиты, получается. И разве слово «Насм» – не означает «утренний ветер»? Ты не знаешь моего настоящего имени, я не знаю твоего... А разве Аллах и Его пророки не велели нам быть справедливыми? Будем же стремиться к совершенству... Да это и не совсем просьба. Я просто пришел напомнить тебе об одной встрече...

– И что ты о ней знаешь?

– Больше, чем ты предполагаешь, поэт... гораздо больше...

– Ну, назовись тогда.

– Моё настоящее имя тебе ничего не даст...

– Ты знаешь обо мне больше, чем мне бы того хотелось, ибн-Сейфал, а я о тебе не знаю ничего, кроме имени... По-моему, это немного несправедливо.

– Я мойщик трупов в главной мечети города. Мертвым порой известны тайны, до поры до времени скрытые от живых. Люди же, которые имеют дело с усопшими, тайного не ведая, способны догадаться о сокрытом.

– Ты так говоришь, словно уже омывал мое тело в мечети.

– И это успеется... Ты, главное, не торопись... Все рано или поздно ко мне приходят, что поэты, что крестьяне.

– А ханы с султанами?

– Ну, ханов лично у меня не было, султанов тоже. Зато пару раз приходилось омыwać сборщиков податей, а как-то раз – главного городского судью. Знаешь, ничего особенного. От простого горожанина разве что толщиной живота и отличался. Но судьи и сборщики налогов, конечно, прибыльнее, потому как на них больше воды и мыла уходит, да и трудов опять же. Возни-то с тушей эдакой, сам понимаешь (*хорошая философия, жизненная, я б, например, ни за что до такого бы не додумался*)...

– Да ниспошлет тебе Всевышний Аллах побольше работы с большими людьми.

– Доболтаешься ты, Имадеддин, доболтаешься... голова твоя так и так на плечах непрочно сидит, а ты еще и усугубляешь. И никак в толк не возьму, ты это намеренно или по глупости?

– По вере я. По вере...

– И что есть вера твоя?

– Проста она. Поклонение Ему без знания для иного содержит вреда больше, чем пользы... Это не я говорю, это говорил наш пророк и посланник, я лишь повторяю слова его... Изучай, читай, читай, и читать учи, иди за три моря, если это принесет тебе знание, нет, не зря ведь, не зря первая ниспосланная (сура) начиналась со слова «Читай» и называлась «Калам»...

– Сложно с тобой, чуть возрази – у тебя в ответ целая речь наготове.

– А разве должно быть легко?

– Ты со словами вообще поосторожнее... и не только в стихах дело... на площадях, в питейных, в переулках опять же... не стоит при виде похорон вельможи или сановника говорить: «Сегодня одного увидел, а завтра, даст Аллах, сразу двоих узрею»... или потише хотя бы...

– Донести могут?

– Могут... Уши у многих длинные, а ноги быстрые... ты и так у всех на виду... как бельмо... а что Осман с тобой разговаривал – об этом многие знают, и кое-кому это не нравится. Настолько не нравится, что тебе опасность нешуточная грозит. Или грозить может. Подловить же на чём угодно могут, хоть на сказанном, хоть на написанном.. ты имей в виду. И полегче, полегче.

– Чего полегче-то?

– Вообще. Тебе Осман письмо передал. Так, ничего особенного, делами интересуется и снова к себе зовет.

– Спасибо за то, что взял на себя труд передать его мне.

– Не благодари, для меня большая честь оказать Насими небольшую услугу. Но ради Аллаха, будь осторожнее... времена тяжелые идут...

*Ты доволен, что розы покрыли цветник,
Что жасмины вокруг разрослись.
Оцени ж этот миг, ибо все пропадет
Через пять торопящихся дней,
Пусть подобны дыханью Иисуса слова,
Что изрек пред тобой Насими...*

...сказывали, например, что на исфаханском базаре Насими повстречал нищего, который, закатив глаза, нараспев читал его стихи. Не за бесплатно, разумеется, перед оборванцем стояла чашка, почти доверху наполненная медными монетками, среди которых нет-нет посверкивали и серебряные. Хорошо декламировал, с нужной интонацией, где надо, паузу делал, где полагается – глаза закрывал, правда, в паре строчек ошибку допустил, слово рифмованное, а не то, у Насими в этой строчке другое слово было, пусть созвучное, но всё равно другое. Насими указал декламатору на косяк, но тот лишь ноздрями дернул, пренебрег, знаете ли, связываться не стал, я, мол, тут самого Насими декламирую, а каждый-всякий меня поправить да одернуть норовит. Наглец всем своим видом дал понять, что возражений на всех в свете подуманного всё равно не напасешься, а потому иди себе с миром, добрый человек. Нет, это, конечно, очень приятно, если тебя даже нищие на улице цитируют, да не просто цитируют, а еще и деньги за это получают, но окажи ж ты уважение автору и цитируй его правильно, раз уж с декламации прибыль имеешь. Насими решил было пойти себе дальше, ухмыльнувшись, но нищий, как уже было отмечено выше, оказался редкостным нахалом и клещом вцепился в Имадеддина, требуя денег. Насими пытался было от него отвязаться, отговаривался отсутствием мелких монет, но нищий нагло заявил, что и крупными не побрезгует. Пришлось раскошелиться на целый динар, меньше нельзя было, сами понимаете. Во-первых, на самом деле мелочи не было, а во-вторых, услышать, как твои стихи какой-то оборванец читает, с того кормится, да с тебя же, грешного, за услышанное деньги требует – ну разве такое не сто́ит полновесного динара? Вот и Насими рассудил точно так же, но, по слухам, расплатившись, немедленно покинул Исфахан. В городе начиналась чума, и он совершенно не хотел встречаться с этой зловередной и неграмотной теткой, которая не делает никаких различий между поэтом и крестьянином, вельможей и ремесленником, и вообще стоит вне классов, над царями и нищими, начальниками и подчиненными, стариками и молодыми... ну тебя, не к ночи будь помянута. Хотя это может быть просто легендой, и Насими, который с возрастом стал осторожнее, здраво рассудил, что незачем ему оставаться в городе, где даже нищие зарабатывают себе на хлеб чтением стихов. Так и без чумы до беды рукой подать, мало ли, кто что читал, потому что кто писал – важнее. От греха, от греха подальше, с первым же караваном или без него, самостоятельно, раз стихи читают, выходит, самого вмиг высчитать могут, а вокруг все кипит, мир в очередной раз делить и переделывать собираются, в такое время признанным быть как бы и ни к чему... целее будешь, поэт... на время... А красивый город Исфахан, я б, например, если бы не чума, осмотрел его повнимательнее...

...говорят, Насими некоторое время работал на строительстве мечети в Багдаде, в квартале Баб аль-Шарки. Месил раствор, таскал кирпичи, а потом даже учился вставлять разноцветные стеклышки в деревянные рамки, это ведь целое искусство, и только со стороны может показаться делом нехитрым и сноровки не требующим. Так что, если эта мечеть стоит до сих пор, и если витражи в ней не выбили многочисленные перевороты и оккупации – он, Насими, продолжает жить в каждом солнечном луче, что просачивается через разноцветные стеклышки... надежды, ко-

нечно, мало, но очень и очень хочется в это верить... в солнечные лучи и целые стекла... а что до таскания кирпичей и замешивания раствора – что ж, пусть теперь руки кормят, раз уж литература без штанов оставила... ну, образно без штанов, не буквально, пара прорех да заплат не в счет... А так – всем пишущим урок и наука: стихи стихами, книжки книжками, но помимо них что-нибудь уметь или знать – никогда не помешает... руки развязаны будут, говорю, руки... а если руки развязаны, то можно писать то, о чем хочется, а не то, чего от тебя ожидают... днем строил мечеть, а вечером, после работы, бродил по Багдаду, строениями любовался, новые стихи себе под нос бормотал, опять же с людьми разговаривал, одно время даже преподавал в медресе каллиграфию и грамматику, жил, короче, не хуже нас с вами, пока неумная тяга к странствиям не сняла его с вполне было насиженного и удобного места... куда уж лучше, и работа такая, что свободное время для стихов остается, и обращение уважительное, и деньги регулярно платят... и чего тебе, спрашивается, в Багдаде не сиделось... знаменитостью уже стал, стихи – даже мальчишки на улице распевают, в историю вошел, со знатными, простите за каламбур, znalся... или, может, быть, не вошел бы ты в историю, не остался бы ты знаменитостью, и забыли бы и о тебе, и о твоих стихах даже уличные мальчишки, не направься ты в Алеппо и не прими ты там смерть страшную... задул ветер с Запада – поднял тучу пыли, пришел ветер с Востока – принес соленые брызги, тучам пыли – своё место, а соленым брызгам – своё, тебе же, Насими, с первым караваном в город Халеб, что теперь Алеппо называется... не один год миновал с той поры, как разошлись дорожки Ходжи и Имадеддина... Насими исходил сто дорог, по слухам, дошел до края уйгуров на востоке Востока и до страны карматов (Бахрейн) на его юге. Он даже совершил паломничество в Мекку, после чего получил право носить зеленую чалму и уважительно именоваться «Хаджи», не то, чтобы так вот, буквально именоваться, просто использовать приставку «хаджи» перед именем... но он все равно предпочитал зваться «Насими». Утренним Ветерком... ноги ведут, а судьба зовет, у неё, у судьбы, свои критерии зачисления на Высшие Курсы и особая метода преподавания на них... год мотал срок в темнице султана Баязида, потом еще год – при Мураде, что тоже султаном был, да и сменившийся эмир Багдада его милостью не обошел, да всё за то же, за язычину язвительную... тоже год... теперь сам Бог велел из Багдада ноги уносить, право же, чего тут оставаться, раз и улицы знакомы и темницы ведомы...

...допускаю, Насими, что к сорока пяти годам ты вообще стал раздражительным, приобрел привычку покусывать губы, разлюбил спорить с людьми, предпочитая просто выслушать, да и то не каждого, разговаривать вообще старался поменьше, а если и говорил, то только со своими, да где ж тебе своих взять-то было? Когда особой надобности не было – молчал себе в сторонке. То ли от мудрости, то ли возраст сказываться начал, то ли всё, что сказать надо было, уже высказал. Или просто устал. Такое иногда и с теми, кто помоложе, случается, так что чуда тут или перерождения какого-либо нет. Устал, вот и весь сказ. Не исписался, но почти выговорился, не состарился, а просто поседел, не болен, а вот отдохнешь немного и снова яростно, судорожно так, на одних лишь своих да чужих нервах за старое примешься, ни себя, ни других, ни жалеть, ни помнить не станешь. Не станет... Будто чувствуешь, что мало тебе осталось, и вот она, жизнь-сучка, к своему концу подбирается, в висках ночами стучит, глазами, глазами жизнь выкатывается, без вина пьян шатаешься, ноги скрепив, до весны докашлять надеешься и места себе не находишь, а как найдешь – так нипочем тебя с того места не сдвинуть, пока сам его поменять не решишь. Только тишину ты так и не полюбил, даже заставить себя пытался, но не выходило и всё тут... признался бы, что в тишине пишется легче, хоть и ест, и грызет она тебя безжалостно, нервы вытягивает бессовестно, жизнь укорачивает, а перед тем, перед укорачиванием, черноту волос сединой разбавляет... утешься, Насими, тем, что если б

не тишина и одиночество, тебе б эти волосы, сединой опрысканные, просто повыдергивать бы могли...

Какой-то мальчик с инеем на ресницах, опустив автомат, ловит на ладонь снежинки и что-то шепчет.

– Ты чего?

– У всех снежинок шесть лучей сегодня!

– Ну и что?

Он смотрит на меня и, опустив плечи, шепчет:

– Нехорошо это...

Из воспоминаний Альтафа Гюльяхмедова, одного из тех железных людей, благодаря которым моя страна уменьшилась в размерах всего на двадцать, а не на все восемьдесят или даже больше процентов...

Я знаю, сильны мои обвинители, но всесилен и Господь, который судит всех без различия. Знаю, что я – всего лишь бедный странник, но именно на простых людей взирает Господь Бог и никому не прощает их безвинно пролитую кровь.

Из речи Кастеллио на сенатских слушаниях по его делу.

...и сменялся день ночью, зима – весной, а засуха наводнением. Дни тянулись медленно, годы же летели стремительно, и лишь седина в волосах памяткой о прошедшем усмехалась. Шел Насими по земле Божьей, никому не подданный и податей не платящий, солнцем жженный, дождем моченый, то он годы обгонит, то они его, то он на месяц исчезнет, то месяц из жизни выпадет, если ни строчки не написано, то в парче он, то в лохмотьях, то с трудом медяков наскребет, чтобы за ужин заплатить, а то сорит деньгами без счета... Шутка ли, человек ведь без малого весь Восток ногами смирил, а треть мира исходивший всегда неровно живет, везет же кривая некоторых: медь – золото, медь – золото, медь – золото...

Знаешь, где своё начало весь наш мир берёт?

Человеческий откуда происходит род?

И откуда происходит вер различных ряд,

Убеждений, мнений разных – кто лишь их сочтёт?

Почему один всё время знает лишь печаль,

А другой, не зная горя, в радости живёт?

Насими, скажи всем, что ты ведаешь о том,

Почему тому достаток, а тому – лишь гнёт...

В пути именно такие строчки в голову и лезут, другим мыслям в дороге не место, сплошные «знаешь», «откуда», «сколько» да «почему»... ну, разве что, пейзажем окружающим любоваться, а досыта налюбовавшись, описать умело, но местность Насими описывал редко, не художник, поди, ему все больше Бог да люди интересны были... ну, и мир с его дорогами, как что-то к Богу и людям приложенное... без пути, короче, и жизни такой не было бы... привела, привела кривая...

...мне всего сорок шесть, и у меня всё впереди, а когда мне стукнет пятьдесят, скажем, восемь, я скажу, что мне всего пятьдесят восемь, и снова повторю, что у меня всё только начинается, – отшучивался Насими на вопросы касательно возраста и творческих планов... а сам подумал, верно, мол, говорят, обсыпало бороду известью, пали звезды на голову... не известно, не звезды, да и не перхоть это, а седина да время, нервы да усталость, что, сливаясь в точке пространства над головой человека, превращаются в белую краску и окрашивают сединой волосы и бороду... в

час, когда он крепко спит, совершенно не помышляя о том, что происходит над его головой... под носом, впрочем, тоже... поэты вообще мало склонны что-либо у себя под ногами рассматривать, всё в небо пялятся, вот и Имадеддин исключением не был... дразнил, доводил людей рассуждениями, разве что, у проповедников хлеба не отбивал... присядет и смущает разговорами да догадками... один раз вообще договорился до того, что Бог запретил есть свинину потому, что свинья – одно из немногих животных, которое никогда не смотрит наверх, а потому не в состоянии увидеть ни звезд, ни небосвода... а тот, кто всегда смотрит только под ноги, не замечая неба, не заслуживает, мол, ничего другого, кроме как проклятия Божьего, и имя его да станет оскорблением... подобные высказывания ему популярности не прибавляли, хотя это, конечно, как посмотреть, кому, положим, нравилось, а кого, разумеется, бесило... некоторые просто ждали повода поквитаться, то ли из врожденной вредности, то ли на самом деле Насими их пассажами насчет свиней задел... сидели и ждали... ты, мол, болтай себе, пока болтается, а вот когда нога на ровном или не очень месте подвернется, тут-то мы тебя и того... нет, накроют тебя, положим, другие, да и яму тебе сами копать не станем, но вот если позовут насчет засвидетельствовать чего – всё, как на духу, выложим, и то, что было, и то, чего не было: было – подтвердим, не было – придумаем и тоже подтвердим... а вот не болтай, чего не просят, не смущай не вовремя, не дразни достопочтенных граждан, что, больше всех надо, да, или самый умный выискался? Страшно, страшно человеку поэтом быть, но еще страшнее поэтом оставаться, и нет смысла искать живого среди мертвых, потому что мертвых среди живых без того предостаточно...

...всякое на свете случается, и от случайной раны в совершенно случайной стычке не застрахован решительно никто, будь ты хоть городской голова или даже сам начальник полиции (должность, знаете ли, немаленькая). Вот и тут, шел себе начальник полиции (*ассес-баши*) домой, никого не трогая, правда, на всякий случай и по рабочей привычке начальственно во все стороны поглядывал (зырк-зырк, нет ли где непорядка). А тут, как назло, подгулявшие каменщики повздорили. Дело пьяное, ну, сказал кто-то кому-то что-то неучтивое, локтем близсидящего задел или вообще немыслимое учинил: вино разливая, сидящего рядом обделил (во избежание подобных казусов в уважающих себя питейных заведениях в те далекие времена существовали виночерпии, а в заведениях посolidнее даже девушки, выполнявшие ту же функцию. Ну не станешь же ты по пьяни при девушках драку устраивать, несолидно как-то, да и в случае проигрыша – стыда не оберешься, а потому, от греха подальше, пусть лучше девушки вино разливают, какая-никакая, а страховка. А если кто к девам с кувшинами приставать начнет – так на то у хозяина питейной кулачища пудовые, да три помощника с кухни – уууууу). А дело каменное – дело тяжелое, там и здоровье недюжинное требуется, и выносливость, и мышцы – надобность не последняя, ведь пока, например, каменную плиту с места на место перетащишь, вспотеет даже то, что по своей природе потеть не должно, не обязано. Ссорившиеся, короче, выхватили ножи, помахали чуток, потом кубарем выкатились из питейного и наравались на самого *ассес-баши* (ну, который начальник полиции). И, вопреки его ожиданиям, не только не испугались, не затряслись, не посторонились, не разбежались в разные стороны, не стали извиняться и предлагать денег, а наоборот, невзирая на его зуботычины и гневно вытаращенные глаза, осмелились дать ему сдачи и даже слегка пощекотать ножиком. Правда, в ходе ссоры один из каменщиков получил смертельную рану в живот и, умирая, прислонившись к стене заведения (хозяин которого всё охал и причитал, еще бы, заохаеть тут, раз возле заведения один труп, да тяжелое ранение немаленького должностного лица, – тут не один мешочек золотых выложить придется, чтобы отстали), прошипел в адрес *ассес-баши*, которого в этот момент укладывали на носилки: «Жив еще, дяденька? Так то ничего... ничего... я не достал – другой дотянется. Жаль».

Говоря современным языком, «непростая внутривластическая ситуация усугублялась сложной международной обстановкой». А международная обстановка была – сложнее не бывает. Боязнь усиливающегося государства вчерашних кочевников, страх перед набирающей силу Европой, необходимость отбиваться от африканских племен, нападающих с юга, да и то, что было внутри, здорово пошатнулось после восстания Бедреддина. Еще немного, и все полетит в тартарары, а тут еще этот... со стихами и под подозрением, то ли любимчик Османа из Гарайолуков, то ли его доверенное лицо. Да и стихи двусмысленные. Не заняться ли на всякий случай, во избежание... стихотворец то при случае много вреда принести может... или пользы... но чтобы пользу принес – в оборот взять надо, а времени мало, времени может не хватить, и с юга нападают, и с севера, а внутри народишко совсем распустился после Бедреддина, чуть прижмешь – огрызается и, скарб распродав или же налегке, бежит на юг, а оттуда его ни конем, ни саблей не достать. Так, а может, и не так думал султан Муайяд, узнав о том, что сам Сеид Али Имадеддин Насими пришел в Халеб, войдя через Северные Ворота... и намекнул, кому надо, что неплохо было бы этого человека так... прощупать... насчет Османа, например, что да зачем, и не поддерживают ли они отношения письмами... дело тут такое, что весь Восток лихорадит, того и гляди, то одна, то другая провинция отпасть может, а с отвалившегося кусочка мозаики крах панно и начинается... фас!

...знакомых в Халебе у Насими не было, вот он и остановился в караван-сараях. А чего? Вещей мало, на подъем легок, самое в караван-сараях место... И еще говорят, что в день, когда Насими пришел в город, случилось чудо, для мест тех вовсе неслыханное... выпал снег... пролежал он, правда, недолго и растаял к полудню дня следующего... врут, наверное, хотя всякое случается, может, и выпал, во всяком случае, летописи об этом умалчивают, а что до молвы народной – так не всякому слову доверять можно, легенда... сам Халеб показался мне каким-то недолговечным, что ли, хоть и аккуратным донельзя, в старину, как мне доверительно шепнул гид, трупы казненных с главной площади обязательно до наступления следующего вечера убрали. Муниципалитет потому что, самоуправление, а потому негоже антисанитарию разводить, завтра тут, на площади, новые появятся, а старых до их появления обязательно убрать надо, опять же, площадь почистить... а вообще может быть, очень даже может быть, что все насчет снега было придумано позже, и был то вовсе не снег, а дождь, если же не дождь, то просто ветер, а если не ветер, то обычная для тех мест погода... жара, сухость, и всё то, что городу, в полупустыне расположенному, полагается... песок, скалы, да чахлые кустики... Сам Халеб (ныне Алеппо называемый) мне не понравился... пыльный, а с претензиями, старый, а молодится, толком сил нет, а разрастись старается... ну его... отольется кровь слезами горькими, обязательно отольется...

Халеб еще иногда называют аш-Шахба, серый город, город, окруженный серыми стенами... и вошел в него Насими через Антиохийские ворота, что до сих пор сохранились. Там, в Алеппо, вообще есть, на что посмотреть, зря он мне, наверное, не понравился, например, джами ат-Тута, мечеть Тутового дерева, что, по преданию, построена самим халифом Омаром. А большую мечеть Аль-Руми построил султан Муайяд... он вообще много строил, включая мечеть, что ныне называют его именем в Каире... Обет дал... когда-то на том самом месте тюрьма стояла, в которой будущий султан срок мотал (пустяки, дело династическое, спаси Аллаха, что не придушили), вот и поклялся, что если выйдет, то снесет тюремный комплекс к чертям и построит на его месте величественную мечеть во славу Аллаха... вышел, как видите, да и слово сдержал, что до сих пор по Каиру видно... слово сдержал, но личный опыт не мешал ему других по тюрьмам держать... лучше бы школу построил, глядишь, и тюрем бы меньше понадобилось...

...народная кровь содержит массу канцерогенов, и её неумеренное потребление порой заканчивается довольно трагично. Вот и султанский наместник, от которого население области претерпело немало обид, умер в мучениях, воя, подобно последней собаке, от неизвестной тогдашним врачам (табибам) болезни. Сначала лицо и руки покрылись синюшными пятнами, больного лихорадило две ночи, и не помогали ему ни примочки, ни обильное питье, ни отвар из целебных трав, ни розданные беднякам деньги (предварительно с них же и содранные) с наказом молиться за выздоровление. А на третье утро правителя прошиб обильный пот, потом слегка выгнуло вперед, он захрипел и корчился до тех пор, пока из горла не хлынул поток дурной крови. Вот и всё. Всё. Ему смерть избавление от мук принесла, а населению вилайета (области) – от кровопийцы да беззаконника свободу. Относительную. Так что ты, население, особо не радуйся, еще неизвестно, кого на его место назначат, может так случится, что новоназначенный покойного лютостью да жадностью переплюнет... так порой и случается, только, думали, дух переведем, раз уж этого на кладбище свезли, а другой уже тут как тут, на шею залезть норовит... и нечего морду отворачивать, что, неправду я говорю? А положеньице-то аховое... сначала ассесбаши, теперь вот наместник... нет ли тут злого умысла или, упаси Аллах, заговора? То-то же... нет, со всяким, в этот город входящим, осторожнее быть надо...

...верно люди говорят, что пока умный думать будет, дурак уже давным-давно реку перейдет, не зря, говорю, криком города берут, а от великого ума порой глупостью спасаются... приходится потому что... дуракам, конечно, легче, их и бьют понарошку – так, не всерьез, а если и убивают – то вообще по чистой случайности или заодно... а умных пасут... выслеживают... изучают тщательно... а изучив – хоп... ловят на глупости или невнимательности... глупых же, что сразу в реку бросаются, к делу изучения не привлекают, они всё больше на выкручивании рук специализируются... что ж, такие всякому государству ко двору приходятся, так вот и получается, что в злом деле и умным без дураков никуда, и дуракам без умных туговато приходится...

...человека извести – дело нехитрое, самое главное, чтобы он повелся, а поведясь – попался... сначала думали подметные письма подбросить, да дело больно сложное, в карман подложить – дело не из легких, да и подложенное из кармана при известном старании всегда выкинуть можно. Быстро так, раз – и готово. Доказывая потом, что в его кармане лежало, нет, тут надо так, чтобы наверняка, чтобы не отвертелся. Ломали головы, хмурили брови, за бороды себя пощипывали, брови морщили, затылки мясистые чесали, всё думали, как бы им злое дело половчее проверить. Ведь, не ровен час, выкрутится Насими – сами на его месте окажутся, и спрос тут не копеечный будет, головой да задом ответят, зад под кнут, а голову на плаху, как водится. Думайте, души чернильные, думайте... черт с письмами, подкидывать ничего не станем, так его возьмем. Найдем чего при обыске – в дело пойдет, а нет – на чем спалится, за то и ответ держать будет, наше дело маленькое, судить другие обучены...

...к такому делу надо подойти обстоятельно, не торопясь, кадры подобрать поподлее да поизворотливее, а чтоб кадры из повиновения не вышли – всегда руку на пульсе держать, контролировать, дело-то, говорю, дело больно щекотливое... и тот донос про стихи насчет Джахангира-повелителя, который (страшно подумать!) – из ширинки выглядывает – тоже на допросе может в дело пойти. Поэт-доносчик давно умер (то ли от чумы, то ли еще какая неприятность приключилась), да его и не жалко, такого добра в каждом переулке – только свистни, а вот сам донос – даром, что за давностью лет и нерадивостью хранения бумага слегка поистлела – всегда к делу приложить можно. Ну и что же, что дело в Конье, а не в Халебе было, бумага – она такая вещь, что и с другого конца света затребовать можно, не перевелись и вряд ли переведутся канцелярии и знакомства, да знакомства в канцеляриях, всё, всё, каждый клочок, каждый кусочек при случае в дело пойдет, вину или невиновность до-

казывая, бумага – великая сила! Особенно если в нужное время и в нужном месте всплывает... Казалось бы, в небытие ж кануло или в архиве за давностью лет истлело, ан нет, не забыто, и в самый неподходящий момент всплыть способно... жизнь такая в краях, где доносам больше, чем человеку, верят: вниз сплунешь – на бороду попадет, а вверх схаркнешь – по усам растечется... в пути в оба гляди, а то без глаз останешься... а чтобы наверняка извести, чтобы не вывернулся – надо что-то страшное и бесприоритетное придумать... придумали... дело такое проверить – легче легкого, правда, не у всякого рука поднимется. Решено было выследить Насими, благо, дело нехитрое, и в обувь вместо стелек страницы Корана подложить... а всё прочее – дело техники...

Было бы, короче, желание, плюс средства в наличии, а стукач под такое дело всегда найдется, и не оскудеет ими лик земной до самого Дня Гнева. Да и в тот день, поди, желающих настучать хоть отбавляй будет... если верить летописям, звали негодяя Ибн аль-Шангаш Алханафи (Алханадани, согласно другим источникам), который взялся за дело не мешкая, с неделю наблюдал да выслеживал, куда Насими днем ходит, а куда вечером направляется, с кем дружбу водит, а кого сторонится, где ему скатерку для еды стелют, где омовение совершает, куда молиться пойдет и в какой квартал в гости зовут. Выследил-таки, дождался, терпение и осторожность, да внимательность с осмотрительностью даже в злодеянии к успеху привести могут. И не проглядел, не упустил момента, когда Насими вошел в ворота дома, в котором в тот вечер должна была проходить встреча ценителей поэзии. Ну да, как-то пафосно прозвучало – «ценителей поэзии», но «собрание любителей или адептов изящных искусств» звучало бы намного пошлее, а потому пусть так и остается. Ценителей поэзии. И стоило Насими войти в ворота того самого дома, как аль-Шангаш прошмыгнул вслед за ним, потом намеренно замешкался, чтобы чуть приотстать, дождавшись же, когда Насими снимет сапоги перед тем, как зайти в помещение, просто вынул из его сапог стельки, а вместо них подложил страницы, вырванные из Корана. По завершении же злого дела шепнул, кому надо, и тот, кто надо, сразу же пошел за стражей, а аль-Шангаш вошел в собрание, сел тихонечко и, улучшив момент, обратился к Насими, уважительно обратился, имя полностью, по славе, мол, и честь: вот скажи, Сеид Али Имадеддин Насими, человек, талантом взысканный, ученый, учивший и обучавшийся, много стран исходивший и много чего повидавший, четыре языка ведающий, на трех из них стихи слагающий (не зря они так время тянули, ой, не зря, страже, чтобы подойти, всегда время нужно), что, по-твоему, надо сделать с человеком, который страницы Священного Корана как стельки для собственных туфель использует? Умучить, живьем ли сжечь, или так оставить, пусть его совесть самого заест, а Аллах Всевышний без нашей помощи накажет? Не понравился вопрос Насими, он, в конце концов, не законник, не судья, праву учен самую малость, да и сам вопрос непонятный какой-то, кому ж такое в голову взбредет? Но ответил взвешенно, подумав: наказание огнем есть prerogativa Аллаха, и никто другой этого применить да не посмеет, а оставить зло и кощунство безнаказанным – означает потворствовать ему, что к приумножению привести может. Потому такого человека надо опозорить и содрать с него кожу. Если же я ошибаюсь (*с почтением склонил голову в сторону нескольких присутствовавших там законников, потому что поэзию всякие люди любят, а кто и с чего кормится – то дело десятое*) – пусть те, кто знает лучше, меня поправят... Страже вообще любая дверь нипочем, не открывающиеся – выламывают, но тут ничего и выламывать не пришлось, ворота приоткрыты были, да и двери незапертые. Увидев же стражу, благо, и народу в свидетели вокруг хватало, вскричал аль-Шангаш, мол, вот ты, Насими, сам себе приговор и вынес, никто тебя за язык не тянул, смотрите, смотрите на обувь его, что он там вместо стелек носит... удалась, удалась провокация, провокации против людей, вроде Насими, всегда удаются, они ж только другим советы давать мастера, а свои дела у них всегда запутаны, чем

угодно думают, кроме головы, как гром грянет – дергаться начинают, может, и выпутался бы Насими, будь он похладнокровнее, но какое уж тут хладнокровие, раз подстава – страшнее не бывает, и яма из тех, куда попасть легко, а выбраться – почти невозможно... будь ты хоть двадцать раз поэт, беда, беда пришла... да такая беда, что человека на раз через колено ломает... так, на ночь глядя и определили... в одиночную камеру, чтоб места подумать хватило... а не признаться ли, мол, без постороннего вмешательства самому, пока не заставили... темнота и сырость как нельзя лучше к искренности да покаянию располагают, даже если особо каяться не в чем, а пред-рассветная пора – для допроса пора удобная, своевременная. Вот сидит человек в яме или камере, слушает, как вода о камень стучит: кап-кап, кап-кап, а мысли его уже не прыг-прыг, как при задержании, за что да почему, пришли, пришли мысли в порядок, уступили место здоровым думам да размышлениям. Но и те, кто допрашивают, мыслят основательно: если не спал – то думал-размышлял, раз думал – то есть шанс, что размяк, а если размяк – так самое время его на допрос вести, может, и без костей ломания признается, если допрашивающим повезет, конечно... ну, при известном старании, разумеется... нет, не позвали... а неизвестность – она допросу первая помощница... сиди, Имадеддин, раз уж попался, и по дороге в темницу, руку вырвав, убежать не получилось... не додумался, чего уж там...

...жил да был человек. Не хуже других жил, честное слово. И забор такой же, и стены известкой белены, по праздникам мясо в плове, по будням – каша пшенная. Бегал в детстве с обручем от бочки, купался в арыке, так кто в том возрасте-то не лоботрясничает? Но миновало детство, пронеслось воздушным змеем отрочество, а вскоре и юность закончилась... Раз вырос – пора жениться, ну, женился раз, двух детей завел, да как-то наскучило всё, обрыдло, помусолил и, короче, сплунули обоюдно и разбежались себе с Богом, спустя год женился в другой раз, снова прижил двойню (такая благодать не каждому выпадает, не иначе, как возлюбил его Всевышний, раз уж за один раз сразу двумя одарил), но что-то снова то ли не то оказалось, то ли просто не заладилось. Деваться, короче, некуда, и не привязан, вроде бы, а визжать почему-то повизгом охота... и тут как раз набор в действующую армию... Ну как тут на службу-то шахскую не пойти, ну как тут от вод подступивших не сбежать? Ну да, правильно, всё скорей от безысходности да с безделья, чем от храбрости безрассудной... подался в сотню, пообтерся, научился и строем ходить, и доспехи до блеска песком надраивать, и сабельные выпады отражать, и самому рубящие удары наносить при случае, а также овладел прехитростями заточки... это ведь только со стороны кажется, что всего-то делов – води себе камушком по лезвию... это ведь целая наука, какой камень для какого металла выбрать, как часто его смачивать, и что мочить, металл или камень, как наклон держать да чем по чему водить – то ли камнем по лезвию, то ли лезвием по камню, да и направление, опять же, к себе или от себя, все, короче, от типа сабли и ее назначения зависит... вперед наш новый знакомый не лез, не высовывался, ни перед кем особо выслужиться не старался, но и от сослуживцев не отставал, дело своё знал, ляжку тянул делово и упрямо, и как начались стычки-столкновения да прочие военные неприятности, быстро в сотники выбился... Из сотников вообще прямая дорога наверх, некоторые до куда больших чинов доби-рались, а самые прыткие иногда даже на шахский трон попадали... время такое, карьерному росту способствовавшее, вот как одногодок лихолетье выкосит, так и начнет судьба первого, кто под руку попался, из колоды вытаскивать да вверх толкать... и вовсе тут не всё и вся от везения зависело... ведь как ни крути, а «первый» – ключевое слово при любом раскладе... поднялся человек, поднялся на зависть многим, но поднявшись, совести не растерял, на это, видно, особое умение нужно... звали его Фатхуддин аль-Малики, из простых, из сотников, а гляди, куда взобрался... верховный кадий... решения старался выносить честно, потому как Бога боялся и совестью мучился... с судьи, при случае, ТАМ, да и вообще, как ни крути, спрос строже будет...

...коллегально решать судьбу человечкину, конечно, сподручнее. Легче. Всегда, в случае чего, есть шанс отгавкаться, мол, лично я против всего этого был, они сами всё затеяли, а меня просто для ровного счета пригласили... По делу Насими тоже целое собрание созывать пришлось, никто сам решения выносить не хотел, потому что, во-первых, нового наместника султан еще не назначил, сам его величество далеко, в Египте, а тут еще и обыск кое-какие результаты принес. Письма обнаружили. Не одно и не два, а целую связку. И все от Османа Гарайолука. Ничего особого в них не было, Осман всё звал Насими обратно, в Диярбекир, должностью соблазнял да простором административным, но всё-таки... Дело-то вырисовывалось политическое. Поди угадай, куда ветер дует и что у султана Муайяда на уме. Отпускать Насими нельзя, головы полетят, да и свидетелей предъявленного обвинения, почитай, с два десятка, а казнить его без санкции сверху тоже боязно. А единолично решение принять – и того страшнее. А потому... пятеро... впятером решали, впятером оно все ж безопаснее... шейх ибн Хатиб аль-Насири, шейх Иззуддин Ибн Аминуддовле, верховный кадий Фатхуддин аль-Малики, его коллега Шихабуддин аль-Ханбали и шейх ибн Хилал, по прозвищу «Лисоглазый» – за разрез глаз и предусмотрительность... мужи все ученые, искушены как в делах дворцовых, так и в казусах юридических. Не первый год суд правят.. суд правят, суд праведный, правый да на расправу скорый, так ведется Игра, и так играют те, кому играть позволено...

ибн Хилал: Этот человек достоин смерти.

аль-Малики: Казнь на основании доноса? Это поэт. И я даже допускаю, что он ляпнул что-то в состоянии поэтического восторга и вдохновения, но чтобы вот так... страницы Корана. Нет, нет... Да и не доверяю я этому аль-Шангашу.

ибн Хилал: А при чем тут твое доверие?

аль-Малики: Великий грех проливать невинную кровь, я допускаю, что это зависть и оговор.

ибн Хилал: Зависть к чему?

аль-Малики: А ты стихи его почитай. Или послушай, на слух они даже лучше, чем с бумаги. Не зря их весь Алеппо распевает.

ибн Хилал: Стихи тут ни при чем. Хотя уверен, что при желании и в его стихах можно найти повод для наказания, и не один, причем.

аль-Малики: Да будет по слову твоему, ибн Хилал, но скажи, напишешь ли ты обвинительный приговор собственноручно?

ибн Хилал: Напишу. А вы его утвердите и подпишете.

аль-Малики: Если будем согласны с написанным.

(ибн Хилал что-то пишет на листе бумаги, потом отдает его аль-Малики, тот внимательно изучает написанное, и передает дальше. Кадии и шейх, ознакомившись, отрицательно качают головами).

аль-Малики: Видишь, ибн Хилал, не по душе твой приговор собранию. Ни уважаемые шейхи, ни почтенные кадии не находят Насими виновным в богохульстве, ереси и отрицании Бога. А доносы аль-Шангаша и Джихангира – основание недостаточное для столь сурового наказания.

ибн Хилал: А письма, письма от Османа?

аль-Малики: Об том рассуждать нет полномочий ни у меня, ни у тебя, ни у почтенного собрания, при всем к нему уважении. Мы призваны рассматривать дела, а не домыслы, что доносами навеяны. В письмах же от Османа я крамолы не вижу, он писал их Насими, как обычно пишут старому знакомому, и предлагал поселиться в Диярбекире. Потому предлагаю следующее: до поры оставить Насими под стражей, пусть его допросят и о выведенном нам доложат, потом пусть он перед нами предстанет, после чего пошлем гонца к султану Муайяду, да продлит Аллах его годы, ему

видней будет, лежит ли вина на Насими или нет. Дело к вере отношения не имеет, оснований не вижу.

ибн Хилал: Непрост ты, великий кадий, ой, непрост.

аль-Малики: Так не первый год живу, и не второй день дела рассматриваю.

ибн Хилал: Я не к тому. Просто это дело ты рассматриваешь, словно в темноте бредешь, вперед себя руки выставив. Чтоб ненароком на гнев султана не наткнуться. Приговорить боишься, вдруг султану не угодишь, и отпустить не рискуешь, чтобы под гнев не попасть. Вот и решил его до поры в темнице подержать, ведь пока письмо до Египта дойдет, в темнице той всякое случится может. Или неправ?

аль-Малики: Неправ, ибн Хилал. Неправ. И клянусь Аллахом, глубоко твое заблуждение. Мне стихи его нравятся. Я свое слово сказал, уважаемые. Потому предлагаю на сегодня закончить, и без того время позднее.

ибн Хилал: Да будет по слову твоему, почтенный аль-Малики. Соберемся в том же составе после того, как Насими допросят. И перед нами в том отчитаются.

аль-Малики: Спасибо, уважил мои седины. Потому не взыщу с тебя за упреки в страхе перед гневом султана.

ибн Хилал: Не взыщи. Знаю, что и на тебя доносы по три штуки в месяц приходят.

аль-Малики: И ты хитер, ибн Хилал. Не зря тебя в народе Лисоглазым прозвали. Соберемся в том же составе, дело говоришь. И обязательно Насими пригласим да послушаем. А там – султан мудр, а Аллах милостив...

(Расходятся)

...как аль-Малики порешил, так оно и случилось, помариновали Насими парутройку дней, думали, вот размякнет, сам всё, как на духу, выложит – и что было, и чего не было, а как минул срок отмерянный, повели на допрос. Как полагается повели, руки за спиной, голова вниз, один впереди, один сзади, на всякий случай. Хотя куда от них денешься-то, в одиночку? Это только плов одному кушать интересно, а для любого другого дела, для побега, в частности, минимум, еще один нужен... довели, подталкивая, до двери, за которой сидела пара-тройка чиновников небольшого ранга, чья работа заключалась в ведении допросов, допросов и еще раз допросов. Ну, и в прочих делах, служащих добыче доказательств... Не попадайся, а попавшись – не плачь, не поверят... пыльные человечки со стеклянными глазами, что в самую душу заглядывают, стоишь, если сесть не предложили, вины за собой не чуешь, а всё равно дрожь пробирает...

– Так так. Насими. Сеид Али Имадеддин. *Совершенство, избранница, чудо любви, диво страсти, Ты – кумир мой, Кааба, ты – гурья райского сада.* Кумир, Кааба. И всё это про чудо любви. Твоё?

– Да. Это словесные обороты. Они испокон веков в литературе приняты. Особенно в поэзии.

– За такие обороты и не в такой оборот берут. Очень на богохульство похоже. Твоё, спрашиваю?

– Моё. Не краденое же, стыдиться нечего.

– Я б на твоём месте этим не гордился. Ты лучше честно скажи, что за помыслы за этими поэтическими оборотами сокрыты.

– Когда-то одна девушка упрекнула меня в том, что я всегда за неё домысливаю. Я объяснил это тем, что она вечно чего-то недоговаривала. А теперь меня обвиняют в том, что я чего-то недоговариваю, и на том основании за меня домысливают.

– Ты на вопросы отвечать будешь?

- Стихи уже ответили. На все вопросы.
- Ладно, к ним мы еще вернемся, если понадобится. А чему ты души юные в медресе учил?
- Тому же, чему меня обучили. Слову Аллаха и пророка Его.
- Ты перевирал слово Божье и сеял смуту, выдавая свои слова за слова пророка.
- Я не говорил ни слова неправды. Разве не наш пророк говорил о запрете мужчинам носить золото и шелковые одежды? Разве он не говорил, что нет преграды между Богом и молитвой угнетенного? Разве не он и те, кто были до него, проклинали пожирающих имущество вдовы и сироты?
- А что ты скажешь насчет страниц Корана, Священного Корана в твоих башмаках?
- Я уже сказал и до того, как меня сюда привели, и снова повторю: сделавший это заслуживает жесточайшего наказания и позора.
- Ты, вроде, говорил что-то насчет снятия кожи?
- Да. И от слов своих не отступаю. В чем клянусь Аллахом и подножием престола Его.
- А кто может уверить нас в том, что ты человек добродетельный и благонамеренный, чтобы твоя клятва была принята? Страницы Корана в башмаках – очень и очень серьезная улика, что бы ты теперь ни говорил и как бы ты теперь не клялся. Да и стражники говорят, что когда тебя брали, от тебя сильно вином пахло.
- Оставляю эти слова на их совести. А что до вина – так и ты, говорят, его не чураться. И маковым соком здесь тянет.
- Твое дело маленькое – не о моих грехах говорить, а думать, как бы самому оправдаться. Тут на днях еще одну бумажку доставили. Оскорбление величества.
- Оскорбление величества? Что за бред и при чем тут я?
- Ну как же. Вот. «...и упомянул в одном четверостишии слова «джихангир» (повелитель) и «ширинка», что есть явное неуважение и оскорбительное поношение тех, кому власть дарована от Всевышнего». Ну, что на это скажешь?
- Слог отвратительный, вот что скажу. Поношение всегда оскорбительно. Оскорбительное поношение... Знаю я, кто этот донос написал. Риторике у цирюльника учился, а стихосложению у торговцев кизяком. Вот и проиграл соревнование. А проиграв, донос написал. От злобы и зависти. Его, его Джихангиром звали, я его имя в одном четверостишии с ширинкой упомянул.
- Ну, это еще доказать надо. А оскорбление величества – вот оно, передо мной, на бумаге. А если что на бумаге записано, то это, считай, уже доказано. А твои слова кто подтвердить может?
- Да хоть бы конийский распорядитель. Если от старости не умер, конечно. И дюжина поэтов, что там присутствовали. Ну, или Ходжа Насреддин. В Конье мы вместе были.
- Славный свидетель, нечего сказать. Для него, для твоего Ходжи, своя веревка найдется, а тебе самое время о своей шее подумать.
- Всё в руке Господа – и жизнь, и смерть, и веревка, и отсрочка. Я свое слово сказал, поклялся именем Господа, что не носил в башмаках страниц Корана, а донос Джихангира Дуньямалы – так насчет него я всё объяснил. Зависть и бездарность человеческая. Не исключу, что и подложившим мне в башмаки страницы Благородного Свитка двигало то же самое.
- Красиво говоришь, Имадеддин. Красиво. Только история слишком некрасивая. Не верю я тебе. Да и не хочу верить. Мало ли, что у вас, поэтов, на уме да в душе. Тьма да бездна рифмованная.
- Что на уме – то ты уже слышал, не скрываю, а что в душе – то на бумагу излито да среди людей читано.

– По базарам да чайханам?
– Во многих местах случалось.
– И даже во дворцах?
– Немного. Раза два или три, не больше.
– Где? В каких дворцах? При дворах каких государей? Сам ли явился или по приглашению?

– Ты задаешь вопросы, ответы на которые тебе известны лучше, чем кому бы то ни было. По дворцам без приглашения не ходят, всё одно не пустят. И ладно бы только в шею вытолкали.

– Да, могут и с живого кожу снять. Не так ли, Насими? Твои слова?

– Мои. И я от них отказываться не намерен. Осквернивший Коран да будет проклят и опозорен и в этом, и в будущем мире.

– Язык человека, чтобы остальное тело от боли спасти или вышестоящему угодить, что угодно сказать может. Ладно. Устал я от тебя, пусть диван решает, что с тобой делать, а я и так вижу. Упорствуешь в злодеянии, отговариваешься, отпираешься, а это только вину усугубляет. Ты бы раскаялся, признался, может, и отнеслись бы к тебе со снисхождением, мол, действовал в поэтическом восторге, не имел дурных намерений, а если и козничал, то только по молодости, недомыслию и наущению. И поведал бы нам, что у Османа Гарайолука был по его, Османа, приглашению, и подговаривал он тебя к богохульству и козням против повелителя правоверных, султана Муайяда, да продлит его дни всемогущий Аллах. Помоги нам, и мы тебе помогать станем. А иначе – петля в лучшем случае. Так что ты подумай на досуге, но не затягивай, времени у тебя – самая малость осталась. А что с тобой дальше делать – пусть диван (суд) решает, так начальству и доложу, как рассветет. Надоел ты мне. Да, и еще, в твоей комнате в караван-сараях сейчас обыск идет, так что что-нибудь мы да найдем. Найдем обязательно, раз отпираешься да сам показать не хочешь. Уведите.

...что, Насими, не нравится, да? Вон, кисти рук, кровообращение восстанавливая, растираешь ежеминутно, занемели, поди, занемеют, конечно, само собой, занемеют, если их за спиной веревками стянуть.. а вот не болтай чего попало при ком ни попадая, а вот не разговаривай громко, когда можно сказать тихо или вообще промолчать, а вот не молчи там, где громко одобрение выражать полагается, а вот не шмыгай носом, когда все вокруг улыбаются, а вот не хлопай, не хлопай ушами, когда все вокруг деньги зарабатывают... поделом, получается, выводов не делаешь, не в первый же раз тебя в застенки кидают... правда, такого обвинения никогда не предъявляли, обидно... а капли воды, что по сырой стене сползают, очень на слезы человеческие похожи... тюрьма, тут многие плакали, не ты первый, не ты и последний, пока есть решетки на окнах, кто-нибудь в них нет-нет, да руками изнутри и вцепится... ай-яй-яй...

...случилось всё по слову аль-Малики, диван, с одной стороны, ожидал реакции султана, а с другой – того, что Насими в заключении расколется и сам попросится на допрос. Истоскуется без бумаги, соскучится по ветру, и развяжет ему язык та веревка, что руки за спиной стягивала. А если невиновен окажется, да султан настаивать не станет – отпустим, разумеется, не возьмем греха на душу. Но подождем, что султан решит, как он решит, так ему перед Богом и ответ нести, с государя и спросиной, вроде, как с поэта... наверное... ладно, приведите Насими, диван собрался...

– Ну, что расскажешь?

– Для начала поздороваюсь. Здравствуйте. А что рассказывать? Вызвали – спрашивайте. А я пока запястья разотру, онемели.

– И тебе здравствовать. Растирая. Смотрели вот – стихи, письма. Думали. Поговорить решили, расспросить кое о чем. Например, когда и зачем с Османом Гараюлуком встречался, о чем разговор шел.

– Давно встречались, я уже и не припомню, когда точно. А говорили мы о школах и литературе. Он предлагал мне остаться в Диярбекире.

– А чего ж ты отказался?

– Была бы моя воля, я и в Алеппо долго не задерживался бы. Не люблю я долго на одном месте сидеть, хотя порой и приходилось.

– Что же ты так... приходилось, а?

– Не по своей воле опять же.

– Хорошо. Насчет школ, говоришь... А о Боге что в мечетях и чайханах болтал?

– Поклонение Ему без знания содержит вреда больше, чем пользы... это не я говорил, это говорил наш пророк и посланник... изучайте, читайте, читайте, идите за три моря, если это принесет вам знание, и не зря, не зря первая ниспосланная (сура) начиналась со слова «Читай» и называлась «Калам»...

– Тут не глупее тебя люди собрались. Знают, что и когда ниспослано было.

– Зачем тогда под замком держите? Я уже сказал всё, что знаю.

– Но ты и словом не обмолвился о том, о чем тебя спрашивали.

– Об Османе ответил, насчет Бога, вроде бы, тоже.

– Стихи твои двусмысленны, мысли иногда опасны. Это, например, звучит подозрительно: *«знай, человек, в любые времена лишь прозорливым истина видна, познал ты сам себя – стал прозорливым, сам не познал себя – твоя вина»*.

– И что тут не так?

– Что тут так, а что не так – мы решаем, не первый день живешь, не в первый раз пишешь, из написанного вину извлечь – дело легкое. Это, например, *«и толковал богач всю жизнь об этом и о том, столь скудной мысль была, а речь пустопожней»* – по-разному истолковать можно. Как повернуть, что называется.

– А Аллаха не страшитесь, слова написанные или сказанное по-иному истолковывать?

– Мы и другого страшимся.

– И не знаете, кого больше бояться? Власти земной или небесной?

– Тебя так просто отпускать глупо. Дел и делишек за тобой водится предостаточно, от связи с хуруфитами до стихов смущающих, двусмысленных. Доносы, опять же, что ты в людных местах не раз восхвалял Мансур аль-Халладжа.

– Пророк не велел верить доносам, а имя Мансура я не славил. Просто в стихах пару раз упомянул.

– Пророк не велел, а вот султан спросить может. И как, например, ты объяснишь это: *«твои глаза – Коран, и на земле есть лишь любовь, и ничего иного»*?

– Интересно, почему вы не обращаете внимания на другие строки, например, *«нет»* и *«кроме»*, к таухиду (строгое единобожие) *стремясь, молви эти два слова, Бога нет, кроме Бога Единого – святее не выискать зова»*.

– Изворотлив ты. Не всякий написанное наизусть помнит.

– Я страшен вам, а не изворотлив. И не надо усмешек. Я страшен вам хотя бы потому, что из всех здесь собравшихся один верю в Него по-настоящему, верю так, как Он того от нас требует. И вера моя сильнее вашей. Сильнее веры любого, живущего в этом городе. В разы, в разы сильнее. Простой народ, который вы соберете на площади, верит потому, что вы отняли у него всё, кроме надежды на Всевышнего. А сами вы верите в Него только потому, что боитесь потерять жирную баранину на блюдах из китайской глины (*фарфор*), обращенные к вам и внимающие лица простолюдинов да халаты, что по краям золотом расшиты. Вы боитесь. Просто боитесь потерять всё это, и цена веры вашей мне известна. А мне известное Ему и подавно ведомо.

- За одно предложение это... за одно только сопоставление это ты смерти достоин.
- Знаю... знаю мысли ваши...
- Боишься?
- Истины? Нет. Я и есть частичка её, я и есть частичка Его.
- Ты есть истина?
- Я часть её.. Она даже в вас есть. Даже в вас, несмотря на то, что превратили вы место суда в место беззакония, и место правды – в приют неправды.
- Стража, уведите его обратно.

...и подталкивала Насими стража в спину копьями, и тыкала в затылок эфесами сабель кривых, не по злобе, конечно, а порядка ради, чтобы суд творящие, усердие заметив, оценили или, наоборот, усердия не заметив, не взыскали при случае, куда денешься – служба... А из зала выйдя, да до лестницы, что в подземелье ведет, дойдя, извинялись долго, пойми, мол, Насими, да зла не держи, ты не свидетельствуй, не свидетельствуй против нас в День Гнева Господня, пожалуйста, сам понимаешь, дети у нас, жены, податься некуда, вот и пошли за куском горьким, за куском сиротским, в вертухаи, и род опозорили, и имя стыдом покрыли, ты прости нас, поэт, прости горемычных, не со зла мы это, не по блядству, и светильник в зиндан принесем, и одеяло поновей да посуше, и тюфяк раз в два дня менять станем, и как начальство за ворота – вне очереди на прогулку выведем, и поблажки всякие при первом случае, ты только прости, прости нас, Имадеддин, прости нас, пожалуйста...

...а жизнь в зиндане стиснута в промежутки времени только если в зиндан оный свет проникает. А если там света нет и не предвидится – то промежутки временные можно по всякому мерить. Если, скажем, сторожа со шмоном пришли – считай, примерно дня два миновало, если они же еду принесли – то день Божий прошел, а если принесли в зиндан два хурджина с едой – то друзья да родные, получается, не забыли и позаботились... а не можешь счет времени по передачам вести (ну, не несут ничего друзья и родственники, то ли сами в чём нуждаются, то ли узника больше знать не хотят), а стражники шмонать вконец обленились – сиди себе возле стеночки на тюфяке, подбородок к коленям прижав, стенами интересуйся, читай, что на них до тебя сидевшие написали, думай, что сам напишешь, и гадай, что те, кто после тебя сюда сядет, на сырости нацарапают... не обманули стражники, не наврали, Бога убоявшись, и одеяло принесли, и тюфяк меняли, всё по сказанному, всё по обещанному, со светильником, правда, накладочка вышла, нет, не забыли, а расколотили при переноске вдребезги, оступились на ступеньках сырых... ну, слабость человеческая, несовершенство людское, неаккуратность, но по делам людьми судимые – Богом за намерения осуждены или помилованы будут, а потому – от нас им всё равно спасибо, а от Насими – так то тем более... может быть, в стражниках еще оставалось что-то человеческое. Ну, или что-то от человека. Вообще, казалось, что они не приходят на работу по своей воле, а убегают на неё. От жен, например. Или забот домашних... А поэт известный, под раздачу попавший, тут совершенно ни при чём, к их ссорам да неурядицам семейным отношения не имеет, потому и срываться на нем не по-людски, хотя и очень по-вертухайски... что ж поделаешь, издержки профессии, накладывает отпечатки, озлобляет душу, вытравливает человеческое, но, видимо, всё дотла выжечь-вытравить не в состоянии... была, конечно, смена, где пара охранников постоянно на него зубами скрежетала, не любили они его, то еду самому последнему принесут, то, будто бы невзначай, на лежак наступят, пакостили по-мелкому, потому что на большое ни умом, ни должностью не вышли... а он сядет и шепчет, так шепчет, чтобы сокамерникам не мешать... охрана войдет, скажем, а Насими из угла читает нараспев: *«И поставил Я людей порочных властителями всякого селенья»*, –

шептал он коранический аят, чем приводил охрану в совершенное бешенство... сидел, уставившись в одну точку, и шептал как бы в забытьи, повторяя снова и снова: «И поставил... поставил Я людей порочных властителями всякого селения»... они, охранники из бесстыжих, очень, конечно, недовольны были, но деваться некуда, сура из Священного Корана, не прикопаешься, а не дай Бог затрещину отвесишь – так и самому за ересь да оскорбление величия Божьего загреметь недолго... ладно, сиди, бормочи, всё равно наша взяла, молишься – не молишься, в углу затих или камеру шагами меряешь – всё равно от этого сидеть не перестаешь, не прекращаешь, вот и получается, что слово Божье – словом Божьим, а наше, вертухаево слово, тут, возле камеры, во всяком случае, чуть-чуть посильней будет. А что с тобой дальше случится – то одному Богу ведомо, а что Он ведаёт – как письмо султана придет, ясно станет...

...а под вечер город устал, так всегда случается с теми, кто работает на износ весь день, он прикрыл глаза, он смотрел на закат сквозь густые ресницы, он тяжело дышал, ему так не хватало простора и воздуха, ему хотелось стряхнуть с себя пыль, расправить плечи, потянуться, может быть, даже, похрустеть позвоночником и просто, сидя на холмах, любоваться закатом. Но такая роскошь ему не по карману, за нее придется заплатить разрушенными стенами и поваленными минаретами, высохшими каналами и надломленными деревьями, опустевшими площадями и базарами, кузницами с погасшими горнами и сладковатым запахом разлагающихся трупов... впрочем, чего-чего, а запаха трупов ему всегда хватало, всех казенных сбрасывали прямо в городской ров, подержав пару дней на центральной площади для устрашения. Город устал. Город просто устал, такое иногда случается не только с людьми... пять тысяч лет – это большой, это очень большой срок... ложатся улицы морщинами, стоят стены дыбом и рассыпаны храмы веснушками... а подбородок рвом очерчен... тем самым, куда трупы казенных скидывают, и лежат там трупы тихо-тихо до самого Дня Воскрешения, до самой трубы ангела, до дня, когда мертвые восстанут, до часа, когда погребенную заживо девочку и мужчину с содранной до самых костей кожей спросят, за совершение какого греха они были убиты...

...по решению султана, немедленно утвержденному лицами, присутствовавшими при вскрытии полученного письма (а именно: шейхом ибн Хатибом аль-Насири, шейхом Иззудином Ибн Аминуддовле, верховным кади Фатхудином аль-Малики, его коллегой Шихабудином аль-Ханбали и шейхом ибн Хилалом по прозвищу «Лисоглазый») Насими был приговорен к снятию кожи, после чего его отрубленные руки и ноги были посланы для устрашения владыкам краев сопредельных. Осману Гарайолуку, например, чтоб даже не думал своей политики против государства мамелюков гнуть, гляди, мол, что вчера Насими было – то, при случае, завтра с тобой приключится может... тело же, без рук, ног и кожи на семь дней оставили на площади для внушения страха врагам внутренним, потому как врагам внешним напоминание уже отослали...

ГЛАВА САМАЯ-САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ, ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКАЯ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ.
МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ – СТУК ДОЖДЕВЫХ КАПЕЛЬ ПО ОКОННОМУ
СТЕКЛУ... ЭТО, ПО МОЕМУ СКРОМНОМУ РАЗУМИЮ, ЛУЧШАЯ В МИРЕ МУЗЫКА...
САМАЯ ЛУЧШАЯ В МИРЕ МУЗЫКА, КОТОРАЯ НЕ ЗАКОНЧИТСЯ ДО ТЕХ САМЫХ ПОР,
ПОКА ПО РЕШЕНИЮ ПРЕДВЕЧНОГО МИР НЕ ПРЕКРАТИТ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ.

*...распевая десятую свою песенку,
но когда он спел последнюю, –
этого не знает никто...*

Шарль де Костер «Легенда об Уленшпигеле»

...почти заканчивая работу над этой повестью, я случайно натолкнулся на пре-
интереснейший текст одного средневекового историка... просто процитирую, остав-
ляя, что называется, право делать выводы и домысливать самостоятельно: «Насими
находился в Антабе (*город, находившийся примерно между Алеппо и Антиохией*) и был
близким другом вали (*губернатора*). Недруги и завистники поэта, решив поссорить
его с городским головой, тайком вложили в обувь Насими кусок пергамента с текстом
коранической суры «Йа син». На суде Насими был приговорен к лишению кожи, ко-
торую он будто бы взял с собой и отправился в Халеб»... то ли легенда, то ли ино-
сказание, то ли еще чего, не знаю, но мне очень, очень хочется верить, что всё было
именно так, и Насими совершенно не умер, даже лишившись собственной кожи, а, до-
бравшись до Халеба, отсиделся у какой-нибудь одинокой женщины с большой и упру-
гой грудью, после же, по весне раны подлечив, отправился странствовать дальше...
было бы мясо, а кожа как-нибудь да нарастет... хочется, очень хочется в это верить,
знаете ли, а не только на бабе ерзать... верить, дорогой читатель, верить, что не умер
он вовсе, что не убили его, да не поймали... Чуть не забыл, чуть было не опозорился,
обещание нарушив, насчет перевода стихов в самом начале повести приведенных...

Mənə siğar (*пауза*)
İki cahən (*пауза*)
Mən bu cahana (*пауза чуть покороче*)
Siğaram...

**В меня вместятся оба мира
Но в этот мир
Я не вмещусь...**

...ну, вот, пожалуй, и всё... хотя...

...говорят, Ходжа, узнав о казни Насими, примчался в Халеб ровно через 3 дня
и даже попытался поднять там бунт, всякую правду ремесленникам нашептывая... но
это уже совершенно другая история о мусульманском бунте, в котором пощады и
смысла едва ли больше, чем в восстании православных... тут жгут кипарисы и взла-
мывают двери гаремов, а там – терема в клочья разносят, и приказных дьяков в про-
руби топят... после двух дней беспорядков султанские войска вытеснили восставших
из города и, загнав в ущелье, перебили из луков... самое что ни на есть настоящее
«Утро псового лая»... Ходже удалось уйти и отсидеться в скалах, он несколько раз
чуть было не выдал себя скрипом зубным, хрипом гортанным да дыханьем пере-
хваченным. А может, и ногами при этом судорожно дергал, осыпание камешков вы-
зывая. Всё о нем, всё о Насими сожалел матерно да отомстить желал, так отомстить
желал, так желал, что аж пыль на зубах скрипела, словно в мечтах своих он уже тот
город проклятый с лица земли до самого основания стер и, над властями вдоволь в
зиндане поглумившись, на рынок рабов свез вместе с детьми и женами... хотя, может,
он это за себя так беспокоился да нервничал, говорю, нервничал, чтоб не поймали...
то всё равно одному Богу ведомо, что там себе Ходжа переживал да думал, но только
то доподлинно известно, что выбравшись из ущелья да патрули миновав, сразу в Ак-
шехир направился и с тех самых пор сидел в том Акшехире тихо и праведно, изредка
после молитвы вечерней «и свет, что пронзит все людские сердца» себе под нос бор-
моча, да прошлое вспоминая... в Рамадан же обязательно за душу Насими молитвы
возносил да нищую братию из за год отложенного оделял, с просьбой молиться за
поэта ободранного... там, в Акшехире, он, говорят, и скончался спустя десяток лет,
преставился, как и подобает доброму мусульманину, в окружении жены, детей и вну-
ков... говорят, своего старшего сына, первенца, он так и назвал... Имадеддин... в па-

мать об Имадеддине Насими, в память о Насими из Ширвана, самого Насими Шемахинского... а вообще... вообще, мало ли, что на Востоке говорят... понараскажут там всякого, в особенности на ночь глядя... с самой ведь казнью Насими тоже несколько легенд связано... если верить одной из них, то помощник кадия, в гневе праведном бородой потрясая, возвопил прегромко: «Это Насими, это отступник, флегма его ядовита, и да будет проклято и сожжено место, куда падет кровь человека сего». Бог же шельму метит, а кровь при казни всегда в разные стороны брызжет. И попала капля крови казнимого прямо на палец вопившего... волной пошел ропот по толпе люда черного, давай, мол, исполняй сказанное, пожалуйста палец на жаровню, мы, мол, молчали, Насими, тот, если и кричал, то от боли нестерпимой, а слово насчет крови и места тобой брошено было... завертелся тут человек с должностью, не надо, мол, слова мои буквально понимать, иносказание это, иносказание, правоверные, и ничего более, хе-хе, что вы, в самом деле, ну, пролилась кровь его на песок сухой, не будем же мы песок сжигать, не горит он, песок, ни с кровью, ни без крови. Пороптал народ самую малость и замолк, смущенный видом стражников зверовидных, что площадь оцепили... доспехи начищены, щиты на солнце так и сверкают, поди, побунтуй при такой диспозиции... враз ведь конституционный порядок наведут да к миру принудят... ведь древко копья в межреберье – для конституций чтоб без возмущений – самое первое дело... пришлось промолчать... так что не всё обещанное исполняется, не всё пролитое загорается, не все обещающие соглашаются, но все пролитое зачтется обязательно, не тут, так там, уважаемый читатель... тоже по слухам, ну, или по легенде, через два года помощника кадия обвинили в ереси и государственной измене и тихо-нечко, чтобы не было великого шуму, придушили в яме... так-то вот, активисты-красноповязочники, его судьба вам наука, не тяните рук ввысь на собраниях, попридержите гневные взоры и речи обличительные толкать погодите, потому как что с Насими вчера было, завтра вам выпасть может... его-то, Насими, в смысле, хоть на века запомнят, а вас спишут... под несчастный случай или случайный инфаркт, когда в массовке надобность отпадет... а отпадет она, надобность, то есть, обязательно, хотя бы на данный короткий исторический момент... забавнее некуда, и вы будете очень долго смеяться, но по прошествии трехсот лет Насими таки удалось утащить за собой на тот свет еще пару человек... Поэта Армении, Будаха Амтеци, приговорили к сожжению на костре за чтение стихов «бунтовщика и грешника Насими и за последовавшее за чтением взбудораживание черни»... клянусь Аллахом, без пяти минут статья «за нарушение общественного порядка» – то ли из Кодекса об Административных Правонарушениях, то ли из самого Уголовного, и да пойдут они оба на подтирку в месте безводном... (пару раз привлекался по молодости лет, статья знакомая, и вообще, не надо упреков, я и так знаю, знаю, что мельчаем... уже не сожгут, шкуры не снимут, на стадионе, руки сломав, не расстреляют, да и слава Аллаху, кстати. Недовольства лично я по этому поводу совершенно не выражаю, а вовсе даже наоборот, доволен донельзя, в некотором роде... не надо, не надо, жил бы Насими в наше время, так сломал бы по пьянке стеклоблок кулаком, а осколком б себе вены вскрыл, на срам окружающий глядя да отплевываясь)... Хачатура же Дигранеци, другого армянского поэта, за пьянство и громогласное распевание стихов приговорили к тому же, к чему и Насими задолго до этого... ну, раз по соседству живем, то аналогично и получаем, всё по правилам, поровну, по справедливости... ну, подробнее о них ничего сказать не могу, потому что из всех армян знаю только тещу свою несостоявшуюся да Ашота-Водолея... у так и несостоявшейся тещи (порой мне самому кажется, что всё это тоже во времена Насими случилось и никак не позже), я подробностей про Будаха да Хачатура не выспрашивал, по причине вполне понятной стеснительности (чего, говорю, там спрашивать, если не состоялся), а Ашот мне толком ничего не ответил, но всё равно ему спасибо, он хотя бы постарался, да ссылку подбросил, но и там я ничего толком о Будахе с Хачатуром не выискал... одно только

и знаю, что Будаха сожгли, а Хачатура живьём ободрали... а всё за него, за Насими родимого, за восторги неуместные, за декламацию и глаза закатившиеся... принял католикос всех армян или там патриарх Стамбульский на грудь вина дорогущего, затанулся табаком ароматным и подмахнул приговор подписью размашистой, чернилами на края его, приговора, то есть, брызгая... не читая, подписал, наверное... потому как и без того начитанный, раз есть хоть слово про Насими – значит, обязательно что-то против порядков устоявшихся, про всё к ногам женщины, а не церкви-матери, про миры разные, в одном человеке единые, а какие там миры разные, когда Бог есть Бог, а мир есть дьявол, какие такие вселённые-незаселённые в человеке одном, человек такой бесом одержим, не иначе, получается... ну, беса изгоним, а человека накажем, для этого у нас и книжки для дела сего потребные имеются, и арсенал целый для нужд разнообразных... от изгнания до наказания... под колокольный звон, под крики глашатая, при большом стечении народа, с Божия попущения и властей светских позволения соответствующего... свиток со стихами же перед тем на спине наказуемого сжечь уместно было бы, в назидание прочим, современникам и потомкам далеким... а то развелось, понимаешь... Так что, Насими, *«свиткам же со стихами твоими не раз и не два суждено сожженными быть, разорванными да растоптанными... многих участь твоя за слова или восклицания, что с твоими схожи, постигнет, многие еще полягут, кто на плаху, кто от болезни сердечной, а всё за то, что стихи твои повторять будут, перепевать, подражать, вытанцовывать да переиначивать...по следам твоим, всё по следам твоим, Насими»*... говорили же вам, дуракам, мордой в судьбину его тыкали, так нет, всё туда же, не сидится спокойно... соблазнил-таки малых сих, соблазнил... но об этом я уже, кажется, писал, а всем прочим – наука: был каплей спермы, стал лужей крови... какое-никакое, а повышение...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

БЕЗ МУЗЫКИ, БЕЗ МЕЛОДИИ, БЕЗ КРАНА КАПАЮЩЕГО И ДОЖДЯ СТУЧАЩЕГО, В ТИШИНЕ ПИСАННОЕ, В БЕЗМОЛВИИ ЧИТАТЬ РЕКОМЕНДУЕМОЕ, И ЕСТЬ ЭТО ОБРАЩЕНИЕ НЕ СТОЛЬКО К УВАЖАЕМОМУ ЧИТАТЕЛЮ, СКОЛЬКО К ИМАДЕДДИНУ НАСИМИ ЛИЧНО. В ЕГО СОБСТВЕННЫЕ, КАК ГОВОРИТСЯ, РУКИ, И ЕМУ В ЛИЧНЫЕ, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ, УШИ, ПОТОМУ КАК ДО СУДНОГО ДНЯ ДУШИ ПРЕБЫВАЮТ В ЕГО, ДНЯ, ТО ЕСТЬ, КАЖДОДНЕВНОМ ОЖИДАНИИ, И НЕТ НИКАКИХ ОСНОВАНИЙ СОМНЕВАТЬСЯ В ТОМ, ЧТО СЛОВА ЭТИ РАНО ИЛИ ПОЗДНО ДОЙДУТ ДО АДРЕСАТА... ВПРОЧЕМ, ОСНОВАНИЙ БЫТЬ В ЭТОМ УВЕРЕННЫМ У МЕНЯ ЕЩЕ МЕНЬШЕ... У ВСЕВЫШНЕГО ЖЕ МИЛОСТЕЙ НЕ СЧЕСТЬ, И КАЖДЫЙ ИЗ НАС УЗНАЕТ ЛИШЬ ТО, ЧТО ОН, ГОСПОДЬ НАШ, НУЖНЫМ СОЧТЕТ. И ЕСЛИ ДАСТ БОГ, ТО ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЙДУТ ДО НАСИМИ СЛОВА МОИ ВМЕСТЕ С МОЛИТВАМИ НАШИМИ ЗА ДУШУ ЕГО, ЗА ДУШУ ЕГО, БИТЫМ СТЕКЛОМ ТЫКАННУЮ, ЗА ТЕЛО ЕГО, НОЖОМ ОСТРЫМ РЕЗАННОЕ, ДА ЗА КОЖУ ЕГО, В ХАЛЕБЕ ДАЛЕКОМ, НАЧИСТО СОДРАННУЮ...

...тебе, Насими, всё равно спасибо... от надежды тебе спасибо, спасибо громкое, спасибо раскатистое, спасибо раскатистое, что на шесть веков вперед раскатилось и дальше катиться будет... от надежды, которая выжила, выкрутилась, и, затоптанной будучи, все равно на ноги поднялась... ты ведь очень, очень всем помог, ты и до сих помогать продолжаешь... потому что если на весь Восток когда-то один такой Насими был, один маленький Насими на весь огромный Восток, то, даст Бог, и второй такой появится... один, маленький, на весь Восток, на весь такой из себя большой и огромный Восток, маленький такой Насими из Азербайджана, из Азербайджана, да из Озор-Бийджона, сам ободранный, окровавленный, рот болью сведенный, мышцы обнажены, жилы прОвисом висят, а красненькое вокруг так и хлещет, так и хлещет вокруг красненькое на песок восточный, на песок горячий, хлещет и испаряется, потечет и ис-

чезнет... да люди, люди вокруг, толпа ревушая, глаза горящие, зубы стиснутые, лица разные, кто улыбкой обнажен, кто отворачивается, потому как нервишками слаб... которые просто посмотреть, которых силой пригнали, кто посочувствовать пришел, а кому просто домой идти не хотелось, к жене постылой да стенам обрыдшим... У тебя, Насими, и сны хорошие были, и жизнь, интереснее не бывает, а вот долгов нет, не осталось долгов, ни одного, ни одного не осталось... что мог, то сделал, чего не смог – то хоть на зуб да пальцем попробовал, расковырял, оплатил сны свои кровью собственной, окропил горячий красненьким, да так окропил, что после тебя пришедшие, в жидкость ту перья обмакнув, свое писать дерзновенно помышляют, думают, декламируют, головами мотают пьянственно, а протрезвев, участи твоей себе не желая, славе слезно завидуют... а как поймут, что славы такой без участи твоей не бывает и быть не может – призадумаются... и закачаются сожалеючи головы, на плечах непрочно сидящие, головы, всё-всё-всё тщательно взвешивающие, головы думающие, головы лысеющие, ну, или кудрявые всё еще головы, не без сожаления закачаются, ведь славы хочется, признания хочется, на цитаты быть растащенным еще больше хочется, всего, всего хочется, одного только никак не желается, чтоб песок желтый красным окрасился, не хотят песок желтый красным красить, не идет красное к желтому, хоть и ложится ровно, загляденье просто, без грунтовки ложится, без кисти размазывается, но всё равно, всё равно не подходят они друг другу, не смотрятся совсем, не смотрятся они один на другом, под каким ты их углом не рассматривай... слишком уж, по-моему, оба цвета криком кричат-надрываются... в особенности, когда красный изливается на желтое... твою подлинную могилу мне так никто и не показал, а на приманку для немногих туристов, которые слышали о тебе краем уха (в виде мавзолея с арабской вязью и даже табличкой на английском языке «Здесь покоится один из самых великих мыслителей исламского мира – Имадеддин Насими») я не купился... тебя б никто так похоронить не посмел бы... да мало что похоронить, так еще и надпись по тем временам дерзновенную высечь, ну, а позже... да кто его знает, может, вообще позабыли, как ты выглядел, а может, припомнили, может, искали, да нашли первого попавшего под руку, что по формату подходил... на месте рва, куда сбрасывали тела казненных, теперь городской квартал, не новый, правда, врать не стану... так, века девятнадцатого... обычный старый квартал обычного восточного города... изжелта-белые стены, одно-, максимум, трехэтажные домишки, белье на веревках да лавки с мелочевкой... вот тебе и весь Насими... ну, разве что, памятник на одной из Бакинских площадей да кино, в году тысяча девятьсот семьдесят четвертом снятое... а теперь... ну, теперь, наверное, точно всё... хвала Вдохновившему, спасибо читавшему, спокойствия пишущему, а героям написанного и Насими, самому Насими, в частности и особенно, – сна спокойного под защитой Всевышнего до самого до Дня Взвешивания...

...и не зря ты взял себе такой псевдоним...Насими, «насм», «утренний ветер», «душа», и был ты легок, как утренний ветер, и тяжел, как мысли им навеваемые, был ты с душой и сердцем, что бьется, как бабочка, прикрытая ладонью, ты много кричал, ты махал руками, ты подтверждал свое восточное происхождение словом и делом, уголками глаз и расшитой обувью, ты многого хотел, подолгу мечтал, ты так хотел, чтобы её руки навсегда остались тонкими, чтобы она каждый вечер клала их тебе на плечи, ерошила волосы и тыкалась носиком в щеку, ты так хотел, чтобы твой вдох совпадал с её выдохом и чтобы она ушла, чтобы она обязательно ушла, везде оставив свой запах, везде-везде, от кипариса до дороги, после чего ты хотел написать свою лучшую вещь и окончательно рассориться с критиками... а потом... а потом ты уже был согласен на то, чтобы они содрали с тебя кожу, Насими, не так ли? Конечно, согласен, заранее согласен, на всю жизнь согласен, а потому – пусть снимают... Всем зачтется...